

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Шарудилов Александр Сергеевич

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ
ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
(БАНКРОТСТВЕ)

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель

Ручкина Гульнара Флюровна,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист
Российской Федерации,
член-корреспондент
Российской академии образования

Москва – 2026

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Правовая природа, основания привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника при банкротстве	18
1.1 Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве	18
1.2 Основания привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, их соотношение с отдельными юридическими категориями.....	37
Глава 2 Условия и порядок привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника при банкротстве.....	72
2.1 Условия привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, презумпции контроля и вины	72
2.2 Порядок привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, включая процессуальные особенности и сроки	101
Глава 3 Правовой статус контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве), а также лиц, аффилированных с ними и иных сопричинителей вреда	122
3.1 Расширение правомочий лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности при несостоятельности (банкротстве)	122
3.2 Основания и условия привлечения к ответственности лиц, аффилированных с контролирующими должника лицами, включая их ответственность как сопричинителя вреда при несостоятельности (банкротстве)	146
Заключение	168
Список литературы	171

Приложение А Механизм защиты прав кредиторов через реализацию руководителем бизнес-стратегии по выходу из неблагополучного финансового положения	211
Приложение Б Динамика изменений, рассматриваемых положений Закона о банкротстве	212
Приложение В Соотношение положений о возмещении убытков и специальных норм, регламентирующих субсидиарную ответственность.....	214

Введение

Актуальность темы исследования. В Российской Федерации роль субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (далее – КДЛ) с точки зрения защиты прав кредиторов возрастает, что подтверждается как динамикой законодательных изменений (в частности, реформой 2017 года – введение главы III.2 в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве), так накопленной, но не всегда единообразной, правоприменительной практикой Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) и арбитражных судов за последние 5-7 лет.

В условиях сохраняющейся экономической нестабильности и цикличности экономических кризисов, оказывающих непосредственное влияние на финансовое состояние хозяйствующих субъектов, банкротство является неотъемлемой частью цивилизованного общества, направленное на достижение соблюдения прав и законных интересов как кредиторов, так и должников в ситуации, когда последние не в состоянии отвечать по своим обязательствам. Значимость привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при несостоятельности (банкротстве) выражается в том, что в широком смысле такая ответственность служит не только инструментом правовой санкции, но и превентивной мерой и компенсаторным механизмом, способствующей укреплению финансовой стабильности и справедливому распределению рисков между участниками экономической деятельности.

Важность субсидиарной ответственности при несостоятельности (банкротстве) подтверждает тот факт, что в информационно-тематическом собрании правовых позиций «Привлечение к субсидиарной ответственности», подготовленном Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации, большая часть разъяснений положений в таком документе отведена сложным и противоречивым вопросам привлечения

контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при несостоятельности (банкротстве) [229].

По данным Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (далее – Федресурс) за период с 2020 г. по 2024 г. [224], средний годовой объем присужденной субсидиарной ответственности составил 435 млрд рублей (при удовлетворении около 43% заявлений). Однако реальная доля погашенных требований кредиторов в делах о банкротстве остается крайне низкой (менее 10%, по данным за тот же период), а совокупный объем непогашенных требований превышает 3,2 трлн рублей. Приведенные статистические данные Федресурса, демонстрирующие колоссальный разрыв между объемом присужденной субсидиарной ответственности (сотни миллиардов рублей ежегодно) и крайне низким процентом реального удовлетворения требований кредиторов (менее 10%) подчеркивают значимость и недостаточную эффективность субсидиарной ответственности в части реального восстановления прав кредиторов.

Состояние субсидиарной ответственности при несостоятельности (банкротстве) в Российской Федерации характеризуется существенным размером включенных требований, несоответствием взысканной судом суммы по заявлениям о привлечении к субсидиарной ответственности и удовлетворенных требований в процедуре банкротства, тем самым как общий итог – высокий процент непогашенных обязательств перед кредиторами.

Из чего следует, что решение вопросов в части уменьшения размера включенных требований (защита прав кредиторов через реализацию бизнес-стратегии), увеличения размера удовлетворенных требований за счет взысканной суммы субсидиарной ответственности (предъявление требований к лицу, привлекаемому к субсидиарной ответственности), увеличения погашенных требований кредиторов (объем прав контролирующих должника

лиц и так далее) – могло бы поспособствовать повышению эффективности процедур банкротства и укреплению финансовой стабильности государства и общества.

Наряду с практическими сложностями, значимость темы обусловлена наличием целого ряда дискуссионных доктринальных вопросов, требующих глубокого научного осмысления. К их числу относятся: определение правовой природы субсидиарной ответственности КДЛ; отсутствие четких критериев для разграничения виновного поведения, влекущего ответственность, и обычного предпринимательского риска, что создает правовую неопределенность для добросовестных руководителей; неполнота правового регулирования процессуального статуса КДЛ, порождающая дисбаланс прав и обязанностей участников дела о банкротстве; а также проблема привлечения к ответственности лиц, формально не являющихся контролирующими, но фактически содействующих в сокрытии активов (сопричинителей вреда). Указанные теоретические пробелы напрямую влияют на предсказуемость правоприменения и эффективность защиты прав как кредиторов, так и добросовестных участников оборота.

Помимо изложенного, особое значение придают теме последние разъяснения высших судебных инстанций (например, практика ВС РФ по делам о банкротстве контролирующих лиц и сопричинителей вреда), формирующие новые подходы привлечения к ответственности.

Данные обстоятельства указывают на необходимость дальнейшего доктринального осмысления и совершенствования правового регулирования субсидиарной ответственности КДЛ, практики применения, что может способствовать повышению предсказуемости правоприменения, укреплению гарантий защиты прав кредиторов и добросовестных КДЛ.

Степень разработанности темы исследования. Несмотря на значительное количество публикаций, посвященных различным аспектам субсидиарной ответственности КДЛ, ряд вопросов остается дискуссионным или недостаточно изученным. Анализ научной литературы

и диссертационных исследований позволяет выделить несколько ключевых направлений изучения данной проблематики.

Вопросы гражданско-правовой ответственности и правового регулирования несостоятельности (банкротства) традиционно находятся в центре внимания юридической науки. Теоретический фундамент исследования составили труды таких ученых, как Г.Ф. Шершеневич, О.С. Иоффе, Е.А. Суханов, В.Ф. Попондопуло. Различные аспекты ответственности контролирующих лиц и защиты прав кредиторов рассматривались в работах С.А. Карелиной, Р.Т. Мифтахутдинова, И.Ю. Рыкова, Е.Д. Суворова, О.В. Гутникова, Р.К. Лотфуллина, П.М. Морхата, Т.П. Шишмаревой. Процессуальный статус участников дела о банкротстве анализировался в публикациях Е.Н. Бычковой, И.А. Журикова, В.И. Григорьева.

Отдельное внимание в рамках настоящей работы уделено анализу диссертационных исследований, заложивших концептуальные основы изучаемой проблематики. Общие условия гражданско-правовой ответственности и принципы добросовестности и разумности в поведении участников оборота освещены в работах В.А. Хохлова (1998 г.) и А.В. Татарникова (2010 г.). Сущностные характеристики субсидиарных обязательств в гражданском праве (преимущественно через призму ст. 399 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) исследованы в работах Ю.Я. Крюковой (2013 г.) и Е.П. Прус (2006 г.). Проблемы ответственности КДЛ, осложненной иностранным элементом, стали предметом изучения К.И. Евтеева (2017 г.). К числу новейших исследований относятся диссертации С.В. Петухова (2024 г.), проанализировавшего корпоративно-правовую природу ответственности КДЛ, и А.А. Тарасенко (2024 г.), выделившего специфику ответственности «за банкротство» и «в банкротстве».

Вместе с тем, вопросы материально-правового разграничения нормативных оснований и условий ответственности в их связи с системой

правовых презумпций до сих пор не являлись предметом всестороннего научного исследования. Тем самым, вне поля зрения исследователей оставались аспекты формирования правовых гарантий для добросовестных руководителей через реализацию этапных антикризисных стратегий, а также проблемы доктринального обоснования ответственности сопричинителей вреда, не обладающих статусом КДЛ, но содействующих сокрытию активов. Необходимость обеспечения баланса прав и обязанностей участников дела о банкротстве также требует дополнительного научного осмысления с учетом актуальных позиций высших судебных инстанций.

Динамичное развитие законодательства и правоприменительной практики, формирование новых подходов Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) и ВС РФ, выявление новых способов злоупотреблений со стороны КДЛ обуславливают необходимость дальнейшего системного исследования. Выявленные в ходе анализа научной разработанности темы пробелы и противоречия, связанные с определением оснований ответственности, процессуальным статусом КДЛ и иных вовлеченных лиц, критериями добросовестности и разграничением ответственности, определили направления настоящего диссертационного исследования.

Целью исследования является разработка и обоснование системы теоретических выводов и практических предложений по совершенствованию правового регулирования субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве).

Постановка обозначенной цели предопределила необходимость решения следующих **задач**:

- 1) Уточнить определение субсидиарной ответственности КДЛ, с учетом выявленных отличительных признаков и ее гражданско-правовой (деликтной) природы;
- 2) выявить теоретико-правовую неопределенность определения оснований привлечения к субсидиарной ответственности, обосновать

необходимость доктринального и правоприменительного разграничения нормативных оснований;

3) выявить обязанности руководителя в предкризисный и неплатежеспособный период, разработав поэтапный механизм защиты прав кредиторов через реализацию руководителем бизнес-стратегии по выходу из неблагоприятного финансового положения, предусматривающий правовые гарантии для добросовестного руководителя и кредиторов;

4) проанализировать понятие «номинальный руководитель» в соотношении с понятием «фактический руководитель», уточнив его с учетом выявленных отличительных признаков номинального руководителя и предложив критерии для снижения (освобождения) его от ответственности;

5) исследовать существующие процессуальные препятствия, ограничивающие реализацию права на предъявление кредиторами требований в деле о банкротстве лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, сформулировав предложение, направленное на расширение прав мажоритарных кредиторов и полномочий собрания (комитета) кредиторов по понуждению арбитражного управляющего к подаче соответствующего заявления;

6) разработать предложения по уточнению процессуального статуса КДЛ, позволяющие обеспечить защиту их прав при формировании реестра требований и конкурсной массы и одновременно способствующие максимальному пополнению конкурсной массы;

7) исследовать основания и условия привлечения к солидарной ответственности с КДЛ лиц (включая аффилированных), не обладающих статусом КДЛ, но способствовавших сокрытию активов КДЛ (сопричинителей вреда), на основе анализа положений статьи 1080 ГК РФ и судебной практики, обосновав возможность их привлечения к солидарной ответственности как сопричинителей вреда.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие при привлечении к субсидиарной ответственности

контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве).

Предметом исследования являются нормы российского гражданского законодательства, законодательства о несостоятельности (банкротстве), регулирующие привлечение КДЛ к субсидиарной ответственности при несостоятельности (банкротстве), а также акты толкования права, правоприменительная практика арбитражных судов, Верховного Суда Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации, а также научные доктрины и исследования в указанной сфере.

Область исследования диссертации соответствует п. 6. «Теория субъектов. Особенности правового положения субъектов в отдельных сферах экономики и социально-культурной деятельности. Отношения, связанные с участием в корпоративных организациях; отношения по управлению юридическим лицом. Отношения экономической зависимости. Несостоятельность (банкротство). Субъекты процессуальных отношений» и п. 12. «Особенности ответственности в отдельных частноправовых отношениях» Паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).

Методология и методы исследования. Методология исследования характеризуется использованием диалектического метода исследования, общенаучных и частнонаучных методов познания. Методологическую основу диссертационного исследования составили:

- диалектический метод познания правовых явлений, предполагающий рассмотрение правовых явлений во взаимосвязи и развитии;
- общенаучные методы познания (исторический, логический, обобщение, классификация, аналогия, анализ, синтез, индукция, дедукция, формализация);
- частнонаучные методы, свойственные юридической науке – формально-юридический (догматический) (при анализе и толковании правовых норм, выработке понятийного аппарата и классификаций), сравнительно-правовой (при изучении зарубежного опыта регулирования

ответственности контролирующих лиц, в частности, доктрины «снятия корпоративной вуали»), историко-правовой (при анализе эволюции субсидиарной ответственности в России), статистический (при анализе данных Федресурса), метод анализа и обобщения судебной практики (при выявлении тенденций и проблем правоприменения за 2020-2025 гг.).

Теоретическая основа исследования. В основу диссертационного исследования положены работы таких авторов как: С.С. Алексеев, А.С. Антонов, И.Н. Барциц, С.А. Беляцкий, Б.М. Гонгало, О.В. Гутников, К.И. Евтеев, О.С. Иоффе, А.Г. Карапетов, С.А. Карелина, О.Э. Лейст, Р.К. Лотфуллин, М.Ф. Лукьяненко, П.М. Морхат, Е.А. Муратова, С.В. Петухов, В.Ф. Попондопуло, Е.П. Прус, И.Ю. Рыков, А.В. Сарнакова, Е.Д. Суворов, Е.А. Суханов, А.А. Тарасенко, А.А. Ткачев, И.В. Фролов, В.А. Хохлов, Н.С. Чернышенко, М.Д. Шаргородский, Г.Ф. Шершеневич, Т.П. Шишмарева и других.

Нормативную базу исследования составляют Конституция Российской Федерации, ГК РФ, федеральное законодательство о несостоятельности (банкротстве). В работе проанализированы нормы корпоративного законодательства (Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»; Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»), антимонопольное законодательство, а также иные нормативные правовые акты Российской Федерации, устанавливающие требования к управлению юридическими лицами и определяющие порядок привлечения контролирующих лиц к гражданско-правовой ответственности.

Эмпирическую базу исследования составили постановления и определения КС РФ, постановления Пленума ВС РФ, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) по проблемам субсидиарной ответственности контролирующих лиц и смежным вопросам несостоятельности (банкротства) и корпоративного права, материалы судебной практики арбитражных судов округов и судов первой

и апелляционной инстанций преимущественно за 2020-2025 гг., при этом ключевые действующие позиции ВАС РФ также были учтены, статистические данные и аналитические документы Федресурса и Федеральной налоговой службы (далее – ФНС России).

Научная новизна исследования заключается в разработке и доктринальном обосновании системы правовых механизмов, обеспечивающих достижение справедливого баланса интересов кредиторов и контролирующих должника лиц за счет установления процессуального равенства сторон и создания правовых гарантий как для защиты добросовестного руководителя от необоснованной ответственности, так и для эффективного взыскания с недобросовестных лиц и их соучастников, что нашло отражение в следующем:

1) Разработан трехэтапный механизм, направленный на защиту добросовестного руководителя от необоснованного привлечения к ответственности за несвоевременную подачу заявления о банкротстве.

2) Предложен комплекс процессуальных мер, позволяющий кредиторам преодолевать бездействие арбитражного управляющего, путем понуждения его к включению требования в реестр требований кредиторов контролирующего должника лица, либо самостоятельной подачи такого требования.

3) Доказана необходимость трансформации правового статуса контролирующего должника лица в активного участника процесса путем законодательного закрепления за ним права инициировать пополнение конкурсной массы и оспаривать действия (решения), влияющие на итоговый размер его ответственности.

4) Обосновано самостоятельное деликтное основание (статья 1080 ГК РФ) для привлечения к солидарной ответственности с контролирующими должника лицами лиц-сопричинителей, умышленно содействовавших сокрытию активов.

Научная новизна раскрывается в **положениях, выносимых на защиту:**

1) Предложено определение понятия «субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве)», под которой понимается вид гражданско-правовой деликтной ответственности, состоящей во взыскании с контролирующего лица в пользу кредиторов в размере неудовлетворенных основным должником требований кредиторов, которая наступает при наличии вины контролирующего лица в случае, если контролирующее должника лицо действовало недобросовестно и неразумно, и в результате противоправных действий (бездействия) таких лиц был причинен вред имущественным правам кредиторов основного должника в виде невозможности полного погашения их требований или несовершения действий по своевременной подаче заявления о признании должника банкротом. Данный вид ответственности применим исключительно по тем основаниям и при наличии тех условий, которые предусмотрены нормами Закона о банкротстве (глава III.2) (С. 26-37).

2) Обоснована необходимость четкого доктринального и практического разграничения нормативных оснований привлечения к субсидиарной ответственности (статья 61.11 и статья 61.12 Закона о банкротстве), условий ее наступления (противоправность, вред, причинная связь, вина) и презумпций (пункт 2 статьи 61.11). Такой подход способствует упорядочиванию предмета доказывания и предотвращает смешение материально-правовых оснований с процессуальными механизмами (С. 38-50; 63-64).

3) Разработан трехэтапный механизм реализации руководителем экономически обоснованного плана выхода из неблагоприятного финансового положения, предусматривающий уведомление кредиторов и мониторинг финансовых показателей в течение общего срока до одного года («Направление уведомления», «Мониторинг и анализ», «Дополнительный мониторинг»), который позволит добросовестному руководителю, действующему в рамках обычного делового риска, избежать ответственности по статье 61.12 Закона о банкротстве, минуя преждевременное инициирование

процедуры несостоятельности (банкротства), и минимизировать негативные последствия для всех сторон правоотношений (С. 55-63).

4) Выявлены существенные признаки номинального руководителя, позволяющие сформулировать определение рассматриваемого понятия, под которым понимается контролирующее должника лицо, формально занимающее должность в органах управления юридического лица, но при этом: а) фактически не осуществляет самостоятельного управления деятельностью юридического лица, действуя преимущественно по прямым или косвенным указаниям иного лица (фактического руководителя); б) лишено возможности принимать или существенно влиять на управленческие решения; в) не является непосредственным выгодоприобретателем от незаконных или недобросовестных действий фактического руководителя, причинивших вред должнику или его кредиторам. Ответственность такого лица может быть уменьшена или оно может быть полностью освобождено от субсидиарной ответственности при условии, если оно докажет свое соответствие указанным признакам и предоставит сведения, указанные в пункте 9 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (С. 79-84).

5) Разработаны предложения, направленные на повышение эффективности механизма предъявления требований к лицу, привлекаемому к субсидиарной ответственности в деле о его банкротстве, включающие предоставление мажоритарным кредиторам право обращения в суд с ходатайством о разрешении на самостоятельную подачу требования в реестр требований кредиторов контролирующего должника лица в случае доказанного бездействия арбитражного управляющего, а также расширения полномочий собрания кредиторов в виде наделения его правом принятия решений, обязывающих арбитражного управляющего обратиться с указанным заявлением в рамках банкротства контролирующего должника лица (С. 110-120).

б) Предложено включить контролирующее должника лицо в число

лиц, имеющих право инициировать подачу арбитражным управляющим заявления об оспаривании сделки должника (с правом самостоятельного обращения в суд при бездействии управляющего), обжаловать в порядке статьи 60 Закона о банкротстве действия (бездействия) арбитражного управляющего, а также оспаривать решения собрания (комитета) кредиторов, если эти действия или решения влияют на размер его потенциальной ответственности (С. 130-139; 139-146).

7) Аргументировано, что для привлечения лица, в том числе аффилированного с контролирующим должника лицом, к солидарной ответственности, как сопричинителя вреда, кредиторам несостоятельного должника (на основании статьи 1080 ГК РФ) не требуется установления его контроля над деятельностью должника, при этом размер ответственности такого сопричинителя вреда ограничен стоимостью имущества контролирующего должника лица, в сокрытии которого он участвовал. Основанием для такой ответственности является доказанная заявителем совокупность фактов: а) наличие у контролирующего должника лица обязательства по субсидиарной ответственности (или очевидных оснований для его возникновения); б) совершение контролирующим должника лицом и привлекаемым к солидарной ответственности лицом согласованных действий, направленных на вывод (сокрытие) имущества с целью избежать обращения на него взыскания; в) умышленный характер действий привлекаемого лица (его осведомленность о неправомерной цели контролирующего должника лица и преследование им собственного интереса или интереса контролирующего должника лица в ущерб кредиторам); г) прямая причинная связь между действиями сопричинителей и возникшей или увеличившейся невозможностью полного удовлетворения требований кредиторов за счет имущества контролирующего должника лица (С. 153-165).

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в возможности использования ее основных положений и выводов для разработки новых и совершенствования действующих правовых норм

отечественного права (например, при внесении изменений в статьи 15, 60, 61.9, 61.16 Закона о банкротстве). Основные выводы диссертационного исследования и положения, выносимые на защиту, могут найти свое применение в учебно-педагогической практике. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в практической деятельности арбитражных управляющих, юрисконсульттов, судей арбитражных судов (например, предложенный механизм защиты руководителя может быть учтен судами при оценке действий КДЛ по статье 61.12 Закона о банкротстве) и иных лиц, которые сталкиваются в своей деятельности с несостоятельностью (банкротством) и спорами о привлечении к субсидиарной ответственности.

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Достоверность результатов обеспечена теоретической, нормативной и эмпирической базой исследования, включающей изучение и анализ совокупности законодательных норм, актов толкования права, правоприменительной практики арбитражных судов за последние годы, научных публикаций, раскрывающих особенности и регламентирующих привлечение КДЛ к субсидиарной ответственности.

Также результаты диссертационного исследования явились предметом обсуждения в рамках докладов на научно-практических конференциях молодых ученых, аспирантов и студентов, а именно: на LXV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы юриспруденции» (г. Новосибирск, Сибирская академическая книга, 19 декабря 2022 г.); на XXII Международной научно-практической конференции «Юридические науки, правовое государство и современное законодательство» (г. Пенза, Международный центр научного сотрудничества «Наука и Просвещение» 25 января 2024 г.).

Актуальные и значимые положения исследования применяются в практической деятельности ООО «Лемчик, Крупский и партнеры», в частности используется выведенные в диссертации основания и условия привлечения к субсидиарной ответственности при несостоятельности

(банкротстве), что позволяет четко и детализировано изложить суть заявленных требований. Результаты исследования также используются при консультировании клиентов по вопросам рисков привлечения к субсидиарной ответственности и разработке стратегий защиты. Выводы и основные положения диссертации используются в практической работе практики «Антикризис и Банкротство» ООО «Лемчик, Крупский и партнеры» и способствуют качественному оказанию юридических услуг клиентам.

Материалы исследования используются Кафедрой правового регулирования экономической деятельности Юридического факультета Финансового университета в учебном процессе в преподавании учебных дисциплин «Предпринимательское право» и «Правовое регулирование несостоятельности (банкротства)».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные положения и результаты исследования отражены в 5 научных работах общим объемом 2,96 п.л. (весь объем авторский), опубликованных в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем диссертации обусловлены целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы из 231 наименования, 3 приложений. Текст диссертации изложен на 215 страницах, содержит 1 рисунок, 2 таблицы.

Глава 1

Правовая природа, основания привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника при банкротстве

1.1 Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве

В качестве правового инструмента, который предоставляет дополнительные гарантии надлежащего исполнения обязательств, в гражданском праве используется конструкция субсидиарного обязательства, которая является одним из исторически сложившихся ответов на потребность в защите интересов кредиторов. Поиск эффективных механизмов для достижения этой цели был характерен для законодателей еще на самых ранних этапах развития правовых систем. Термин «субсидиарная» происходит от латинского слова «subsidium», что означает «помощь, поддержка», в римском праве субсидиарная ответственность представляла собой дополнительное обязательство «adpromissio».

В отечественной правовой системе на протяжении недавних десятилетий наблюдается активный процесс поиска наилучшей модели вовлечения юридических лиц в гражданский оборот. Этот поиск направлен на установление равновесия между потребностями имущественного оборота как такового и интересами его субъектов. Использование конструкции юридического лица позволяет решать такие задачи, как: аккумуляция капитала, персонификация участия коллективных образований, консолидация усилий различных субъектов и, что немаловажно, ограничение предпринимательского риска.

Применение субсидиарной ответственности в делах о несостоятельности преследует цель обеспечения формирования конкурсной

массы и удовлетворения требований кредиторов в ситуации, когда имущества самого должника недостаточно. Основным мотивом здесь является не только улучшение эффективности процедуры банкротства и увеличение суммы удовлетворенных требований кредиторов, но и восстановление справедливости, нарушенной недобросовестными действиями КДЛ, а также превенция подобных злоупотреблений в будущем. Подобное способствует поддержанию справедливости и защите интересов сторон в гражданском обороте.

При этом важно отметить, что механизм субсидиарной ответственности КДЛ, несмотря на его компенсаторную направленность (восстановление потерь кредиторов), несет в себе и значительный превентивный заряд, стимулируя менеджмент и бенефициаров к добросовестному и разумному управлению. Баланс между компенсацией и превенцией является одной из ключевых проблем правового регулирования привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности при несостоятельности (банкротстве).

Примечательно, что правовая система дореволюционной России не содержала систематизированных норм о юридических лицах. Соответствующий термин впервые был зафиксирован в Основных государственных законах только в 1906 году. Советский правовед С.А. Беляцкий указывает, что: «Существование юридических лиц признавалось на уровне судебной практики посредством толкования хаотично разбросанных по своду законов норм о правах и обязанностях, органах управления, деятельности и внутреннем устройстве образований, наделяемых статусом самостоятельного участника оборота. Отдельные виды образований (товарищества, компании и конкурсы) именовались «сословием лиц»» [138, с. 130]. Цивилист Г.Ф. Шершеневич отмечает, что «современные акционерные компании не воспринимаются как равноправные участники экономических отношений и являются скорее институтом публичного, а не частного права» [156, с. 45]. Такой подход затруднял развитие ответственности лиц, стоящих за юридическим лицом.

Следует отметить, что и в советский период, несмотря на доминирование государственной собственности и специфику хозяйственных связей, вопросы ответственности руководителей предприятий, хотя и в ином контексте (административном, уголовном, дисциплинарном, а также в рамках возмещения ущерба предприятию), привлекали внимание ученых. Однако именно переход к рыночной экономике и развитие корпоративных форм потребовали разработки специфических гражданско-правовых механизмов ответственности лиц, контролирующей деятельность хозяйственных обществ.

Предлагал установить ответственность директоров перед кредиторами акционерного товарищества только лишь Проект Гражданского уложения Российской Империи. Статья 2323 Проекта содержала условия их ответственности и основания для привлечения руководителей неисправных должников к ответственности [144, с. 53], однако ввиду политических событий Проект так и не был принят.

Первый кодифицированный акт, который стал предусматривать основания и возможность привлечения к субсидиарной ответственности стал Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1992 г. (далее – ГК РСФСР 1922 г.), необходимо отметить, что, несмотря на наличие в ГК РСФСР 1922 г. упоминаний об элементах дополнительной ответственности членов некоторых организационно-правовых форм, полное и достаточное правовое регулирование именно субсидиарной ответственности контролирующих лиц отсутствовало.

Вместе с тем в ГК РСФСР 1922 г. появляется значительное число норм, регулирующих банкротство, например, статья 219 ГК РСФСР 1922 г.; статья 294 ГК РСФСР 1922 г., согласно которой: «При несостоятельности кого-либо из товарищей, приходящаяся на его долю часть убытков распределяется между остальными товарищами на том же основании» [10].

Как следует из вышеизложенной информации, ни один акт дореволюционного и раннесоветского периода в полной мере не устанавливал

субсидиарной ответственности контролирующих лиц юридического лица как такового. В связи с чем можно сказать, что современное законодательство о банкротстве и субсидиарной ответственности КДЛ берет свое начало лишь с момента издания Указа Президента Российской Федерации (далее – Указ Президента РФ) № 623 от 14.06.1992 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применения к ним специальных процедур» [11].

Данный нормативный правовой акт имел свои недостатки, что послужило причиной принятия принципиально нового документа – Закона 1992 г. [12], который между тем также не устанавливал субсидиарную ответственность контролирующих лиц в современном понимании. В Законе 1992 г. предусматривалась лишь общая ответственность за неправомерные действия собственника предприятия-должника, самого должника, кредитора и иных лиц. Данная ответственность наступала за неправомерные действия, которым давалось определение данным нормативным актом. К ним, помимо фиктивного и умышленного банкротства, понятие которым давалось в преамбуле закона, также относилось:

- сокрытие части имущества должника или его обязательств;
- сокрытие, уничтожение, фальсификация любого учетного документа, связанного с осуществлением хозяйственной деятельности должника;
- невнесение необходимой записи в бухгалтерские документы;
- продажа, уничтожение или залог имущества должника, полученного в кредит и оставшегося неоплаченным [12].

В 1995 г. в пункте 3 статьи 56 ГК РФ [2] (в первоначальной редакции) впервые закреплена возможность привлечения к субсидиарной ответственности учредителей (участников), собственника имущества юридического лица или других лиц, которые имеют право давать обязательные для этого юридического лица указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, по обязательствам основного

должника, когда именно их действия (указания) послужили причиной его банкротства, однако новое законоположение не оказало того эффекта, на который рассчитывал законодатель, так, судья ВАС РФ в отставке Р.Т. Мифтахутдинов охарактеризовал эту норму как «спящую красавицу, которую даже в очевидных ситуациях не удавалось разбудить» [187, с. 189]. Схожее мнение высказывает и аспирант юридического факультета Финансового университета при Правительстве С.В. Петухов, отмечая, что первоначальная конструкция не позволяла эффективно применять данный вид ответственности [132, с. 16-20]. Это было связано со сложностью доказывания причинно-следственной связи и вины контролирующих лиц.

В 1996 г. в пункте 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 01 июля 1996 г. (ред. от 25 декабря 2018 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [19] даны важнейшие разъяснения по вопросам привлечения учредителей (участников) и директоров к субсидиарной ответственности. Так, субсидиарная ответственность по пункту 3 статьи 56 ГК РФ не наступала за бездействие, а подача заявления о привлечении к такой ответственности относилась к компетенции конкурсного управляющего. Из разъяснений ВС РФ и ВАС РФ также следовало, что субсидиарная ответственность применялась только в отношении тех, кто совершил умышленные действия с целью довести подконтрольную организацию до банкротства. Такое узкое толкование еще больше ограничивало применение нормы.

И.Ю. Рыков – эксперт в области управления проблемными активами и взыскания долгов отмечает, что «существовавший до принятия Закона о банкротстве 1998 года механизм привлечения к субсидиарной ответственности не имел практического применения, поскольку полномочий конкурсного управляющего было недостаточно для проведения полноценного сбора доказательств, указывающих на преднамеренное банкротство»

[153, с. 49]. Закон о банкротстве 1998 г. и особенно Закон о банкротстве 2002 г. начали постепенно развивать институт субсидиарной ответственности, вводя специальные основания и презумпции.

Ключевым этапом реформирования субсидиарной ответственности стало принятие Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ (последняя редакция) (далее – Федеральный закон № 266-ФЗ) [9]. Законодательные новеллы 2017 года в области банкротства ознаменовали собой качественно новый этап эволюции правового регулирования. Реформа ознаменовалась появлением специальной главы III.2, которая пришла на смену ранее действовавшей и менее детализированной статье 10 Закона о банкротстве. Указанная глава обеспечила систематизацию и уточнила процедуру возложения субсидиарной и других видов ответственности на руководителя и прочих контролирующих лиц. Кроме того, были инкорпорированы новые правовые презумпции и расширены процессуальные инструменты для привлечения КДЛ к ответственности.

Обобщая изложенное, представляется обоснованным заключить, что на протяжении последних трех десятилетий правовое регулирование субсидиарной ответственности КДЛ претерпело существенную трансформацию. Оно прошло путь от нормы, имевшей преимущественно декларативный характер, до реально функционирующего инструментария, направленного на охрану прав кредиторов в процедурах банкротства. Связано это с тем, что поддержание стабильности гражданского оборота и защита его участников от злоупотреблений является одним из приоритетов российской государственной социально-экономической политики.

Это несомненно отразилось на статистике. Количество удовлетворенных заявлений о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности увеличивается: так, за 2020 год – 29%, 2021 год – 34%,

2022 год – 36%, 2023 год – 43%, 2024 год – 52%, общий размер присужденных кредиторам сумм (руб.): в 2020 году – 352,01 млрд, 2021 году – 384,17 млрд, 2022 году – 491,29 млрд, 2023 году – 380,54 млрд, 2024 году – 432,84 млрд [224]. Рост показателей свидетельствует как об эффективности реформ, так и о повышении активности кредиторов и арбитражных управляющих.

Вместе с тем, статистика Федресурса показывает и другую сторону медали: несмотря на рост взысканных сумм по судебным актам, реальное исполнение этих актов и пополнение конкурсной массы за счет субсидиарной ответственности остается на низком уровне. Так, по данным за 2024 год, доля погашения требований кредиторов в делах о банкротстве юридических лиц, где привлекались КДЛ, несущественно отличалась от общей доли погашения [224]. Это указывает на проблемы с фактической исполнимостью решений и необходимость поиска механизмов повышения эффективности взыскания, что также актуализирует тему исследования.

В целях раскрытия оснований, условий и порядка привлечения к субсидиарной ответственности представляется необходимым определить природу субсидиарной ответственности КДЛ при несостоятельности (банкротстве).

Подход КС РФ к определению природы юридической ответственности заключается в следующем: «Форма реакции на конкретное правонарушение в целях устранения или смягчения последствий правонарушения либо наказания правонарушителя, а также предотвращения новых правонарушений» [17].

При этом КС РФ указывает и на следующее: «Введение ответственности за правонарушение и установление конкретной санкции, ограничивающей конституционное право, должно, исходя из общих принципов права, отвечать требованиям справедливости, быть соразмерным конституционно закрепляемым целям и охраняемым законом интересам, а также характеру совершенного деяния» [13]. Данный принцип соразмерности имеет важное значение и применительно к субсидиарной ответственности КДЛ.

Советские ученые-правоведы О.С. Иоффе [139, с. 100], О.Э. Лейст [146, с. 242] указывают, что юридическая ответственность применяется через определенные меры государственного принуждения, которые подкреплены соответствующей санкцией за нарушение той или иной нормы.

По мнению профессора Б.М. Гонгало «существование норм об ответственности и применение (угроза применения) этих норм призваны способствовать предупреждению неправомерного поведения, восстановлению положения, существовавшего до правонарушения. Кроме того, применение мер ответственности свидетельствует об осуждении неправомерного поведения; ответственность – гражданское наказание» [140, с. 85]. Применительно к субсидиарной ответственности КДЛ особенно важны восстановительная и превентивная функции.

Институционализация субсидиарной ответственности в качестве самостоятельной категории гражданского права произошла с закреплением ее в одноименной статье 399 ГК РФ. До этого в доктрине и законодательстве широко использовались разнообразные терминологические обозначения («дополнительная», «простое поручительство», «запасная» и тому подобное) для случаев, охватываемых современным понятием «субсидиарная ответственность». Вместе с тем статья 399 ГК РФ хотя и содержит общие нормы применения субсидиарной ответственности, однако не предоставляет четкого определения данного института, ограничиваясь лишь детальной регламентацией процедур его применения в гражданском обороте, при условии, что субсидиарная ответственность является значимым инструментом в гражданском обороте, обеспечивая защиту прав и интересов участников гражданских отношений.

Юрист Ю.Я. Крюкова высказывает свое мнение: «субсидиарное обязательство – относительное гражданское правоотношение, в силу которого субсидиарный должник обязан исполнить имущественную обязанность перед кредитором, возникшую в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязательств основным должником, а кредитор имеет право

требовать от субсидиарного должника исполнения его обязанности» [131, с. 19-20]. Данное определение отражает общую природу субсидиарного обязательства, но не учитывает специфику ответственности КДЛ.

Подходя к субсидиарному обязательству как к правоотношению, Е.П. Прус (бывший ведущий советник ВАС РФ) определяет его сущность следующим образом: «закрепляемую системой норм обязательственного права связь кредитора и дополнительного должника в процессе создания и исполнения имущественных прав и обязанностей» [133, с. 17-18].

Понятие «субсидиарная ответственность» в рамках дела о банкротстве имеет определенную специфику, поскольку законодатель и правоприменитель порой формируют меняющиеся подходы в ее применении. Отличительной чертой правового регулирования несостоятельности является то, что Закон о банкротстве не содержит доктринально разработанного понятия «субсидиарная ответственность». Профильный законодательный акт не предлагает ни формального определения указанного термина, ни перечисления его сущностных признаков.

Анализируя данную проблему, Г.В. Цепов придерживается следующей точки зрения: «по сути, Закон о банкротстве под вывеской «субсидиарная ответственность» смешал разные виды ответственности: 1) корпоративную ответственность менеджеров перед должником; 2) внедоговорную ответственность иных контролирующих лиц перед должником; 3) внедоговорную ответственность контролирующих лиц перед кредиторами должника» [214, с. 101-102]. С приведенным утверждением сложно согласиться в полной мере, в Законе о банкротстве предусмотрены нормы, которые проводят различие между субсидиарной ответственностью перед кредиторами (статья 61.11; статья 61.12 Закона о банкротстве) и ответственностью в виде возмещения убытков должнику (статья 61.20 Закона о банкротстве).

Определение правовой природы субсидиарной ответственности является предметом научных дискуссий. Выделяют несколько основных моделей, которые определяют ее правовую сущность.

В основу первой модели положен зарубежный подход, который, основывается на концепции, известной в англо-американской правовой системе как «снятие корпоративной вуали» (*piercing the corporate veil*). Ключевая идея этой доктрины заключается в предоставлении суду права в исключительных обстоятельствах преодолевать принцип ограниченной ответственности и переносить долги компании на ее контролирующих субъектов (участников, директоров), если корпоративная форма использовалась недобросовестно, для обмана кредиторов, уклонения от обязательств или совершения иных противоправных действий. В российском праве аналогом в законодательном закреплении можно считать презумпции вины контролирующих должника лиц в доведении до банкротства (пункт 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве). Ответственность с КДЛ снимается в случае, если будет доказано, что они действовали добросовестно и разумно, с должной осмотрительностью, и их действия не явились необходимой причиной банкротства. Действия таких лиц не должны привести к нарушению прав и законных интересов кредиторов должника, государства, а также иных лиц.

Необходимо отметить, что доктрина «снятия корпоративной вуали» имеет свои аналоги и в континентальной системе права, в частности, в Германии используется концепция «пронизывающей ответственности» (*Durchgriffshaftung*), которая исторически развивалась через две основные доктрины: «ответственности за контроль» (*Zustandshaftung*), основанной на самом факте длительного и существенного влияния на дочернее общество, и «ответственности за поведение» (*Verhaltenshaftung*), которая акцентирует внимание на конкретных действиях контролирующего лица, нарушающих принцип добросовестности (*Treu und Glauben*). В свою очередь, в Соединенных Штатах Америки суды выработали множественные критерии

для «прокалывания» вуали, такие как недостаточность капитализации, смешение активов, несоблюдение корпоративных формальностей и другое (например, критерии по делу *Laya v. Erin Homes, Inc.*). [194, с. 37-41; 208, с. 99-101]. Российский подход, закрепленный в Законе о банкротстве, выбрал черты обеих традиций, оперируя как понятием контроля (статья 61.10 Закона о банкротстве), «так и презумпциями, основанными на конкретных недобросовестных действиях (статья 61.11 Закона о банкротстве)» [194, с. 41-43], но это самостоятельный институт, хотя и функционально схожий.

Современные исследователи отмечают, что российская модель субсидиарной ответственности КДЛ, будучи самостоятельным правовым институтом, тем не менее, обнаруживает определенное сходство с доктриной «снятия корпоративной вуали».

Идеи, заложенные в данной концепции, являются методологически важными при установлении лица, которое должно быть привлечено к субсидиарной ответственности, особенно в случаях выявления фактического контроля через сложные корпоративные структуры или номинальных лиц. Отсюда следует устанавливать конкретную корпоративную связь лица, его реальные действия (бездействия), а также то, к каким последствиям привели такие действия (бездействия). Зарубежная судебная практика исходит из того, что к руководителям (бенефициарам) юридического лица предъявляются повышенные требования к профессиональной компетенции и стандарту поведения (фидуциарные обязанности), а это в свою очередь дает наибольшую возможность привлекать таких лиц к персональной ответственности.

Применение указанного подхода в российском праве происходит опосредованно, через нормы статьи 53.1 ГК РФ и главы III.2 Закона о банкротстве. Прямого закрепления доктрины «снятия корпоративной вуали» российское законодательство не содержит, но все предполагаемые формулировки ответственности КДЛ имеют лишь определенные схожие черты, в частности, например, эксперт в области компаративистики,

налогового и гражданского права С.Л. Будылин, частнопрактикующий юрист Ю.Л. Иванец, раскрывают данную концепцию как: «...При определенных условиях злоупотребления правом со стороны корпорации ответственность по обязательствам юридического лица может быть возложена на акционеров или иных контролирующих его лиц, невзирая на нормы закона об ограниченной ответственности акционеров, и так далее» [165, с. 80].

По определению кандидата юридических наук И.Ф. Колонтаевской, данное явление представляет собой «систему юридических средств, обеспечивающих возможность возникновения ответственности у лица, которое эту ответственность не несет в силу действия ограниченной ответственности и автономности корпорации» [182, с. 43]. Важно отметить, что применение доктрины «снятия корпоративной вуали» в зарубежных правовых порядках (например, Соединенных Штатах Америки, Великобритании, Германии) также носит исключительный характер и требует доказывания фактов злоупотребления корпоративной формой, таких как недостаточность капитализации (*undercapitalization*), смешение активов (*commingling of assets*), несоблюдение корпоративных формальностей, использование корпорации для обхода закона или обмана кредиторов [223, с. 95-97]. Российский подход, формализованный в Законе о банкротстве, во многом следует этой логике, устанавливая конкретные презумпции недобросовестности (пункт 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве).

Важно также отметить, что российское право содержит собственные институциональные механизмы, функционально схожие с доктриной «снятия корпоративной вуали». Так, категории «группа лиц» и «аффилированные лица», регулируемые антимонопольным (статья 9 Закона о защите конкуренции [8]) и гражданским законодательством (статья 53.2 ГК РФ), рассматриваются судебной практикой как основание для признания таких лиц действующими в общем экономическом интересе, то есть как «единого хозяйствующего субъекта» [25]. Это, по сути, представляет собой

специфический российский подход к преодолению принципа обособленности юридического лица в ситуациях контроля и связанности [193, с. 63-64].

В зарубежных правовых системах доктрина «снятия корпоративной вуали» (piercing the corporate veil) применяется преимущественно в ситуациях злоупотребления контролирующими лицами корпоративной формой; следствием неправомерного поведения таких лиц может стать обращение взыскания на их личные активы судом. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 53) акцентируется внимание на том, что применение института субсидиарной ответственности используется для восстановления прав кредиторов в экстраординарных ситуациях, когда необходимо преодолеть принцип ограниченной ответственности и имущественной автономии юридического лица.

Иной подход к осмыслению правовой природы субсидиарной ответственности КДЛ заключается в ее анализе сквозь призму общих цивилистических норм. В этом контексте возникает дискуссионный вопрос о применимости к субсидиарной ответственности в банкротстве общих положений, установленных статьей 399 ГК РФ [2].

К примеру, известный российский цивилист В.Ф. Попондопуло допускает возможность использования общих норм гражданского права для характеристики правовой сущности субсидиарной ответственности [198, с. 13].

По мнению аспиранта юридического факультета Финансового университета, при Правительстве Российской Федерации С.В. Петухова «субсидиарная ответственность контролирующих лиц, обладая самостоятельной правовой природой, отличной от иных институтов гражданского права, и выступая «дамокловым мечом», призванным существенно ограничить возможность злоупотребления конструкцией

юридического лица, органично не встроена в действующее законодательство Российской Федерации. Заложенная модель субсидиарной ответственности контролирующих лиц никак не связана со статьей 399 ГК РФ, так как следует за «собственные виновные действия или бездействия» [195, с. 24-26; 196, с. 185-186]. Аналогичной позиции придерживаются управляющий партнер А.А. Романов и помощник судьи Девятого кассационного суда общей юрисдикции А.В. Набокова, указывая, что субсидиарная ответственность КДЛ при банкротстве является ответственностью за собственное противоправное поведение КДЛ, причинившее вред кредиторам, в отличие от общей модели ст. 399 ГК РФ, где ответственность субсидиарного должника часто возникает без его вины за чужое неисполнение [200, с. 47]. Профессор С.А. Карелина отмечает трансформацию института из исключительной меры в конструкцию всеобъемлющего компенсаторного механизма [181, с. 13-16]. Данная позиция представляется более точной. Ответственность КДЛ по главе III.2 Закона о банкротстве возникает не в силу договора или закона как дополнительная к ответственности основного должника (как в статье 399 ГК РФ), а является самостоятельной ответственностью за собственное противоправное поведение КДЛ, причинившее вред кредиторам.

В рамках дела № А40-203647/2015 [35] Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ разъяснила природу субсидиарной ответственности, указав, что субсидиарная ответственность, предусмотренная Законом о банкротстве, не тождественна дополнительной ответственности в трактовке статьи 399 ГК РФ. Она квалифицируется как самостоятельная мера воздействия на КДЛ, применяемая за вред, причиненный кредиторам их неправомерными действиями.

Действительно, цивилисты спорят о том, можно ли применять общие нормы гражданского законодательства применительно к положениям, которые регулируют субсидиарную ответственность в законодательстве о банкротстве. Однако, несмотря на сходство в регулировании отдельных аспектов, необходимо учитывать приоритет специальной нормы над общей,

что предопределяет преимущественное применение положений Закона о банкротстве (глава III.2). Вместе с тем, по мнению аспиранта С.И. Абрамова, исследовавшего природу субсидиарной ответственности по ст. 61.11, ее можно рассматривать как особый институт, имеющий специфику по сравнению с классической гражданско-правовой (деликтной) ответственностью [159, с. 84-87]. Также аспирант А.А. Тарасенко разграничивает ответственность «за банкротство» (ст. 61.11), имеющую субохранительный характер, и ответственность «в банкротстве» (ст. 61.12), имеющую постохранительный характер, подчеркивая их специфику в рамках отношений несостоятельности [134, с. 63-65]. Также стоит учитывать, что ответственность по разным основаниям может иметь свою специфику. Например, «субсидиарная ответственность, наступающая вследствие неисполнения обязанности по подаче заявления о банкротстве (статья 61.12 Закона о банкротстве) иногда характеризуется как разновидность деликта введения в заблуждение или преддоговорной ответственности» [151, с. 546-548].

На ранних этапах развития законодательства о банкротстве привлечение КДЛ к субсидиарной ответственности допускалось лишь при условии дефицита конкурсной массы (включая все активы и денежные средства) для расчетов с кредиторами, чьи требования были включены в реестр. Однако современное правоприменение свидетельствует о трансформации этого института: из вспомогательного механизма он превратился, по существу, в ключевой инструмент для привлечения к ответу недобросовестных контролирующих лиц и защиты интересов кредиторов.

Интересным представляется мнение адвоката Е.Д. Суворова, который полагает, что: «Положения статьи 61.11 «Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов» и статьи 61.12 «Субсидиарная ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника» являются не чем иным, как последствием отказа в защите принципа ограниченной ответственности в связи со злоупотреблением

им» [206, с. 43-44]. Эта точка зрения подчеркивает связь субсидиарной ответственности с концепцией «снятия корпоративной вуали».

ВС РФ, определяя сущность субсидиарной ответственности КДЛ, характеризует ее как «гражданско-правовую ответственность, которая связана с причинением вреда имущественным правам кредиторов» [32], фактически указывая на деликтный характер субсидиарной ответственности. Подтверждением компенсаторного (деликтного), а не карательного характера субсидиарной ответственности КДЛ служит позиция КС РФ, согласно которой в размер субсидиарной ответственности КДЛ не включаются суммы штрафов за налоговые правонарушения, наложенные на организацию-должника [18]. Одновременно с этим в практике ВС РФ регулярно акцентируется внимание на том, что «механизм возложения субсидиарной ответственности по обязательствам должника носит исключительный и экстраординарный характер» [83]. Это означает, что она не должна применяться при обычном ведении бизнеса и обычном деловом риске.

Действующий судья Арбитражного суда Московского округа П.М. Морхат высказывает следующую точку зрения: «правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц основана на деликте – правонарушении, вытекающем из обязанности лица действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица» [189, с. 70-71]. Данная точка зрения находит поддержку и в работах адвоката О.В. Гутникова, который, в свою очередь, указывает: «Субсидиарный должник (в контексте ответственности КДЛ) отвечает перед кредиторами основного должника за собственные неправомерные действия, причинившие кредиторам вред в силу невозможности удовлетворения их требований к основному должнику, имеет место прямая деликтная ответственность субсидиарного должника перед кредиторами основного должника за вред, причиненный их имущественным правам» [168, с. 53].

В научной литературе также представлен подход, рассматривающий внедоговорный характер субсидиарной ответственности контролирующих

лиц через призму международного частного права. К.И. Евтеев, разрешая проблему выбора применимого права при трансграничном банкротстве, рассматривает ответственность контролирующих лиц именно как деликтную. В рамках данного подхода такое применение является следствием гражданского правонарушения, причинившего вред кредиторам [130, с. 10]. Таким образом, понимание рассматриваемой конструкции как деликта находит подтверждение при анализе как внутренних, так и трансграничных правоотношений.

Данный подход разделяется и другими исследователями, подчеркивающими, что субсидиарная ответственность КДЛ возникает из нарушения обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам [149, с. 265-267]. В доктрине и судебной практике преобладает признание деликтной природы субсидиарной ответственности КДЛ [170, с. 106-107; 200, с. 48]. Привлечение нескольких КДЛ к солидарной ответственности (например, фактического и номинального руководителя, как указано в п. 6 Постановления Пленума ВС РФ № 53) концептуально согласуется с моделью ответственности за причинение вреда (статья 1080 ГК РФ), что характерно для соучастников деликта [212, с. 130-132]. Таким образом, большинство современных исследователей и судебная практика склоняются к признанию деликтной природы субсидиарной ответственности КДЛ.

Критика деликтной концепции встречается реже, однако некоторые авторы указывают на ее некоторую искусственность, поскольку прямой договорной или внедоговорной связи между КДЛ и каждым конкретным кредитором должника изначально не существует. Вред причиняется опосредованно, через невозможность удовлетворения требований к самому должнику, а объем ответственности равен дефициту конкурсной массы, а не прямому ущербу конкретного кредитора. Аспирант А.А. Тарасенко отмечает, что банкротная ответственность, имея частноправовую природу, характеризуется особым механизмом правового регулирования и

специфическим правовым режимом, отличающим ее от классических деликтов [134, с. 57-68; 94-103]. Также стоит отметить, что субсидиарная ответственность КДЛ отличается от иных видов гражданско-правовой ответственности (например, договорной ответственности хранителя) [80] и влечет серьезные последствия, такие как неосвобождение от долгов при личном банкротстве гражданина (пункт 6 статьи 213.28 Закона о банкротстве), что косвенно подтверждает ее деликтную природу, связанную с причинением вреда [63].

На практике может возникать проблема определения объема такой ответственности, если классический вид деликтной ответственности определяется в той сумме, на которую уменьшилось имущество потерпевшего лица, то объем возмещения вреда при субсидиарной ответственности в банкротстве объективно больше, так как он равен совокупному размеру неудовлетворенных требований кредиторов (пункт 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве) или размеру обязательств, возникших после истечения срока на подачу заявления о банкротстве (пункт 2 статьи 61.12 Закона о банкротстве). Это связано с тем, что вред причиняется не конкретному кредитору, а всей совокупности кредиторов и выражается в невозможности получить удовлетворение из имущества должника.

ВС РФ также указывает на то, что «привлечение КДЛ к субсидиарной ответственности является одним из механизмов восстановления нарушенных прав кредиторов» [21]. Так, негативные последствия в виде привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности напрямую зависят от противоправных действий или бездействий КДЛ и теми вредными последствиями, которые могут возникнуть в результате таких действий или бездействий. Сама по себе ответственность напрямую зависит от вовлеченности того или иного лица в управление делами конкретного субъекта и степени его влияния на принятие решений.

Современная судебная практика ВС РФ также подчеркивает, что субсидиарная ответственность не должна превращаться в инструмент

наказания за сам факт неудачного ведения бизнеса или объективного банкротства. Необходимым условием является именно противоправное (недобросовестное или неразумное) поведение КДЛ, находящееся в причинно-следственной связи с невозможностью погашения требований кредиторов [46].

Таким образом, признание деликтной природы субсидиарной ответственности КДЛ при банкротстве позволяет применять к ней общие принципы и условия деликтной ответственности (противоправность, вред, причинная связь, вина), но с учетом специфики, установленной специальными нормами Закона о банкротстве (особые основания, презумпции, субъектный состав, процедура привлечения).

Признание деликтной природы ответственности КДЛ требует уточнения соотношения ее элементов. Противоправность в данном случае заключается не в нарушении абсолютного запрета, а в нарушении фидуциарной обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах как организации, так и ее кредиторов. Таким образом, неразумные действия, нарушающие стандарт поведения заботливого и осмотрительного руководителя (пункт 16 Постановления Пленума ВС РФ № 53), являются формой противоправного поведения. Вина, в свою очередь, не сводится к субъективному осознанию последствий, а определяется через объективные критерии недобросовестности и неразумности. При этом, в силу пункта 2 статьи 61.11 и пункта 2 статьи 61.12 Закона о банкротстве установлена опровержимая презумпция вины, что означает перенос бремени доказывания на привлекаемое к ответственности лицо. Важно подчеркнуть, что данный механизм ответственности не является изолированным и функционирует в системе гражданского права, дополняя корпоративную ответственность (статья 53.1 ГК РФ) и общие нормы о деликтах (статья 1064 ГК РФ).

С учетом всех приведенных аргументов можно сказать, что субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) – это вид гражданско-правовой деликтной

ответственности, состоящей во взыскании с контролирующего лица в пользу кредиторов в размере неудовлетворенных основным должником требований кредиторов, которая наступает при наличии вины контролирующего лица в случае, если контролирующее должника лицо действовало недобросовестно и неразумно, и в результате противоправных действий (бездействия) таких лиц был причинен вред имущественным правам кредиторов основного должника в виде невозможности полного погашения их требований или несовершения действий по своевременной подаче заявления о признании должника банкротом. Данный вид ответственности применим исключительно по тем основаниям и при наличии тех условий, которые предусмотрены нормами Закона о банкротстве (глава III.2).

1.2 Основания привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, их соотношение с отдельными юридическими категориями

Возникновение юридической ответственности может быть обусловлено широким спектром фактических обстоятельств, включая неисполнение законодательных или договорных предписаний, посягательство на права и законные интересы третьих лиц, а также виновные действия, повлекшие имущественный вред.

Разделение оснований ответственности на нормативные (юридические) и фактические является общепринятой классификацией как в теоретическом правоведении (юридической доктрине), так и в правоприменительной практике. Первые представляют собой конкретные правовые нормы, устанавливающие ответственность и санкции за их нарушение. Вторые – это юридические факты, а именно – совершение противоправного деяния (правонарушения).

Этот подход разделяют видные цивилисты. Например, профессор О.С. Иоффе характеризует гражданско-правовую ответственность как

санкцию, применяемую к правонарушителю и влекущую для него негативные последствия [142, с. 101], акцентируя внимание на правонарушении как на ее непосредственном основании. Аналогично, О.А. Красавчиков видит суть гражданско-правовой ответственности в ответной реакции государства на факт гражданского правонарушения [154, с. 120]. Ученый Б.М. Гонгало также подчеркивает, что «гражданско-правовая ответственность наступает на основании такого юридического факта, как правонарушение» [140, с. 96].

В то же время доктор юридических наук Е.А. Суханов обращает внимание на то, что «в качестве оснований гражданско-правовой ответственности следует рассматривать не только правонарушения, но и иные обстоятельства, прямо предусмотренные законом или договором» [152, с. 135], что особенно актуально для договорной ответственности, но требует осторожного применения к деликтной ответственности, каковой по своей природе является субсидиарная ответственность КДЛ.

Учитывая деликтную правовую природу субсидиарной ответственности КДЛ при банкротстве, можно сделать вывод, что фактическим основанием такой ответственности является правонарушение, совершенное КДЛ и повлекшее вред кредиторам. При этом нормативными основаниями являются конкретные нормы Закона о банкротстве (глава III.2), предусматривающие такую ответственность.

Разграничение нормативных оснований, фактического основания и условий ответственности имеет важное теоретическое и практическое значение. Фактическое основание (состав правонарушения) для своего возникновения требует наличия совокупности условий (элементов). Классическая доктрина гражданского права определяет четыре элемента состава деликтной ответственности: неправомерность действий (бездействия) лица, причинившего вред; причинение вреда (возникновение убытков), наличие каузальной связи между деянием и его последствиями, а также вина правонарушителя. Далее в работе будет продемонстрировано, что применение мер субсидиарной ответственности обусловлено необходимостью

доказывания всей совокупности вышеперечисленных условий. При этом данный процесс должен осуществляться с учетом тех особенностей, которые предусмотрены специальными нормами Закона о банкротстве, включая институт установленных им презумпций. Предлагаемый в настоящей работе подход, основанный на необходимости разграничения статей 61.11 и 61.12 Закона о банкротстве как именно нормативных оснований, отличающихся от общих условий деликтной ответственности и специальных презумпций, представляется методологически верным.

Такой подход позволяет структурировать процесс доказывания: сначала устанавливается, подпадает ли ситуация под одно из нормативных оснований, предусмотренных законом (статья 61.11 или статья 61.12), а затем проверяется наличие всех необходимых условий ответственности (противоправность, вред, причинная связь, вина), при этом наличие некоторых условий может презюмироваться (например, вина КДЛ в силу пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве). Субсидиарная ответственность при банкротстве (статья 61.11 Закона о банкротстве) по своей природе представляет собой специальный деликт, обладающий признаками, которые отграничивают его от генерального деликта, урегулированного статьей 1064 ГК РФ, и от ответственности в рамках корпоративных отношений (статья 53.1 ГК РФ). Как справедливо отмечает аспирант Санкт-Петербургского государственного университета Д.С. оглы Алекперов, ее специфика проявляется в особом субъекте (КДЛ), широком применении правовых презумпций (вины, причинной связи) и особом порядке определения размера вреда, который презюмируется равным совокупному размеру непогашенных требований кредиторов [160, с. 153]. Данный подход позволяет глубже понять природу субсидиарной ответственности в банкротстве как особой конструкции деликтного права, а не просто дополнительной ответственности в классическом понимании статьи 399 ГК РФ [188, с. 40].

Представляется необходимым подробно рассмотреть основания для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности в банкротных процедурах.

Нормы Закона о банкротстве выделяют следующие основные нормативные основания привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности за [7]:

- 1) невозможность полного погашения требований кредиторов (вследствие действий (бездействия) КДЛ) (статья 61.11 Закона о банкротстве);
- 2) неподачу (несвоевременную) подачу заявления должника о признании его банкротом (статья 61.12 Закона о банкротстве).

Вместе с тем при анализе существующих в юридической науке взглядов на основания привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц, выявлены следующие доктринальные разногласия.

Так ряд авторов, к примеру, И.В. Джеголя [171, с. 49], С.И. Абрамов [159, с. 82-83], группа авторов под руководством И.Н. Барцица [163, с. 68] склонны рассматривать указанные нормы как описывающие виды или составы субсидиарной ответственности. Доктор юридических наук О.В. Гутников не только определяет «невозможность полного погашения как третью разновидность субсидиарных обязательств (ответственность за неправомерное поведение субсидиарного должника)» [168, с. 60], но и рассматривает его с точки зрения «неправомерного поведения субсидиарного должника (контролирующего лица), выражающееся в его обязанности отвечать за неисполнение основным должником его обязательств перед кредиторами, вызванное неправомерными действиями самого субсидиарного должника» [168, с. 60].

Другие, например, кандидат юридических наук А.Э. Яковлев и помощник судьи Арбитражного суда Северо-Западного округа К.В. Мышевская утверждают, что «Закон о банкротстве устанавливает два состава привлечения к субсидиарной ответственности» [222, с. 17-18], ассистент кафедры Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева В.Ю. Сильченко [203, с. 190] придерживается такой же позиции.

По мнению профессора кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического

университета имени О.Е. Кутафина Т.П. Шишмаревой основанием ответственности с учетом необходимости соблюдения баланса интересов кредиторов и учредителей (участников) должника является «причинение имущественного вреда юридическому лицу, а в конечном счете и его кредиторам» [221, с. 5]. Такая формулировка, как представляется, смешивает нормативное основание ответственности с одним из его обязательных условий – наличием вреда.

Между тем, доктор юридических наук С.А. Карелина, рассматривая невозможность полного погашения требований кредиторов как основание, отмечает: «требуется установление множества обстоятельств, необходимых для наступления определенных последствий», в частности, речь идет о необходимости исследования действий или бездействий контролирующих должника лиц, совокупности сделок, способствовавших возникновению кризисной ситуации, а не только отдельных действий, иных юридических фактов [180, с. 37-39]. Данная позиция, хотя и не оспаривает саму квалификацию статьи 61.11 как основания, указывает на сложность доказывания фактического состава правонарушения, что подчеркивает важность разграничения нормативного основания и условий ответственности.

В ходе изучения мнений авторов относительно оснований привлечения к субсидиарной ответственности установлена теоретическая проблема, выраженная в правовой неопределенности – отсутствии единого понимания, что именно является основанием такой ответственности, как оно соотносится с иными юридическими категориями, такими как виды и составы (условия) ответственности. Иллюстрацией исторической сложности и эволюции подходов к основаниям ответственности может служить дело № А40-82872/2010, где суд пришел к выводу о самостоятельном характере субсидиарной ответственности руководителя юрлица-должника, даже в рамках ранее действовавшей редакции статьи 10 Закона о банкротстве, что подчеркивает актуальность предлагаемого в настоящей работе разграничения оснований и условий [204, с. 4].

Для устранения указанной неопределенности представляется необходимым обратиться к общетеоретическим дефинициям. Так, под основанием – в теории права обычно понимается «обстоятельство (юридический факт или их совокупность), с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношения, в данном случае – правоотношения ответственности» [137, с. 178-179]. Юридическим основанием выступает норма права, фактическим основанием – правонарушение. В контексте в Законе о банкротстве в качестве нормативных оснований субсидиарной ответственности выступают ситуации, описанные в статьях 61.11 и 61.12, которые повлекли или усугубили банкротство.

Понятие вид – это категория (классификация) объектов, явлений или действий по определенным признакам или характеристикам. В юридическом контексте «вид» может относиться к различным категориям правовых отношений, правовым нормам, юридическим лицам и так далее. В гражданском праве выделяют такие виды ответственности, как договорная и внедоговорная (деликтная), долевая, солидарная, субсидиарная [140, с. 442-447; 150, с. 15-20]. Следовательно, субсидиарная ответственность сама по себе является видом гражданско-правовой ответственности. В свою очередь, нормы статьи 61.11 и статьи 61.12 Закона о банкротстве описывают не различные виды ответственности, а различные фактические обстоятельства (правонарушения), влекущие возникновение одного и того же вида ответственности – субсидиарной.

Под составом правонарушения понимается совокупность необходимых и достаточных элементов (условий) юридического факта, необходимых для возникновения определенного правового последствия [137, с. 315-317]. Например, состав деликта включает в себя такие элементы как противоправное деяние, вред, вина, причинная связь между деянием и вредом. Тем самым, данное понятие необходимо для установления наличия или отсутствия правонарушения через совокупность юридически значимых элементов.

Полагаем, что именно смешение указанных категорий («основание», «вид», «состав») и порождает правовую неопределенность в доктрине. Фактически данные термины тесно взаимосвязаны: закон устанавливает нормативные основания ответственности, описывая составы правонарушений, за которые наступает определенный вид ответственности при наличии необходимых условий.

Для устранения ранее выявленной проблемы необходимо четко разграничить нормативные основания привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности (как они сформулированы в статьях 61.11 и 61.12 Закона о банкротстве) от общих условий гражданско-правовой (деликтной) ответственности (противоправность, вред, причинная связь, вина), от законодательных презумпций, установленных в пункте 2 статьи 61.11, которые лишь облегчают доказывание наличия этих условий, иных юридических категорий. Такой подход, не отрицая неисчерпывающий характер перечня недобросовестных действий, позволяет выстроить логичную структуру доказывания: сначала устанавливается применимое нормативное основание (статьи 61.11 или 61.12), а затем исследуется наличие всех условий ответственности с учетом действующих презумпций. Именно это способствует выработке единого и предсказуемого правоприменительного подхода.

Следует подчеркнуть, что в научной доктрине и правоприменительной практике отсутствует единый подход к определению числа оснований для субсидиарной ответственности. Закон о банкротстве четко устанавливает два таких основания (статьи 61.11 и 61.12), но ряд авторов, как было упомянуто выше, придерживаются более дробную классификацию, в том числе выделяя, например, ответственность за конкретные неправомерные действия, упомянутые в презумпциях пункта 2 статьи 61.11 (например, за непередачу документов, за одобрение вредоносной сделки) как самостоятельные основания (174, с. 30-31). Такой подход приводит к смешению материально-правовых оснований ответственности и процессуальных

механизмов доказывания. Обстоятельства, изложенные в пункте 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве, должны быть охарактеризованы не как независимые основания для привлечения к ответственности, а именно как опровержимые презумпции, устанавливающие наличие вины КДЛ и причинной связи его действий с основным нормативным основанием – невозможностью в полном объеме удовлетворить требования кредиторов (согласно пункту 1 статьи 61.11 Закона о банкротстве). Данный вывод согласуется с правовыми позициями, изложенными в Постановлении Пленума ВС РФ № 53. Исходя из этого, для системного понимания и правильного правоприменения необходимо четко разграничивать основания для возложения на КДЛ субсидиарной ответственности (речь идет о статье 61.11 и статье 61.12) и процессуальные презумпции, облегчающие доказывание.

Анализируя пункт 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве [7], полагаем, что сущность каждого подпункта, устанавливающего опровержимые презумпции вины КДЛ в доведении до банкротства, на основании которых предполагается, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий или бездействия КДЛ, сводится к следующему: презюмируется вина КДЛ, если доказано, что:

1) Сделками, совершенными КДЛ или одобренными им, причинен существенный вред имущественным правам кредиторов; Примером применения презумпции, установленной подпунктом 1 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве, может служить дело № А40-273962/2018, где суд возложил субсидиарную ответственность на бывшего руководителя за вывод активов путем совершения сделок по оплате векселей в пользу аффилированного лица – учредителя должника [97]. Также, применение данной презумпции иллюстрирует дело № А27-7788/2021, где суд привлек солидарно к ответственности участника и бывших директоров, установив вывод средств через аффилированных лиц в условиях объективного банкротства [123].

2) Презумпция вины КДЛ возникает, если лицо не исполнило законодательное требование о должном ведении и хранении документации, что создало серьезные помехи для процедур банкротства, включая процесс формирования и продажи активов должника. Правоприменительная практика при применении этой презумпции акцентирует внимание на необходимости доказать, что именно нехватка конкретной документации значительно осложнила ход банкротных процедур. Например, в рамках дела № А66-334/2016 суд кассационной инстанции отметил, что сам факт отсутствия передачи документов может указывать на вину, однако требует анализа степени его влияния на процедуру. Аналогично, в делах № А05-9088/2018 и № А66-19094/2018 суды подчеркнули важность установления каузальной связи между непредставлением определенных документов и невозможностью сформировать конкурсную массу [184, с. 90-98].

3) Привлечение руководителя к публичной ответственности за нарушения, допущенные в ходе деятельности компании, также активизирует презумпцию его вины в банкротстве. Однако для этого требуется, чтобы сумма взысканной санкции или недоимки превысила половину от общего размера требований кредиторов третьей очереди. Подобный подход был реализован в рамках дела № А45-7415/2020, в рамках которого бывший руководитель и участник были привлечены к субсидиарной ответственности именно по причине того, что требования ФНС России, возникшие по результатам выездной налоговой проверки за период их контроля, преодолели указанный пятидесятипроцентный порог [65]. Следует подчеркнуть позицию ВС РФ о недопустимости формального применения данной презумпции: суды обязаны реально проверять, превышает ли пороговое значение в 50% именно основная сумма налоговой задолженности (недоимка), а не общая сумма с учетом штрафов [49]. Более того, согласно постановлению КС РФ, суммы налоговых штрафов не включаются в размер субсидиарной ответственности [18], что также необходимо учитывать при оценке соблюдения 50% критерия – во

внимание принимаются только недоимка и пени. Этот подход подтвержден и ВС РФ [54].

4) Бухгалтерские и иные сведения, подлежащие обязательному внесению в установленные законодательством реестры (Единый государственный реестр юридических лиц, Федресурс), либо совсем не внесены, либо внесенные сведения недостоверны, и это существенно затруднило проведение процедур банкротства.

Важно подчеркнуть, что перечисленные в пункте 2 статьи 61.11 обстоятельства являются не самостоятельными основаниями ответственности, а опровержимыми презумпциями наличия причинно-следственной связи и вины КДЛ при установлении нормативного основания, а именно – возникшей неспособности удовлетворить требования кредиторов в полном объеме (пункт 1 статьи 61.11 Закона о банкротстве). Бремя доказывания наличия этих обстоятельств лежит на заявителе, а бремя их опровержения – на привлекаемом КДЛ.

Статья 61.12 Закона о банкротстве устанавливает отдельное нормативное основание для привлечения КДЛ к ответственности, которое заключается в нарушении императивного требования о своевременном инициировании банкротства. Специфика заключается в установлении опровержимой презумпции вины контролирующего лица (преимущественно руководителя), а также в особом порядке определения объема ответственности, который приравнивается к совокупному размеру обязательств должника, возникших после истечения установленного для подачи заявления срока.

Итак, под действиями (бездействиями) контролирующего лица, которые привели к невозможности погашения требований кредиторов (основание по статье 61.11 Закона о банкротстве) следует понимать такие противоправные (недобросовестные и/или неразумные) действия (бездействия), которые либо стали необходимой причиной объективного банкротства должника, либо, согласно справедливому утверждению доктора юридических наук

С.А. Карелина: «действия (бездействия) КДЛ, совершенные уже после наступления объективного банкротства, в результате которых утрачена окончательная возможность применения к должнику реабилитационных (восстановительных) процедур и, как следствие, произошла утрата любой возможности, направленной на погашение обязательств перед кредиторами или существенно ухудшившие финансовое положение должника» [180, с. 42].

Детально анализируя презумпции вины КДЛ, остановимся на первой из них: причинение значительного ущерба посредством сделок (согласно подпункте 1 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве). Определение того, является ли вред, причиненный имущественным правам кредиторов, «существенным», относится к оценочным категориям, поскольку Закон о банкротстве не устанавливает четких количественных или качественных параметров для определения «существенности». В целях снижения правовой неопределенности ФНС России рекомендует, применяя аналогию с нормами пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, статьи 78 Федерального закона «Об акционерных обществах» [5], статьи 46 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [6], считать существенным такой вред, который причинен сделками, составляющими 20–25% и более от балансовой стоимости активов компании [228]. В правоприменительной практике для оценки существенности вреда также применяются критерии крупной сделки и ее явной убыточности. Как следует из современных подходов Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее – СКЭС ВС РФ), анализ существенности вреда предполагает и недобросовестности (неразумности) КДЛ в связи с совершенными сделками суды исследуют все релевантные обстоятельства дела в комплексе.

В деле № А40-240402/2016 [37] ВС РФ сформулировал позицию, согласно которой одного лишь факта признания сделки недействительной по специальным банкротным основаниям (статьи 61.2; 61.3) недостаточно для автоматического применения презумпции вины.

Требуется установить, что именно поведение КДЛ обусловило заключение заведомо невыгодной сделки, повлекшей существенный ущерб для кредиторов, и что КДЛ при этом проявило недобросовестность или неразумность. В ином судебном акте (Определение СКЭС ВС РФ от 10 ноября 2021 г. № 305-ЭС19-14439(3-8) по делу № А40-208852/2015 [40]) Суд особо отметил, что формальное одобрение убыточной сделки коллегиальным органом управления не снимает ответственности с членов этого органа, если будет доказано, что они действовали недобросовестно, будучи осведомленными о порочности сделки.

Это предположение о виновности сохраняет силу независимо от того, были ли сделки должника признаны судом недействительными, если (пункт 3 статьи 61.11 Закона о банкротстве) [7]:

- заявление о признании сделки недействительной не подавалось;
- заявление о признании сделки недействительной подано, но судебный акт по результатам его рассмотрения не вынесен;
- судом было отказано в признании сделки недействительной в связи с истечением срока давности ее оспаривания или в связи с недоказанностью того, что другая сторона сделки знала или должна была знать о том, что на момент совершения сделки должник отвечал либо в результате совершения сделки стал отвечать признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества.

При обосновании факта совершения сделки, повлекшей значительный ущерб для кредиторов, заявитель должен представить доказательства, подтверждающие как масштабность (значимость) сделки для должника, так и ее существенную невыгодность (убыточность). Как разъяснено в пункте 23 Постановления Пленума ВС РФ № 53 [22], наличие у сделки с неравноценным встречным исполнением (статья 61.2) или сделки с оказанием предпочтения (статья 61.3) лишь формальных признаков – само по себе не является достаточным для применения рассматриваемой презумпции, если не

будет дополнительно доказана ее существенная убыточность и значимость для финансового положения должника.

Совершение КДЛ действий, направленных на оказание предпочтения одному из кредиторов, может квалифицироваться как недобросовестное поведение, особенно в тех случаях, когда такая сделка повлекла за собой существенный вред для других кредиторов. При этом важно дифференцировать правовые последствия. Хотя сделка, нарушающая очередность удовлетворения требований, может быть оспорена по статье 61.3, для применения презумпции вины (подпункт 1 пункта 2 статьи 61.11) этого недостаточно. Требуется дополнительно доказать, что такая сделка повлекла за собой существенный вред.

В одном из дел, при рассмотрении вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности КДЛ (топ менеджеров одного из банков) установлено, что предоставление денежных средств по кредитным договорам, по которым фактически не исполнялись обязательства (то есть заведомо невозвратных кредитов), проходило через согласование профильными департаментами, при этом, выдача кредитов осуществлялась в пользу аффилированных с КДЛ лиц, что как следствие послужило основанием для привлечения топ менеджеров банка к субсидиарной ответственности [30]. Фактически суд признал указанные сделки убыточными и причинившими существенный вред, и как следствие, привлек контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по статье 61.11 Закона о банкротстве.

Основание по статье 61.12. Неподача (несвоевременная подача) заявления о банкротстве. Такое поведение квалифицируется как противоправное бездействие, посредством которого от кредиторов скрывается информация о реальном финансовом состоянии компании. В своих решениях КС РФ указывал, что «при должном поведении руководитель должника обязан обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом, это обеспечивает приоритетное погашение вновь возникших обязательств в режиме текущих платежей» [13], а в случае не обращения такие обязательства

уже будут погашаться в составе реестровых требований. Кроме того, несвоевременная подача заявления лишает возможности применить реабилитационные процедуры и сохранить активы должника.

Совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию для возложения субсидиарной ответственности по данному основанию, включает в себя три ключевых элемента. Прежде всего, должен быть установлен факт наличия у должника признаков, перечисленных в пункте 1 статьи 9 Закона о банкротстве, что порождает у руководителя обязанность инициировать процедуру несостоятельности. Далее, необходимо зафиксировать точный момент (дату) наступления этих признаков (например, объективного банкротства). В завершение доказывается сам факт нарушения – уклонение руководителя от подачи заявления в течение установленного месячного срока.

Важность своевременной подачи заявления о банкротстве подчеркивается не только нормами Закона о банкротстве, но и экономической логикой. Затягивание с инициированием процедуры часто приводит к накоплению долгов, выводу оставшихся активов и уменьшению шансов кредиторов на получение удовлетворения требований.

Интересным представляется вопрос о том, как же определить тот момент, когда руководитель должен обратиться в суд с соответствующим заявлением. Этот момент связывается с наступлением объективного банкротства или иных обстоятельств, указанных в пункте 1 статьи 9 Закона о банкротстве. Например, у должника возникла просрочка по исполнению обязательства, но через определенный срок финансовое положение компании улучшилось, и должник смог погасить образовавшуюся задолженность, в таком случае ответственность у руководителя не возникает, руководитель может ссылаться на принятие мер к устранению неплатежеспособности и доказывать, что временные трудности не свидетельствовали об объективном банкротстве (пункт 9 Постановления Пленума ВС РФ № 53).

Согласно справедливой позиции доктора юридических наук О.В. Гутникова: «так как предпринимательская деятельность носит рисковый

характер, было бы совершенно неоправданно заставлять должника обращаться в суд с заявлением о банкротстве при каждом временном кризисе ликвидности и неспособности своевременно погасить текущую задолженность юридического лица» [141, с. 331].

В ходе исследования отмечено, что складывается позитивная практика по оценке поведения руководителя в неплатежеспособный период, так, кратковременные и устранимые затруднения не могут рассматриваться как основание для обращения в суд с соответствующим заявлением, если руководитель докажет наличие экономически обоснованного плана по выходу из кризиса и принятие разумных мер для его реализации (пункт 9 Постановления Пленума ВС РФ № 53). Роль экспертизы при оценке экономической обоснованности такого плана и установлении точной даты объективного банкротства может быть весьма значительной [197, с. 32]. Примером, где заключение эксперта об обоснованности плана стало основанием для отказа в привлечении к субсидиарной ответственности по статье 61.12, может служить дело № А60-6605/2019 [128]. Судебная практика также подтверждает возможность успешной защиты руководителя при наличии антикризисного плана и принятии мер по его реализации, особенно в отношении муниципальных предприятий (например, дела № А44-554/2020 и № А13-16468/2018) [184, с. 89-103].

Рассмотрим пример из судебной практики. Участник общества, обладавший долей в 66,6% уставного капитала и осведомленный о неплатежеспособности компании, не инициировал созыв общего собрания «для решения вопроса об обращении в суд с заявлением о банкротстве. Впоследствии данный участник был привлечен к субсидиарной ответственности именно за бездействие в части своевременной подачи заявления» [98]. Суды констатировали, что пассивное поведение коллегиального органа управления (либо КДЛ, имеющего право созвать собрание) по вопросу обращения в суд, повлекшее неподачу заявления о

банкротстве, расценивается как недобросовестное и создает основание для субсидиарной ответственности по статье 61.12 Закона о банкротстве.

В рамках другого спора ВС РФ уточнил момент возникновения обязанности по подаче заявления: он наступает тогда, когда руководитель должника, действуя с требуемой степенью заботливости и осмотрительности, должен был объективно распознать ситуацию, указывающую на объективное банкротство, то есть на неспособность компании продолжать нормальную хозяйственную деятельность без ущемления прав кредиторов [28].

Аналогичная ответственность может быть возложена и на ликвидатора или членов ликвидационной комиссии. Они обязаны подать заявление о банкротстве в арбитражный суд в течение 10 дней с момента обнаружения недостаточности активов для расчетов с кредиторами (согласно пункту 3 статьи 9 Закона о банкротстве и пункту 11 Постановления Пленума ВС РФ № 53). Следовательно, если ликвидатор осознает невозможность удовлетворения требований кредиторов, он также должен инициировать процедуру банкротства.

Важнейшим элементом определения точки отсчета обязанности у КДЛ по подаче заявления о признании должника банкротом является наступление объективного банкротства, при этом действующие нормы российского законодательства не содержат легального определения и не называют квалифицирующих признаков такого банкротства, а также не определяют те или иные категории, которые были бы связаны с данным термином. Практика определения этой даты сталкивается с трудностями, в частности, из-за частого использования бухгалтерской стоимости активов, которая может не отражать их реальную ценность. Как отмечают профессор Д.М. Хлопцов и соавторы, необходим переход к оценке реальной (рыночной) стоимости как активов, так и обязательств, что соответствует и позиции ВС РФ (пункт 4 Постановления Пленума ВС РФ № 53), но не всегда реализуется на практике. Предлагаются подходы, основанные на составлении «баланса исходя из реальной стоимости» и использовании специальных «коэффициентов банкротства» для

более точного определения «первичной даты объективного банкротства» [213, с. 32-38].

Согласно точке зрения преподавателя В.Б. Ермилова, объективное банкротство представляет собой момент, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе, об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов [173, с. 79]. Данное определение соответствует позиции ВС РФ (пункт 4 Постановления Пленума ВС РФ № 53).

По замечанию адвоката С.О. Неверова, появление в правовом поле термина «имущественный кризис» породило определенную коллизию. В отличие от состояния объективного банкротства, имущественный кризис не всегда является необратимым для компании. При этом в российском законодательстве о банкротстве практически отсутствуют действенные санационные механизмы, а сам «имущественный кризис» не обладает четкими объективными критериями. Это обстоятельство делает любое компенсационное финансирование, предоставляемое на возвратной основе аффилированным лицом (например, участником общества), весьма рискованной операцией. Шансы на возврат такого финансирования при дальнейшем усугублении финансового положения организации остаются неопределенными, даже если КДЛ своевременно исполняют свою обязанность по подаче заявления о банкротстве [191, с. 64-66]. Таким образом, возникает актуальный вопрос о разграничении понятий временных финансовых затруднений, имущественного кризиса и объективного банкротства, а также о рисках, связанных с предоставлением связанного финансирования в предбанкротный период.

Под объективным банкротством следует понимать такое экономико-правовое состояние должника, при котором он утрачивает способность в полном объеме погашать требования кредиторов (в том числе это касается обязательных платежей). Именно вследствие превышения

совокупного размера своих обязательств над реальной стоимостью активов. Рассмотрение ключевых характеристик этого состояния является неотъемлемой частью установления оснований для возложения на КДЛ субсидиарной ответственности за доведение до невозможности полного расчета с кредиторами (пункт 17 Постановления Пленума ВС РФ № 53 [22]).

При установлении момента объективного банкротства один из подходов указывает на то, что объективное банкротство непосредственно связано со стоимостью чистых активов, если стоимости чистых активов не хватает для погашения задолженности, то объективное банкротство неминуемо. Второй подход (соответствующий позиции ВС РФ) сводится к тому, что в случае если совокупный размер обязательств превышает реальную (рыночную) стоимость активов, то наступает объективное банкротство. Отрицательная стоимость чистых активов может быть лишь одним из индикаторов, но не единственным и не всегда достаточным.

Важными обстоятельствами, также определяющими значение момента наступления объективного банкротства, являются следующие аспекты:

1) этот момент определяет начало течения месячного срока, когда руководитель должника обязан обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом (для целей статьи 61.12 Закона о банкротстве);

2) этот момент является временной границей для определения круга лиц, которые могли своими действиями или бездействиями довести до банкротства (для целей статьи 61.11) или усугубить его (подпункт 2 пункта 12 статьи 61.11), что привело к невозможности удовлетворить требования кредиторов в полном объеме [58].

В одном из относительно недавних судебных актов (Определение СКЭС ВС РФ от 21.05.2021 № 302-ЭС20-23984 по делу № А19-4454/2017 [36]) отметил, что при условии разумного и добросовестного управления возникшие у компании временные финансовые проблемы могли быть решены. В качестве возможных мер были названы рефинансирование долгов, привлечение внешнего финансирования, оптимизация затрат и прочие

антикризисные шаги. Эта позиция гармонирует с разъяснениями, изложенными в пункте 9 Постановления Пленума ВС РФ № 53, допускающими освобождение КДЛ от ответственности по статье 61.12 Закона о банкротстве, если у них имелся экономически обоснованный план преодоления кризиса.

Из вышеуказанного следует, что суд может отказать в удовлетворении заявления о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности по статье 61.12 Закона о банкротстве в случае, если будут представлены доказательства, что КДЛ были приложены разумные и добросовестные усилия по преодолению финансовых затруднений на основе экономически обоснованного плана.

Тем не менее, «преодоление финансовых затруднений» остается недостаточно четко регламентированным, что создает правоприменительные проблемы, взаимные претензии сторон и порой ведет к противоречивой судебной практике, тем самым вызывает значительные сложности при рассмотрении обособленных споров.

Понятие «преодоление финансовых затруднений» подразумевает такую экономическую ситуацию, при которой должник сталкивается с временным неблагоприятным финансовым положением, вызванным различными, в том числе объективными причинами: снижением ликвидности активов, ухудшением рыночной конъюнктуры, внешнеэкономическими факторами, неправомерными действиями контрагентов и так далее.

Из буквального толкования ранее указанной позиции ВС РФ (пункт 9 Постановления Пленума ВС РФ № 53) можно выявить следующие ключевые признаки ситуации, позволяющей ссылаться на «преодоление финансовых затруднений»:

– Временность проблемы, что предполагает реальную возможность ее преодоления (в отличие от устойчивой неплатежеспособности, характерной для состояния объективного банкротства).

– Наличие экономически обоснованного плана восстановления платежеспособности, подтверждающего реалистичность возможности восстановления платежеспособности компании.

– Добросовестное и разумное управление, предполагающее использование всех доступных и законных инструментов для минимизации финансового кризиса и реализацию указанного плана.

Критически важным является наличие у КДЛ разумного экономического обоснования своих действий (антикризисного плана), а также доказательств того, что указанные мероприятия были реально предприняты и направлены на восстановление платежеспособности, а не исключительно на сохранение активов или извлечение личной выгоды в ущерб кредиторам.

Таким образом, под «преодолением финансовых затруднений» следует понимать промежуточное состояние между финансовой устойчивостью компании и объективным банкротством, при котором временные проблемы с ликвидностью могут быть преодолены при грамотном администрировании, направленном на восстановление платежеспособности компании и осуществлении мер по улучшению финансового состояния в соответствии с разумным экономическим планом.

Хоть в настоящее время складывается позитивная практика по оценке поведения руководителя в неплатежеспособный период (в том числе по той причине, что у такого руководителя имеется возможность сослаться на принятие мер по устранению текущей неплатежеспособности), вместе с тем проблема ответственности по статье 61.12 Закона о банкротстве, как представляется, заключается в том, что руководитель оказывается перед дилеммой, вызванной одновременным действием двух потенциально противоречивых обязанностей:

– с одной стороны, он должен незамедлительно обратиться в суд с заявлением о банкротстве в месячный срок с момента, когда он узнал или должен был узнать о наступлении объективного банкротства (или иных

обстоятельств по пункту 1 статьи 9 Закона о банкротстве), то есть, не дожидаясь образования формальных признаков для кредиторов;

– с другой стороны, принять все возможные необходимые меры для предупреждения банкротства (которая презюмируется для любого добросовестного и разумного руководителя), что может включать реализацию антикризисного плана, требующего времени. Хотя разъяснения пункта 9 Постановления Пленума ВС РФ № 53 позволяют руководителю избежать ответственности при наличии экономически обоснованного плана, вся ответственность и риски при неблагоприятном развитии событий все равно возлагаются на руководителя [161, с. 80; 204, с. 6]. При оценке действий руководителя в такой ситуации судебная практика опирается на правило защиты делового решения (business judgment rule), обязывая суды исследовать разумность, добросовестность и соответствие действий руководителя обычному гражданскому обороту [199, с. 68].

По мнению юриста И.О. Зиневича: «чтобы директору избежать привлечения к субсидиарной ответственности... необходимо доказать в суде, что после наступления крайней даты для подачи заявления о банкротстве новых обязательств у компании не возникло... Также будет полезным сослаться на действия, которые директор предпринимал или собирался предпринять для преодоления кризисной ситуации в компании – получал отсрочку по исполнению обязательств, взыскивал дебиторскую задолженность, минимизировал расходы на операционную деятельность, привлекал инвестиции в развитие компании, планировал заключить крупные договора на основе подписанных соглашений о намерениях и так далее...» [226]. Невозникновение новых обязательств само по себе не освобождает от ответственности, если обязанность подать заявление уже возникла. Ключевым является доказывание разумности и добросовестности действий в рамках антикризисного плана.

Как в позиции ВС РФ по делу № А19-4454/2017 [36], так и в пункте 9 Постановления Пленума ВС РФ № 53 отсутствует конкретизация

«разумного срока» достаточного для реализации плана и соблюдения баланса интересов двух сторон: кредиторов и должника. Это создает правовую неопределенность.

В связи с изложенным, полагаем, что было бы целесообразно разработать механизм (правовая регламентация) с указанием определенных сроков, позволяющих легально добросовестному руководителю увеличить (пролонгировать) срок, в рамках которых он обязан обратиться с заявлением о банкротстве в суд, гарантирующий тем самым защиту такого лица, при условии информирования кредиторов и выполнения определенных действий.

Стоит обратить внимание, что предложенный механизм не является модернизацией такой процедуры банкротства как финансовое оздоровление. Напротив, предложенный механизм более актуальным и гибким, в отличие от процедуры финансового оздоровления, которая применяется крайне редко и связана со значительными издержками и ограничениями. Так «количество введенных в России реабилитационных процедур в отношении юридических лиц год от года уменьшается, как и их доля относительно ликвидационных процедур. В первом полугодии 2023 года суды ввели 31 внешнее управление и 4 финансовых оздоровления, против 89 и 5 соответственно в таком же периоде 2022 года, их доля ко всем процедурам снизилась с 1,8 до 1,1 процента» [231]. Связано это с такими негативными факторами как: негативное воздействие на репутацию; ограничения финансовых ресурсов; необходимость принятия непопулярных решений; неуверенность в результате; увеличение текущих расходов, в случае перехода к конкурсному производству; затягивание процедуры и так далее. Предлагаемый механизм действует до введения процедур банкротства и направлен на их предотвращение. В отличие от финансового оздоровления, предлагаемый механизм не требует судебного решения о введении процедуры, утверждения плана судом и назначения административного управляющего, что снижает издержки и бюрократические барьеры. Он обеспечивает большую гибкость для руководителя, но при этом предоставляет кредиторам информацию и

возможность мониторинга, чего лишены кредиторы при простом ожидании руководителем улучшения ситуации без формального плана. Таким образом, он нивелирует риски как преждевременного банкротства, так и необоснованного затягивания с информированием кредиторов, характерные для текущей ситуации.

Помимо этого, предлагаемый механизм не направлен на создание «параллельного бизнеса» с целью вывода активов компании на новую фирму [230, с. 36]. Напротив, он предполагает прозрачность действий руководителя перед кредиторами.

Предложены следующие этапы, подлежащие регламентации (для наглядности предлагается воспользоваться рисунком А.1 из приложения А):

– Этап № 1. «Направление уведомления». При возникновении обстоятельств, указанных в пункте 1 статьи 9 Закона о банкротстве, руководитель, имеющий экономически обоснованный план выхода из кризиса, в течение месяца направляет в адрес основных контрагентов (кредиторов), а также уполномоченного органа уведомления об обнаружении признаков объективного банкротства (или иных обстоятельств) с указанием выработанной стратегии по выходу из сложившейся ситуации и предполагаемых сроков ее реализации (но не более одного года). Срок до одного года представляется разумным компромиссом: он дает достаточный период для реализации большинства краткосрочных и среднесрочных антикризисных мер (оптимизация расходов, реструктуризация долгов, поиск инвесторов, изменение бизнес-модели) и оценки их эффективности, но при этом не позволяет необоснованно долго скрывать от кредиторов реальное тяжелое положение компании, защищая их интересы от дальнейшего наращивания безнадежной задолженности. Копия уведомления и план могут публиковаться на Федресурсе.

Направление такого уведомления является актом добросовестности, направленным на установление диалога с кредиторами. Оно не должно рассматриваться как безусловное признание объективного банкротства, а как

информирование о наличии рисков и о мерах по их преодолению, что позволяет кредиторам принять взвешенное решение о поддержке плана или инициировании банкротства.

– Этап № 2. «Мониторинг и анализ». В течение следующих шести месяцев руководитель реализует план и осуществляет мониторинг. Руководитель обязан ежеквартально (или с иной разумной периодичностью) предоставлять уведомленным кредиторам краткие отчеты о ходе реализации плана и ключевых финансовых показателях. Кредиторы, обладающие значительным объемом требований (например, >10%), вправе инициировать проверку реалистичности и выполнения плана независимым экспертом за свой счет. По истечении шести месяцев: Первый вариант. Руководитель должника обязан обратиться в суд с заявлением о банкротстве, если выработанная стратегия очевидно не привела к прогнозируемым результатам или финансовое положение ухудшилось. Второй вариант. В случае наличия устойчивой положительной динамики ключевых финансовых показателей (например, рост выручки, снижение кредиторской задолженности, улучшение показателей ликвидности) и реалистичности дальнейшего выполнения плана, руководитель повторно уведомляет контрагентов и уполномоченный орган о принимаемых мерах и достигнутых промежуточных результатах. Критериями объективного улучшения и реалистичности плана могут служить: положительная динамика ключевых финансовых показателей (выручка, прибыль, денежный поток), снижение долговой нагрузки, улучшение структуры баланса, восстановление рентабельности, наличие подтвержденных контрактов или инвестиционных соглашений, позитивное заключение независимого эксперта (если привлекался).

При этом предложенный механизм не освобождает руководителя от ответственности, если в период его реализации действия руководителя будут признаны неразумными, а сам план – экономически необоснованной фикцией, направленной на затягивание времени для вывода активов. Если в результате «мониторинга» совокупный долг перед кредиторами, не получившими

удовлетворения, существенно увеличился без адекватного роста стоимости активов, суд вправе признать действия руководителя неразумными, несмотря на формальное соблюдение процедуры. Бремя доказывания экономической обоснованности плана и добросовестности его исполнения лежит на руководителе.

– Этап № 3. «Дополнительный мониторинг». Руководителю дается еще шесть месяцев для достижения поставленной цели по выходу из кризиса. В случае если по окончании дополнительных шести месяцев руководителю не удастся достичь поставленных в стратегии финансовых показателей, то тогда у руководителя наступает обязанность в незамедлительный (например, 10-дневный) срок обратиться в суд с заявлением о банкротстве. В ином случае неисполнение этой обязанности влечет ответственность (статья 61.12).

Критериями для продления срока должны быть не просто надежды руководителя, а объективные, проверяемые данные: заключение новых прибыльных контрактов, подтвержденное получение финансирования, положительная динамика ключевых показателей эффективности, подтвержденная бухгалтерской отчетностью. В противном случае продление срока будет необоснованным.

Предложенный механизм позволит руководителям, имеющим стратегию по выводу организации из неблагоприятного финансового положения, но не имеющим, с учетом жестких сроков требований Закона о банкротстве, на это времени, в течение разумного срока (до одного года) попытаться улучшить финансовые показатели юридического лица без необходимости немедленного инициирования процедуры банкротства, а кредиторам быть осведомленными о реальном финансовом положении такого юридического лица и принимаемых мерах в целях разработки собственного плана дальнейших действий в зависимости от возможного исхода.

Это соответствует духу разъяснений пункта 9 Постановления Пленума ВС РФ № 53, но придает им большую правовую определенность. Практика показывает, что такой подход соответствует существующим

тенденциям судебной практики и разъяснениям ВС РФ, как это видно из дел № А44-554/2020 (агрохолдинг) и № А13-16468/2018 (муниципальное предприятие), где суды отказывали в привлечении к ответственности по статье 61.12, поскольку руководители доказали наличие плана, принятие мер по его реализации (переговоры с кредиторами, реструктуризация, оптимизация производства) и разумность ожидания выхода из кризиса [184, с. 87-90; 203, с. 182-187].

Также полагаем возможным в данной ситуации заострить внимание на заинтересованности контрагента в выходе организации из финансового кризиса, что может быть обусловлено несколькими факторами. Прежде всего, добросовестные лица, вступившие в правоотношения, обычно стремятся к сохранению долгосрочных партнерских отношений и взаимовыгодному сотрудничеству, что предполагает заинтересованность в успешном разрешении финансовых проблем компании.

Кроме того, контрагенты могут быть заинтересованы в сохранении стабильности и надежности рыночного партнера, поскольку финансовые проблемы организации могут отрицательно сказаться на исполнении контрактов и поставках товаров или услуг. Кредиторы могут предпочесть получение исполнения обязательств пусть и с некоторой отсрочкой, чем участие в длительной и зачастую малоэффективной процедуре банкротства.

Также следует учитывать репутационные аспекты: контрагенты-партнеры могут опасаться негативного воздействия на свой бренд или имидж в случае банкротства или неудачной финансовой ситуации партнерской компании. Поэтому помощь и поддержка в выходе из кризиса могут быть оправданными с точки зрения долгосрочных целей и интересов всех сторон.

Следовательно, заинтересованность контрагента в помощи организации, выходящей из финансового кризиса, может иметь как экономические, так и стратегические мотивы, направленные на поддержание партнерских отношений и общий успех на рынке. Уведомление о плане выхода из кризиса

позволяет кредиторам принять взвешенное решение о дальнейших действиях: поддержать должника, предоставить отсрочку или инициировать банкротство.

Важно подчеркнуть, что предложенный механизм не является индульгенцией для руководителя и не создает автоматического иммунитета. Он представляет собой структурированный способ доказывания добросовестности и разумности действий руководителя в рамках защиты, предусмотренной пунктом 9 Постановления Пленума ВС РФ № 53.

С учетом вышеизложенного, возвращаясь к вопросу правовой неопределенности, проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости четкого разграничения нормативных оснований привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности (статьи 61.11 и 61.12 Закона о банкротстве) от условий ее наступления (противоправность, вред, причинная связь, вина), вида ответственности, установленных законом презумпций. Нормативные основания – это прямо предусмотренные законом типичные ситуации (невозможность полного удовлетворения требований кредиторов, вызванная поведением КДЛ, и неисполнение обязанности по инициированию банкротства), которые могут повлечь наступление субсидиарной ответственности как особого вида гражданско-правовой (деликтной) ответственности. Условия – это элементы состава правонарушения, необходимые для привлечения к ответственности. Презумпции (пункт 2 статьи 61.11; пункт 2 статьи 61.12) – это законодательные предположения о наличии вины и/или причинной связи при доказанности определенных фактов, которые могут быть опровергнуты КДЛ.

Предложенная дифференциация понятий (оснований, условий, презумпций) способствует, во-первых, уменьшению существующей в научной литературе терминологической неоднозначности; во-вторых, упорядочиванию процесса доказывания в спорах о субсидиарной ответственности; в-третьих, акцентированию внимания на экстраординарном характере данного вида ответственности, который применяется строго по

основаниям, прямо предусмотренным законом, и только при установлении совокупности необходимых условий.

Соотношение субсидиарной ответственности и возмещения убытков. Представляется, что для комплексного анализа темы настоящего параграфа следует также рассмотреть вопрос об ответственности КДЛ в форме возмещения убытков и провести сравнительный анализ норм об убытках со специальными положениями Закона о банкротстве, регулирующими субсидиарную ответственность.

Согласно абзацу первому пункта 2 статьи 15 ГК РФ [2] под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Статья 61.20 Закона о банкротстве [7] указывает на порядок и особенности взыскания убытков с КДЛ в пользу должника при банкротстве. В ходе любой процедуры в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) арбитражный управляющий, а также конкурсные кредиторы, работники и уполномоченный орган наделены правом заявить требование о возмещении убытков в пользу должника, которые были причинены недобросовестными или неразумными действиями КДЛ. Такие требования рассматриваются по правилам главы III.2 Закона о банкротстве, важно отметить, что факт привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности не препятствует обращению в суд с заявлением о возмещении убытков по иным основаниям (например, за конкретную убыточную сделку, не повлекшую банкротство).

Суды самостоятельно могут квалифицировать вопрос относительно того, какие нормы подлежат применению: общие положения о возмещении убытков (статья 15; статья 53.1 ГК РФ) либо специальные правила о субсидиарной ответственности (статья 61.11 Закона о банкротстве) в зависимости от того, стали ли действия КДЛ причиной банкротства или же

они повлекли лишь локальный ущерб для должника. В случае, если поведение КДЛ нанесло вред должнику, но не было главной причиной его банкротства, речь идет об убытках. Если же оно повлекло невозможность полностью рассчитаться с кредиторами – это субсидиарная ответственность [22]. В качестве примера ситуации, когда суд взыскал с бывших руководителей убытки, причиненные отчуждением активов по заниженной цене, а не привлек их к субсидиарной ответственности, можно привести Определение ВС РФ от 19 декабря 2022 г. № 305-ЭС20-2268(20-21) по делу № А40-188637/16 [44]. В рамках другого дела суд апелляционной инстанции не согласился с решением нижестоящего суда и отменил его и взыскал солидарно с бывших руководителей и учредителя именно субсидиарную ответственность, квалифицировав их системные действия (включая создание компании-«двойника» и перевод бизнеса) как доведение до банкротства, а не причинение локальных убытков [73]. При этом наличие иных механизмов защиты прав кредиторов, таких как взыскание неосновательного обогащения, не исключает последующего банкротства и применения субсидиарной ответственности [122].

Примером перекалфикации может служить дело № А40-203647/2015 [35], где ВС РФ указал на необходимость разграничивать требования о возмещении убытков, причиненных конкретными сделками, и требования о привлечении к субсидиарной ответственности за доведение до банкротства в целом. Именно в этом деле суд прекратил производство в части субсидиарной ответственности, поскольку ущерб уже был взыскан с КДЛ в рамках уголовного дела [204, с. 5-6].

Соотношение субсидиарной ответственности по главе III.2 Закона о банкротстве и корпоративной ответственности по статье 53.1 ГК РФ (которая также может реализовываться в банкротстве через статью 61.20 Закона о банкротстве) является предметом научных дискуссий. Как справедливо отмечает кандидат юридических наук О.В. Гутников, эти институты имеют общую природу (ответственность за недобросовестное/неразумное

управление), но различаются по субъекту, инициирующему требование (в статье 53.1 – сама корпорация или ее участники; в банкротстве круг истцов шире), основаниям («субсидиарка» связана именно с банкротством) и размеру ответственности [141, С. 350-365].

По мнению юрисконсульта С.П. Жученко: «Убытки представляют собой типичную меру ответственности, проявляющуюся в самостоятельном охранительном правоотношении. Следовательно, для данного способа защиты справедливо все то, что справедливо для гражданско-правовой ответственности (условия, основания возникновения, объем и так далее)» [178, с. 105].

Данное обстоятельство наглядно демонстрирует позицию, которой придерживается ВС РФ о единой гражданско-правовой тождественности рассматриваемых положений, по причине идентичности их правовой природы, что приводит к взаимозаменяемости и взаимодополнению требований о привлечении к субсидиарной ответственности и взысканию убытков в рамках процедуры банкротства [35]. Однако важно помнить о различиях в объекте защиты, размере ответственности и основаниях. ВС РФ также проводит различие между кредиторскими убытками, направленными на возмещение вреда кредиторам (по сути, схожими с субсидиарной ответственностью), и корпоративными убытками, возмещающими вред самой компании. Следует отметить, что механизм, предусмотренный статьей 61.17 Закона о банкротстве, распространяется исключительно на кредиторские убытки [50].

По мнению некоторых исследователей, ввиду вероятности переквалификации требований судом, в заявлении о привлечении к ответственности целесообразно также указывать «нормы, содержащиеся в общих положениях глав 25 и 59 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда в части, не противоречащей специальным нормам Закона о банкротстве» [163, с. 68].

Согласно статье 53.1 ГК РФ [2] лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени (пункт 3 статьи 53), обязано возместить по требованию юридического лица, его учредителей (участников), выступающих в интересах юридического лица, убытки, причиненные по его вине юридическому лицу вследствие его недобросовестных или неразумных действий (бездействия).

Суды, как правило, при вынесении законного и обоснованного решения не только дают оценку действиям (бездействию) лиц контролирующего должника, но также учитывают последствия этих действий для организации.

В случае ООО «Серебряный экран» суд признал недействительными платежи в пользу связанной компании на сумму более 800 млн рублей, а также необоснованные траты, повлекшие утрату активов и неспособность исполнять обязательства перед кредиторами.

С генерального директора, осуществлявшего управление в период совершения указанных сделок, взысканы убытки в пользу должника, так как именно это лицо, являясь ответственным за обеспечение финансовой устойчивости организации и соблюдение законодательных требований, оказало существенное влияние на финансовое состояние организации (совершение необоснованных платежей), приведшее ее к банкротству [119].

В данном случае суд применил именно механизм взыскания убытков в пользу должника, поскольку фокус был на конкретных неправомерных действиях (платежах), причинивших ущерб именно имущественной массе самого общества. Хотя эти действия в итоге и привели к банкротству, суд квалифицировал их как основание для взыскания убытков по статье 53.1 ГК РФ и статье 61.20 Закона о банкротстве. Если бы предметом доказывания со стороны заявителя выступала именно невозможность полного расчета с кредиторами как прямое следствие совокупности действий КДЛ, возможно, применялась бы статья 61.11 Закона о банкротстве.

Неразумность действий (бездействия) директора считается доказанной, в частности, когда директор принял решение без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации. Генеральный директор несет ответственность перед обществом за убытки, причиненные обществу его виновными действиями (бездействием) (пункт 1 статьи 44 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [6]).

Из вышеизложенного следует, что генеральный директор должника в рамках дела о банкротстве может быть привлечен к ответственности в виде возмещения убытков в пользу должника в случае выявления наличия в действиях управленческого органа нарушений положений Закона о банкротстве (например, совершение убыточных сделок), а также за недобросовестное и (или) неразумное поведение, выраженное в неисполнении обязанности действовать в интересах должника.

Анализируя судебную практику, можно сказать, что требование о возмещении убытков (в сравнении с требованием о субсидиарной ответственности) обладает рядом отличий, а именно:

- Объект защиты: убытки взыскиваются в пользу должника (в конкурсную массу), субсидиарная ответственность – в пользу кредиторов.
- По сравнению с основаниями для привлечения к субсидиарной ответственности в данном случае имеется более обширный круг оснований для предъявления требований (любые недобросовестные/неразумные действия, причинившие убытки, даже если они не привели к банкротству).
- Требование о возмещении убытков носит более определенный характер, определение размера убытков (равного прямому ущербу или упущенной выгоде должника) представляется потенциально более простым, чем расчет совокупного размера неудовлетворенных требований кредиторов.
- Субсидиарная ответственность (статьи 61.11; 61.12 Закона о банкротстве) наступает только в случае банкротства (или его угрозы), в то время как убытки (статья 53.1 ГК РФ; статья 61.20 Закона о банкротстве) могут

быть взысканы и при отсутствии признаков банкротства, если доказан факт причинения вреда должнику [216, с. 70].

В результате соотношения положений о возмещении убытков и специальных норм, регламентирующих субсидиарную ответственность, сделаны выводы о наличии различий таких положений (предлагается воспользоваться таблицей В.1 из приложения В для наглядного сравнения).

Важным практическим вопросом является также проблема двойной ответственности: можно ли взыскать с КДЛ и убытки по статье 61.20 (например, за конкретную сделку), и субсидиарную ответственность по статье 61.11 (за доведение до банкротства в целом, возможно, теми же действиями)?

Позиция ВС РФ указывает на недопустимость двойного взыскания за одни и те же действия. Как отмечает специалист по конкурентному и банкротному праву А.А. Ткачев, суды при рассмотрении конкурирующих требований (оспаривание сделок, взыскание убытков, в том числе причиненных преступлением, привлечение к субсидиарной ответственности) исходят из принципа недопустимости повторного взыскания, руководствуясь понятием «единого экономического интереса» [210, с. 25].

Принцип недопустимости двойного взыскания за один и тот же экономический вред реализуется через механизм зачета. Так, при предварительном возмещении КДЛ убытков должнику в порядке статьи 61.20 эта сумма подлежит вычету из итогового размера субсидиарной ответственности по статье 61.11. Зеркальное правило действует и в обратной ситуации: удовлетворение требования о привлечении к субсидиарной ответственности в полном объеме, покрывающем весь ущерб, исключает последующее взыскание убытков за те же противоправные действия.

В силу пункта 6 статьи 61.20 Закона о банкротстве, если привлечение к субсидиарной ответственности не покрывает всей суммы убытков, причиненных КДЛ, то возможно предъявление к нему требования о возмещении убытков в непокрытой части [48]. Практика также показывает,

что при недоказанности оснований для субсидиарной ответственности суд может взыскать убытки [55]. ВС РФ также разграничивает ответственность одного и того же лица по разным основаниям (например, как поручителя и как КДЛ), указывая, что исполнение по одному требованию засчитывается в счет другого [41]. Кандидат юридических наук В.А. Кондратьев рассматривает оспаривание сделок и субсидиарную ответственность «как параллельные, а не конкурирующие способы защиты, направленные на пополнение конкурсной массы» [183, с. 87-94], и ВС РФ также не признает конкуренцию исков в данном случае, позволяя заявлять оба требования.

В данном параграфе рассмотрены нормативные основания привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности, посредством раскрытия данного вопроса через установленные в пункте 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве презумпции вины и причинной связи, рассмотрен вопрос определения момента объективного банкротства, а также проанализированы соотношение положений о возмещении убытков КДЛ в пользу должника и специальных норм, регламентирующих субсидиарную ответственность КДЛ перед кредиторами.

Можно сказать, что законодатель, определяя ограниченный перечень оснований для привлечения к субсидиарной ответственности КДЛ не только нацелен защитить права и законные интересы лиц, участвующих в деле о банкротстве, но и на снижение (сокращение) возможностей произвольного привлечения лиц к субсидиарной ответственности и уменьшению риска неправомерных вмешательств в процесс, обеспечивая определенную степень правовой уверенности.

В связи с чем также выдвинуто предложение о разрешении теоретической проблемы, выраженной в правовой неопределенности – отсутствии единого понимания, что именно является основанием субсидиарной ответственности при банкротстве, путем использования четкого разграничения понятий «основание», «условие» и презумпция, так как невозможность полного погашения требований кредиторов (статья 61.11) и

неподача (несвоевременная) подача заявления должника о признании его банкротом (статья 61.12) – это нормативные основания, которые являются предпосылками для возникновения правовых последствий.

В ходе исследования оснований привлечения к субсидиарной ответственности также выяснили, что одновременно на руководителя должника накладываются потенциально противоречивые обязанности в виде совершения следующих действий: незамедлительно обратиться в суд с заявлением о банкротстве при выявлении объективной несостоятельности и одновременно принять все доступные меры по финансовому оздоровлению компании. В связи с чем предложен механизм (правовая регламентация), который позволит руководителям, имеющим экономически обоснованную стратегию по выводу организации из неблагоприятного финансового положения, но не имеющим, с учетом требований Закона о банкротстве, на это времени, улучшить финансовые показатели юридического лица без необходимости и немедленного инициирования процедуры банкротства, при условии информирования кредиторов и выполнения определенных процедур.

Также установлено, что нормы действующего законодательства предоставляют возможность выбрать способ защиты в виде подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности перед кредиторами либо обратиться в суд с заявлением о взыскании убытков в пользу должника (независимо от того, на какие нормы сослался заявитель, суд самостоятельно квалифицирует заявленные требования) и хоть данные виды ответственности имеют свои особенности, суды придерживаются позиции об их единой гражданско-правовой деликтной природе.

Вместе с тем безусловным преимуществом подачи заявления о взыскании убытков является более обширный круг оснований для предъявления такого требования по сравнению с основаниями для привлечения к субсидиарной ответственности, а также потенциально более простой расчет размера ответственности, хотя объект защиты и получатель взысканного различаются.

Глава 2

Условия и порядок привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника при банкротстве

2.1 Условия привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, презумпции контроля и вины

Реформа регулирования субсидиарной ответственности КДЛ в 2017 году, а также обширные разъяснения ВС РФ вновь подтвердили следование законодателя взятому ранее «прокредиторскому» курсу регулирования вопросов несостоятельности (банкротства). С появлением отдельной главы понятие и сущность субсидиарной ответственности получили дальнейшее развитие, как изменилась и совокупность презумпций и условий, которые необходимо доказать для возложения на контролирующее лицо субсидиарной ответственности. Применение данного вида ответственности в рамках банкротных процедур характеризуется рядом специфических черт и особенностей, детерминированных его основной целью – защитой прав и законных интересов кредиторов. В настоящем параграфе диссертации раскрывается совокупность условий, кумулятивное наличие которых необходимо для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности. Также анализируются законодательные презумпции, касающиеся установления контроля и вины КДЛ, и рассматриваются обстоятельства, позволяющие снизить размер их ответственности или полностью освободить от нее в рамках дела о банкротстве.

Прежде чем перейти к раскрытию вопроса, указанного в данном параграфе, необходимо обратиться к юридической литературе и судебной практике для установления общих условий наступления гражданско-правовой ответственности в целом.

Ранее раскрывалось понятие гражданско-правовой ответственности, выраженные профессором О.С. Иоффе, советским юристом и правоведом О.А. Красавчиковым.

Отличную точку зрения высказывает профессор В.А. Хохлов, полагая, что само правонарушение является достаточным основанием для возникновения ответственности, а наличие каких-либо дополнительных условий не требуется; условия, по его мнению, необходимы лишь на стадии применения конкретных мер ответственности [136, с. 30-31]. Данный взгляд является предметом научной полемики и расходится с преобладающей в доктрине позицией, согласно которой состав правонарушения как основание ответственности предполагает наличие совокупности обязательных элементов (условий).

Между тем указанная позиция противоречит, в первую очередь, нормам закона (статьи 15; 393; 401; 1064 ГК РФ [2; 3] и так далее), а также судебной практике, согласно которой гражданско-правовая ответственность наступает при наличии следующих условий [59]:

- противоправность поведения причинителя вреда;
- причинение вреда (наличие убытков);
- причинная связь между противоправным поведением и наступлением вреда;
- вина причинителя вреда (за исключением случаев, предусмотренных законом).

Стоит обратить внимание, что указанные условия привлечения к гражданско-правовой ответственности носят универсальный характер для деликтов. Как верно отмечает доктор юридических наук Г.Н. Шевченко: «для специальных составов правонарушений наличие их всех в совокупности может и не требоваться. Так, для взыскания неустойки не обязательно наличие убытков и причинной связи» [219, с. 70]. Однако для субсидиарной ответственности КДЛ, имеющей деликтную природу, установление всех этих условий (с учетом презумпций) является обязательным.

В связи с чем в юридической литературе длительное время ведутся многочисленные споры о том, какое из перечисленных универсальных условий занимает центральное место в системе условий привлечения к гражданско-правовой ответственности. Для деликтной ответственности все условия являются необходимыми.

Вместе с тем нет оснований не согласиться с мнением профессора П. Журдэна, согласно которой «посредством гражданской ответственности право стремится в большей степени обеспечить возмещение отдельным лицам их собственных убытков, чтобы вернуть положение дел в первоначальное состояние, вернуть равновесие, которое было нарушено между членами группы. Санкция здесь имеет восстановительный и компенсационный характер, но не репрессивный» [177, с. 155-156]. Это в полной мере относится и к субсидиарной ответственности КДЛ, основная цель которой – компенсация потерь кредиторов.

Что касается условий привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве, по мнению профессора кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина Т.П. Шишмаревой, ими выступают: «противоправные действия (бездействия), вина и причинно-следственная связь между поведением контролирующего или иного лица и причиненными убытками» [221, с. 5].

Опираясь на правовые позиции, изложенные в пункте 16 Постановления Пленума ВС РФ № 53, судебная практика исходит из того, что «необходимыми условиями для возложения субсидиарной ответственности по обязательствам должника... являются наличие причинно-следственной связи между противоправными действиями (бездействием) ответчика (КДЛ) и наступившим объективным банкротством должника, а также наличие вины ответчика в банкротстве должника» [102]. Здесь не упомянуты противоправность и вред, хотя они подразумеваются.

Проанализировав Определение СКЭС ВС РФ от 30 января 2023 г. № 307-ЭС22-18671 по делу № А56-64205/2021 [46] можно заключить, что по правовой позиции ВС РФ установление одной лишь причинной связи между действиями КДЛ и банкротством не является достаточным. Обязательным условием выступает противоправность таких действий, то есть их неразумность и/или недобросовестность, результатом которых стала неспособность компании исполнять свои обязательства.

Следовательно, ключевым элементом для возложения субсидиарной ответственности в случае банкротства юридического лица является не только установление фактов противоправного деяния, вреда, каузальной связи и вины, но и, что является первостепенным, установление у ответчика статуса контролирующего лица. Ключевым элементом этого статуса является фактическая или юридическая возможность определять действия должника или иным способом влиять на его решения. Следовательно, при рассмотрении соответствующих споров суды в первую очередь должны установить, обладает ли привлекаемое лицо таким статусом. Важно подчеркнуть, что подтверждение статуса КДЛ – это необходимое, но не достаточное условие.

Одним из центральных нововведений реформы 2017 года стала модификация дефиниции КДЛ, закрепленной в статье 61.10 Закона о банкротстве, которая затронула прежде всего временные рамки для установления контроля, что отображено в таблице Б.1 приложения Б. В соответствии с обновленной редакцией, статус контролирующего лица теперь может быть признан за лицом, осуществлявшим контроль как в трехлетний период, предшествующий объективному банкротству, так и в промежуток времени между возникновением признаков банкротства и принятием арбитражным судом заявления. Чтобы упростить процесс доказывания в пределах указанных временных периодов, в пункте 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве вводят ряд опровержимых презумпций. В соответствии с ними, лицо считается контролирующим, если в релевантный период оно:

1) Являлось руководителем должника или управляющей организацией должника, членом коллегиального исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии;

2) имело право самостоятельно либо совместно с аффилированными лицами распоряжаться 50% и более голосующих акций акционерного общества, или более чем половиной долей уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, или более чем половиной голосов в общем собрании участников юридического лица либо имело право назначать (избирать) руководителя должника;

3) извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 ГК РФ (руководителя, членов коллегиальных органов).

При этом законодатель оставил перечень презумпций открытым, наделив суд полномочиями признавать лицо контролирующим и по другим, не поименованным в законе, основаниям. Практика СКЭС ВС РФ последних лет демонстрирует гибкий подход к установлению фактического контроля, учитывая не только формальные признаки, но и реальные управленческие отношения. Например, в Определении от 07 октября 2019 г. № 307-ЭС17-11745(2) [31] контроль был установлен на основании публичных заявлений лица о своем статусе бенефициара. В Определении от 23 января 2023 г. № 305-ЭС21-18249(2,3) [45] ВС РФ указал, что о фактическом контроле могут свидетельствовать косвенные доказательства: дача указаний менеджменту, влияние на кадровые решения, использование ресурсов должника в своих интересах, синхронность действий с формальным руководством и так далее. Так, в Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда по делу № А41-78842/2015 [100] суд признал П.Я. Фукса КДЛ (конечным бенефициаром), несмотря на отсутствие формальной должности, на основании показаний номинального директора, агентского договора и факта получения им выгоды от вывода средств. Широкая судебная дискреция при установлении статуса КДЛ по пункту 5 статьи 61.10

Закона о банкротстве на основе неформальных связей и фактического влияния также отмечается в научной литературе [158, с. 54].

В другом деле фактический контроль установлен на основании копии банковской карточки должника, согласно которой ответчик обладал правом первой подписи от имени общества [85].

Практика привлечения к субсидиарной ответственности реальных выгодоприобретателей получила существенное развитие после вынесения Определения ВС РФ [27], в котором Суд разъяснил критерии установления статуса КДЛ у «теневых» контролеров. Так, было указано, что статус конечного бенефициара может раскрываться через следующие факторы:

- такое лицо стремится скрыть свой реальный статус, также он скрывает наличие у него полномочий, позволяющих оказывать влияние на должника;
- отношения с должником не регламентируются какими-либо нормативными или локальными актами, в которых бы конкретно были указаны его полномочия.

В связи с этим ВС РФ ориентирует нижестоящие суды на то, что в таких случаях следует оценивать косвенные признаки, указывающие наличие подконтрольности. Об этом могут свидетельствовать следующие обстоятельства: действия названных субъектов синхронны в отсутствие к тому объективных экономических причин; действия противоречат экономическим интересам должника и одновременно ведут к существенному приросту имущества лица, привлекаемого к ответственности; данные действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одного другому и так далее. Эти разъяснения помогают доказывать фактический контроль. Судебная практика также активно использует иные косвенные доказательства для установления статуса «теневого» бенефициара, такие как: свидетельские показания (в том числе контрагентов), анализ движения денежных средств, материалы уголовных дел, владение акциями материнских компаний, дача поручительств бенефициаром

за должника, наличие у бенефициара кабинета в офисе должника, его публичные заявления о статусе бенефициара [211, с. 65-68].

Можно сказать, что данное определение по своей сути раскрывает еще одну презумпцию, свидетельствующую о наличии у лица статуса КДЛ, а именно ту, что закреплена в подпункте 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве: извлечение лицом выгоды из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 ГК РФ [2].

Признание лица контролирующим возможно и при установлении факта того, что оно получило или сохранило за собой значимый актив должника, если этот актив был отчужден в результате сделки, заключенной на заведомо нерыночных (невыгодных) условиях, либо в рамках сделки с контрагентом, не обладающим реальной возможностью исполнить свои обязательства (например, с так называемой «фирмой-однодневкой»). При разъяснении данной презумпции ВС РФ приводит в пример ситуации, когда выбытие актива оформляется документально, но фактически не соответствует реальным экономическим операциям. В таких случаях бремя опровержения презумпции контроля ложится на привлекаемое к ответственности лицо: оно должно доказать свою добросовестность и реальность хозяйственной операции, представив убедительные свидетельства ее возмездности и соответствия ее условий обычной деловой практике в аналогичных обстоятельствах (согласно пункту 7 Постановления Пленума ВС РФ № 53) [22]. Таким образом, Пленум ВС РФ подчеркивает критическую роль доказательственной базы при разрешении споров о привлечении контролирующих лиц к ответственности в делах о банкротстве. Представление суду ясной и достоверной информации о сути и параметрах оспариваемой сделки (подкрепленной документами и аргументацией) создает основу для вынесения судом взвешенного решения, опирающегося на фактические данные и отвечающего принципам законности и справедливости.

Необходимо обратить внимание, что суды должны принимать во внимание и косвенные доказательства, свидетельствующие о наличии у лица права давать указания должнику, если же совокупность обстоятельств, представленные доказательства будут указывать на наличие фактического контроля, бремя доказывания обратного переходит на КДЛ [205, с. 47-48].

На практике также не редки ситуации, когда реальные бенефициары пытаются избежать ответственности путем передачи управления юридическим лицом номинальному руководителю, который сам не принимает самостоятельных решений относительно деятельности должника. Как уже было указано, бенефициар при этом формально не имеет руководящей должности и соответствующего функционала, однако фактически решает все вопросы, связанные с моделью ведения бизнеса [143, с. 27]. Использование фигуры номинального руководителя является распространенным способом сокрытия реального контроля и затрудняет привлечение к ответственности истинных виновников банкротства.

Хотя законодательство и судебная практика признают существование таких фигур и предусматривают механизмы смягчения их ответственности, в правовом поле отсутствует четкое легальное определение понятия «номинальный руководитель». Существующие описательные характеристики в пункте 9 статьи 61.11 Закона о банкротстве и разъяснения в пункте 6 Постановления Пленума ВС РФ № 53 указывают на основные черты (формальное вхождение в органы управления, отсутствие фактического управления), но не формируют полноценной дефиниции. Это порождает ряд проблем: во-первых, создает риск неоднородного применения критериев номинальности судами; во-вторых, затрудняет четкое доктринальное и практическое отграничение номинального руководителя от фактического (теневого) бенефициара, особенно в сложных структурах контроля; в-третьих, не всегда позволяет ясно разделить объективные признаки статуса номинальности и условия для последующего снижения ответственности.

По своей сути номинальный руководитель обычно не является конечным выгодоприобретателем при выводе имущества в преддверии банкротства, а часто выступает лишь инструментом в руках фактического контролера. Вследствие чего, привлечение такого руководителя к субсидиарной ответственности в полном объеме не имеет должного экономического смысла, если у него нет личного имущества, и не всегда отвечает целям справедливости. Принимая во внимание специфику положения номинальных руководителей, законодатель обоснованно предусмотрел механизм смягчения их ответственности. Согласно пункту 9 статьи 61.11 Закона о банкротстве, размер ответственности номинального руководителя может быть снижен, или он может быть полностью освобожден от нее, при условии раскрытия им сведений, которые способствовали установлению личности реального бенефициара (фактического руководителя) и/или розыску активов, сокрытых последним. Для применения данной нормы необходимо также доказать, что номинальный руководитель не имел реальной возможности оказывать решающее воздействие на финансово-хозяйственную деятельность должника и при этом предоставил суду или арбитражному управляющему ценную информацию.

Проводя соотношение с такими категориями как «теневой» руководитель (или фактический руководитель), необходимо отметить, что номинальный руководитель отличается от них по следующим признакам:

1) Номинальный руководитель наделен полномочиями в соответствии с установленным законом порядком (формально назначен), тогда как «теневой» такими полномочиями формально не наделен или же не имеет закрепленных полномочий вовсе;

2) в отличие от «теневого» директора номинальный директор имеет пассивную позицию и не реализует самостоятельно управленческие функции, а лишь исполняет указания фактического руководителя.

Как указано в пункте 6 Постановления Пленума ВС РФ № 53, руководитель, хотя и формально входящий в органы управления должника, но

не осуществляющий фактическое управление, не утрачивает статуса КДЛ, так как у него имелась формальная возможность влиять на решения должника, и сам по себе номинальный характер его руководства не освобождает автоматически номинала от ответственности [22]. Судебная практика исходит из того, что само по себе принятие роли номинального руководителя не может рассматриваться как добросовестное поведение, в связи с чем, суды без дополнительных оснований (раскрытия информации) не находят оснований для освобождения даже номинальных руководителей от ответственности или для ее снижения [126], с учетом этого, номинальный руководитель в целях освобождения от ответственности либо ее снижения обязан сотрудничать и раскрыть всю необходимую информацию, а значит, его действия должны быть направлены на пополнение конкурсной массы за счет установления фактического руководителя и возврата соответствующего имущества. Важно подчеркнуть, что, согласно пункту 9 статьи 61.11 Закона о банкротстве, освобождение или уменьшение ответственности возможно только при доказанности отсутствия определяющего влияния и (кумулятивно) предоставлении ценных сведений, которые помогли установить фактического контролера или его имущество. ФНС России также ориентирует на привлечение именно реальных выгодоприобретателей, а не только номиналов [228]. Практика показывает, как случаи привлечения номинальных директоров [39], так и их освобождения [57], в зависимости от конкретных обстоятельств и степени их сотрудничества.

Эффективность механизма, предусмотренного пунктом 9 статьи 61.11 Закона о банкротстве, на практике пока остается предметом дискуссий. С одной стороны, он создает стимул для номинальных руководителей к сотрудничеству со следствием и арбитражным управляющим. С другой стороны, как показывает анализ судебной практики, суды довольно неохотно применяют полное освобождение от ответственности, чаще речь идет о снижении ее размера. Кроме того, возникают сложности с оценкой «ценности» предоставленной информации – насколько она действительно помогла

установить бенефициара или найти активы. Простое указание на фактического бенефициара без реальной пользы для конкурсной массы может быть признано недостаточным [116].

На факт номинальности могут указывать следующие объективные обстоятельства: наличие доказательств (например, переписки, свидетельских показаний), указывающих на то, что дача обязательных к исполнению указаний осуществлялась фактическим руководителем; отсутствие со стороны номинального руководителя возможности влиять на принятие существенных деловых решений; отсутствие у номинального руководителя соразмерного дохода [220, с. 112-113], соответствующего среднему уровню дохода реальных руководителей [166, с. 38], неполучение им выгоды от недобросовестных действий фактического руководителя; также возможно даже отсутствие права подписи в кредитной организации, формальное подписание документов без их изучения, отсутствие специальных знаний и опыта для управления компанией такого масштаба и профиля и так далее. Сложность доказывания номинальности подтверждается судебной практикой, где суды часто отклоняют доводы о номинальности при наличии у лица формальных полномочий и права подписи [123], что подчеркивает необходимость детального анализа фактических обстоятельств.

Таким образом, квалификация лица в качестве номинального руководителя базируется на объективных показателях, подтверждающих отсутствие у него как фактической возможности управлять действиями должника, так и личной заинтересованности (выгоды) от недобросовестного менеджмента. Смягчение же его субсидиарной ответственности (уменьшение размера или полное освобождение) выступает как правовое последствие, которое наступает при кумулятивном выполнении двух условий: доказанности номинального статуса и предоставления ценной информации, способствующей выявлению фактического контролера или его скрытых активов. Необходимо четко разграничивать эти два аспекта: квалификацию лица как номинального на основе объективных критериев (отсутствие

реального управления и выгоды) и применение пункта 9 статьи 61.11 Закона о банкротстве как нормы, устанавливающей условия для смягчения ответственности, зависящие от последующего кооперативного поведения (раскрытия сведений). Первое касается идентификации статуса лица, второе – условий его ответственности. При этом судам при рассмотрении дел о субсидиарной ответственности следует тщательно анализировать степень реального участия лица в управлении, его влияние на принятие ключевых бизнес-решений, поскольку фактический контроль может осуществляться и без формальных признаков аффилированности.

Для устранения существующей правовой неопределенности и унификации практики, а также для четкого разграничения статуса номинального руководителя и условий смягчения его ответственности представляется обоснованным внести следующее авторское определение в научный оборот и в законодательство о банкротстве (например, дополнить статью 2 Закона о банкротстве):

«Номинальный руководитель – контролирующее должника лицо, которое формально занимает должность в органах управления юридического лица, но при этом:

а) фактически не осуществляет самостоятельного управления деятельностью юридического лица, действуя преимущественно по прямым или косвенным указаниям иного лица (фактического руководителя);

б) лишено возможности принимать или существенно влиять на управленческие решения;

в) не является непосредственным выгодоприобретателем от незаконных или недобросовестных действий фактического руководителя, причинивших вред должнику или его кредиторам.

Ответственность такого лица может быть уменьшена или оно может быть полностью освобождено от субсидиарной ответственности при условии, если оно докажет свое соответствие указанным признакам и предоставит

сведения, указанные в пункте 9 статьи 61.11 настоящего Федерального закона».

Данное определение, во-первых, четко фиксирует объективные критерии для установления статуса номинальности (пункты: а); б); в) отделяя их от условия для снижения ответственности, которое вынесено в отдельное предложение. Во-вторых, оно акцентирует внимание на отсутствии не только самостоятельности, но и выгоды от неправомερных действий, что является важным маркером номинальности. В-третьих, оно прямо указывает, что номинальный руководитель все же является контролирующим лицом (согласно пункту 6 Постановления Пленума ВС РФ № 53), но с особым статусом в контексте ответственности. Это решает проблему разграничения с фактическим руководителем и вносит большую ясность по сравнению с существующими описаниями.

Следует подчеркнуть, что для снижения или освобождения от ответственности простого указания на свой номинальный статус недостаточно. Необходимо доказать не только пассивное следование указаниям, но и предпринятые им (пусть и безуспешные) попытки воспрепятствовать очевидно неправомερным действиям фактического руководителя либо обосновать объективную невозможность таких действий (например, в условиях угроз или полной информационной изоляции). Таким образом, предлагаемые критерии должны оцениваться судом в совокупности с анализом поведения номинального руководителя на предмет его соответствия минимальным стандартам добросовестности, а не как формальное основание для освобождения от ответственности.

Номинальные руководители сталкиваются с ситуацией, связанной с обязанностью таких лиц передать конкурсному управляющему документы, материальные ценности должника. Неисполнение этой обязанности может повлечь применение презумпции вины по подпунктам 2 и 4 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве.

Рассмотрим пример из судебной практики: Общество признано несостоятельным (банкротом). После возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве) у бывшего руководителя возникла обязанность передать конкурсному управляющему всю документацию, которая не была исполнена, что послужило основанием для привлечения его к субсидиарной ответственности. Однако, полагая данное лицо номинальным руководителем, конкурсные кредиторы и управляющий обратились с требованием о привлечении к ответственности фактического бенефициара. Суды трех инстанций отклонили это требование, мотивировав отказ тем, что на бенефициара не возлагалась обязанность по хранению документов, помимо этого, доказательств полагать, что руководитель, привлеченный к ответственности, является номинальным, в материалы дела не представлено.

ВС РФ не согласился с позицией судов, отправив дело на новое рассмотрение, с указанием на то, что суды не учли доводы о номинальности директора и не исследовали вопрос о фактическом контроле бенефициара. ВС РФ указал, что одним из оснований (презумпций) для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности является непередача документации, товарно-материальных ценностей (подпункт 2 пункт 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве). Данная обязанность по передаче документов (статья 126 Закона о банкротстве) лежит солидарно как на номинальном, так и на фактическом руководителе (если последний имел фактическую возможность обеспечить передачу документов). Иной подход означал бы, что фактический руководитель может уйти от ответственности и извлечь определенную выгоду. Таким образом, в данном деле ВС РФ разрешил достаточно важную проблему, которая связана с ответственностью как номинального, так и фактического директора за непередачу документации (Определение СКЭС ВС РФ от 23 января 2023г. № 305-ЭС21-18249(2,3) по делу № А40-303933/2018 [45]; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07 сентября 2023 г. № Ф05-654/2021 по делу № А40-26437/2018 [75]; Постановление Арбитражного суда Московского

округа от 23 января 2024 г. № Ф05-18858/2019 по делу № А40-298902/2018 [76]). Если же номинальный руководитель не раскрывает информацию относительно фактического руководителя, но при этом удалось доказать контроль конечного бенефициара, именно его и можно привлечь к ответственности. При этом важно отметить, что обязанность по организации ведения и хранению документов, и их передаче лежит на руководителе, пусть даже и на номинальном. Вина же за наличие в системе управления юридического лица номинального директора как такового полностью ложится на конечного бенефициара, который создал такую систему управления [45].

При солидарном привлечении к ответственности номинального и фактического руководителей возникает вопрос об очередности исполнения в рамках исполнительного производства. Прямо законом данный вопрос не урегулирован, однако при солидарном привлечении к ответственности номинального и фактического руководителей, в рамках исполнительного производства взыскание в первую очередь должно обращаться на имущество фактического руководителя как лица, извлекающего основную выгоду из неправомερных действий и являющегося первопричиной возникновения вреда. Это положение направлено на защиту номинального директора, даже если он не был полностью освобожден от ответственности. Хотя данное предложение не основано на прямой норме закона и может вызвать дискуссии, оно соответствует общим принципам справедливости и соразмерности ответственности (статья 1 ГК РФ), а также целям института субсидиарной ответственности – воздействию на реальных виновников банкротства. Возможно, данное правило могло бы быть выработано судебной практикой по аналогии с нормами, регулирующими отношения основного должника и поручителя в определенных аспектах, или закреплено *de lege ferenda* в законодательстве об исполнительном производстве или о банкротстве для повышения эффективности взыскания и защиты прав номинальных лиц, оказавшихся вовлеченными в чужие недобросовестные схемы.

В пункте 2.2 Письма Федеральной налоговой службы от 16 августа 2017 г. № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» (далее – Письмо ФНС России № СА-4-18/16148@) [228] разъясняется, что при применении п. 5 ст. 61.10 Закона о банкротстве суд может признать лицо контролирующим должника на основании иных (неформальных) фактических обстоятельств. К таким обстоятельствам могут быть отнесены различные неформальные личные связи, включая те, что были выявлены в ходе оперативно-разыскной деятельности. В качестве примеров таких связей ФНС России приводит:

- 1) Факт совместного проживания (включая незарегистрированные брачные отношения);
- 2) продолжительный опыт совместной работы или службы (например, военной или гражданской), совместное получение образования (например, обучение в одном классе или на одном курсе) и подобные устойчивые личные контакты.

В научной литературе также высказывается мнение о возможности использования факта членства в одних и тех же досуговых учреждениях, таких как спортивные клубы, развлекательные мероприятия и другие, как доказательства неформальных личных отношений при рассмотрении вопросов подконтрольности и аффилированности между лицами. Это связано с тем, что частое общение или участие в совместной деятельности может свидетельствовать о близких отношениях между людьми, а значит, может помочь суду или участвующим сторонам лучше понять степень взаимодействия и влияния между ними [167, с. 28-29].

Однако следует с осторожностью относиться к использованию таких косвенных признаков, как совместный досуг или обучение. Сами по себе они не могут быть достаточным доказательством контроля. Суды должны оценивать их в совокупности с другими доказательствами, указывающими на реальную возможность лица влиять на решения должника (например,

финансовые потоки между связанными лицами, дача указаний сотрудникам, участие в переговорах от имени должника и тому подобное).

Между тем в настоящее время подобное мнение не находит широкого отражения в судебной практике. Наиболее часто близкие неформальные отношения устанавливаются через родственные связи [101], наличие официально заключенного брака [72] и так далее.

И как отмечалось ранее, самого факта наличия неформальных личных отношений – недостаточно, суду необходимо установить реальную степень вовлеченности лица в деятельность должника и его влияние на принятие управленческих решений. Таким образом, решающее значение приобретает совокупность косвенных факторов, указывающих на наличие фактического контроля [108].

Таким образом, можно прийти к выводу, что доказывание скрытой подконтрольности может осуществляться следующими путями: во-первых, путем доказывания наличия неформальных отношений, позволяющих одному лицу, не имеющему формальных полномочий, влиять на решения другого; во-вторых, приведением доводов о наличии между лицами фактической аффилированности, то есть в сущности раскрывается личность надлежащего ответчика в ситуации, когда изначально разными способами скрывается информация, демонстрирующая реальное положение дел по вопросу осуществления контроля над должником, к примеру, путем задействования офшорных компаний, что приводит к сокрытию реальной структуры владения.

Также стоит обратить внимание на наличие актуальной тенденции, которая характеризуется тем, что в настоящий момент практика ВС РФ направлена не на безграничное расширение круга лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, а к отходу от обвинительного уклона и от формального подхода, а именно: «разрешая подобные споры, судам необходимо исходить из того, что к субсидиарной ответственности могут быть привлечены только те лица, противоправные действия которых

непосредственно привели к банкротству или существенно его усугубили» [40]. Подчеркивается необходимость установления вины и причинно-следственной связи, а также недопустимость привлечения к ответственности за обычный деловой риск.

Проведение границы между нормальным предпринимательским риском и виновным поведением КДЛ (проявляющимся в недобросовестности или неразумности) представляет собой одну из наиболее трудных задач для правоприменителей. ВС РФ в пункте 18 Постановления Пленума № 53 [22] разъяснил, что КДЛ не подлежит ответственности за негативные результаты, ставшие следствием обычного делового риска, управленческих просчетов, неблагоприятных изменений рыночной ситуации и тому подобное, если его действия оставались в рамках стандартов разумности и добросовестности. Признаками неразумности, согласно пункту 16 того же Постановления, могут служить: принятие решений без анализа доступной релевантной информации, заключение сделок без получения необходимых сведений, совершение операций на заведомо невыгодных условиях или с контрагентом, очевидно неспособным исполнить обязательства. Недобросовестность, как указано там же, может выражаться в действиях в условиях конфликта интересов, утаивании информации, заключении сделок с целью вывода активов. В научной литературе отмечается, что доказанные факты недобросовестности или неразумности действий руководителя по сути подтверждают его вину [195, с. 25]. Тем не менее, стоит обратить внимание на формулировку пункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве, которая формально разграничивает вину и критерии добросовестности/разумности, устанавливая, что лицо освобождается от ответственности, если докажет отсутствие вины, при условии, что его действия были добросовестными и разумными.

В зарубежной практике для защиты директоров от ответственности за решения, которые оказались неудачными, но были приняты добросовестно и на основе достаточной информации, применяется доктрина «правила защиты делового решения» (Business Judgment Rule, BJR). Ключевые элементы BJR

включают: 1) наличие осознанного предпринимательского решения; 2) отсутствие личной заинтересованности директора; 3) достаточная информированность директора при принятии решения; 4) добросовестность (убежденность, что решение соответствует наилучшим интересам компании); 5) направленность действий на благо компании [172, с. 32-33].

Российский подход, отраженный в статье 53.1 ГК РФ и разъяснениях пункта 18 Постановления Пленума ВС РФ № 53, который, не вводя непосредственно термин ВJR, тем не менее, использует аналогичные правовые категории, такие как добросовестность, разумность и пределы делового риска. Представляется целесообразным последовательное применение логики, заложенной в ВJR, не только при оценке ответственности по статье 61.11, но и при оценке оснований для ответственности по статье 61.12. Это связано с тем, что решение руководителя не инициировать процедуру банкротства при наличии экономически обоснованного плана санации также является деловым решением, которое заслуживает оценки с позиций ВJR [172, с. 33]. Этот вывод дополнительно аргументирует обоснованность предложенного в настоящей работе механизма защиты руководителя при наличии антикризисного плана.

В одном из дел о банкротстве конкурсный кредитор заявил требование о взыскании убытков с экс-руководителя и главного бухгалтера. Суд первой инстанции, чью позицию поддержала апелляция, удовлетворил требование лишь в части привлечения к субсидиарной ответственности директора общества, во взыскании убытков с главного бухгалтера было отказано. Банк, не согласившись с принятыми судебными актами, подал кассационную жалобу, основные доводы по которой сводились к следующему: суды неправильно квалифицировали требование о взыскании убытков как требование о привлечение бухгалтера к субсидиарной ответственности, помимо этого для взыскания убытков с главного бухгалтера в пользу должника не требуется установление статуса КДЛ, противоправные действия бухгалтера были скоординированы с действиями директора и заключались в предоставлении некорректной налоговой декларации. Суд первой и

апелляционной инстанции не приняли во внимание довод банка о том, что бухгалтер не исполнила обязанность по ведению бухгалтерской отчетности надлежащим образом [125].

Позиция судов, выработанная по результатам нового рассмотрения дела после его возвращения судом округа, демонстрирует, что для взыскания с бухгалтера убытков в пользу должника достаточно доказать факт его совместных противоправных действий с КДЛ; установление того, что эти действия повлекли неплатежеспособность, не является необходимым [33]. На этом основании суд первой инстанции солидарно взыскал убытки с директора и бухгалтера. Данный механизм ответственности следует отличать от субсидиарной ответственности, которая, согласно пункту 24 Постановления Пленума ВС РФ № 53, может быть применена к бухгалтеру в статусе КДЛ только в случае, если его действия способствовали доведению до банкротства. В обоих случаях неправомерные действия могут заключаться в отступлении от принципов добросовестности и разумности, как следует из положений пункта 16 Постановления Пленума ВС РФ № 53.

Неправомерные действия (бездействие) КДЛ также могут выражаться в принятии решений с нарушением принципов добросовестности и разумности, в том числе, в случае вступлении в договорные отношения с контрагентом, очевидно не имеющим возможности исполнить обязательство, либо в построении такой системы управления, при которой третье лицо извлекает выгоду во вред должнику и его кредиторам (пункт 16 Постановления Пленума ВС РФ № 53).

По мнению судьи Арбитражного суда Западно-Сибирского округа М.Ф. Лукьяненко: «добросовестность в объективном значении – есть обязанность лица в соответствии с законом и учредительными документами честно действовать от имени юридического лица в рамках обоснованного предпринимательского риска» [148, с. 299].

КС РФ неизменно придерживается позиции, согласно которой «...общеизвестным принципом привлечения к ответственности во всех

отраслях права является наличие вины как элемента субъективной стороны состава правонарушения, а всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, то есть предусмотрено непосредственно в законе» [14]. В гражданском праве вина презюмируется (пункт 2 статьи 401 ГК РФ), однако для возложения на КДЛ субсидиарной ответственности законодатель предусмотрел специальные презумпции виновности (в частности, в пункте 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве).

Применение презумпции вины в делах о субсидиарной ответственности КДЛ означает перераспределение бремени доказывания. Заявитель должен доказать наличие обстоятельств, указанных в пункте 2 статьи 61.11 или пункте 1 статьи 61.12, а КДЛ для освобождения от ответственности должен доказать отсутствие своей вины (пункт 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве) или наличие оснований для освобождения по пункту 9 статьи 61.12 Закона о банкротстве. Применение презумпции по подпунктам 2, 4 пункта 2 статьи 61.11 (непередача/искажение документации) требует от суда оценки того, насколько отсутствие документов существенно затруднило формирование конкурсной массы, а бремя опровержения презумпции лежит на ответчике [89]. Такое распределение бремени доказывания оправдано информационной асимметрией: КДЛ обладает большим объемом информации о причинах банкротства, чем кредиторы или управляющий.

Специалист по гражданскому праву Е.А. Суханов указывает, что: «специфика категории вины в гражданском праве обусловлена особенностями регулируемых гражданским правом отношений, имеющих преимущественно товарно-денежный характер, и главенством компенсаторно-восстановительной функции гражданско-правовой ответственности» [152, с. 234].

В соответствии с пунктом 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве, КДЛ, чьи действия (или бездействие) стали предполагаемой причиной невозможности полного удовлетворения требований кредиторов, могут избежать субсидиарной ответственности. Для этого им необходимо доказать

отсутствие своей вины в возникновении такой невозможности, а также подтвердить, что их поведение соответствовало обычаям делового оборота, стандартам разумности и добросовестности, и не приводило к необоснованному нарушению прав и законных интересов самого должника, его учредителей (участников) и кредиторов. Опровергая презумпции вины (то есть доказывая отсутствие оснований для ответственности), КДЛ вправе аргументировать, что банкротство было обусловлено исключительно внешними причинами, а не его собственными неправомерными действиями. ВС РФ в качестве таких внешних факторов называет негативную рыночную конъюнктуру, финансовые кризисы, кардинальное изменение условий предпринимательской деятельности, стихийные бедствия и иные подобные обстоятельства. Кроме того, ссылка на внешние факторы может быть использована КДЛ для снижения размера субсидиарной ответственности, если банкротство хоть и было связано с его действиями (бездействием), но объем долгов значительно возрос под влиянием этих внешних обстоятельств (согласно пункту 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве и пункту 19 Постановления Пленума ВС РФ № 53).

Статья 61.12 Закона о банкротстве предусматривает возможность освобождения руководителя от субсидиарной ответственности, даже если должник формально подпадает под признаки неплатежеспособности или иные критерии, перечисленные в пункте 1 статьи 9. Для этого руководитель должен доказать, что немедленное обращение взыскания на активы должника существенно затруднило бы или сделало невозможным продолжение его хозяйственной деятельности (даже при наличии трехмесячной просрочки по зарплате, выходным пособиям и т.д.). При этом необходимо также обосновать, что данные обстоятельства еще не являются признаком объективного банкротства, и у руководителя, который действовал добросовестно, имелись рациональные ожидания по поводу преодоления временных финансовых затруднений в обозримый срок, следуя экономически обоснованному плану санации (согласно пункту 9 Постановления Пленума ВС РФ № 53).

Применение указанного пункта 9 Постановления Пленума ВС РФ № 53 обязывает КДЛ представить суду весомые доказательства как существования, так и фактической реализации антикризисного плана. Суды при этом оценивают не только экономическую состоятельность и реалистичность самого плана, но и конкретные шаги, предпринятые КДЛ для его воплощения. Как было отмечено СКЭС ВС РФ в Определении от 21 мая 2021 г. № 302-ЭС20-23984 по делу № А19-4454/2017 [36], ссылка на план не будет принята во внимание, если он изначально был неисполним или служил лишь для маскировки вывода активов. Ключевым является доказывание того, что руководитель действовал как заботливый и рачительный управленец в интересах как самой компании, так и ее кредиторов.

Еще одним условием, при соблюдении которого руководитель освобождается от ответственности по статье 61.12, является наличие у руководителя и выполнение экономически обоснованного плана, при реализации которого он добросовестно рассчитывал преодолеть финансовые затруднения, и доказанность факта того, что руководитель приложил необходимые разумные усилия для реализации указанного плана.

Согласно точке зрения А.В. Татарникова: «принцип добросовестности в гражданском праве заключается в необходимости действовать без намерения причинить вред другим участникам гражданских правоотношений, не допускать легкомыслия и небрежности во избежание причинения вреда, а также соотносить свои действия с типичными гражданско-правовыми моделями поведения, правами, свободами и законными интересами других лиц, общества и государства» [135, с. 21-22].

Раскрывая содержание понятия «добросовестность», ВС РФ указывает: «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации» [23].

Освобождение от ответственности по статье 61.12 Закона о банкротстве на основании антикризисного плана осуществляется на срок, пока реализация плана руководителя была разумной с позиции обычного руководителя, находящегося при сходных обстоятельствах. Также ВС РФ отмечает, что отсутствие у должника средств на финансирование банкротства не является основанием для освобождения руководителя от обязанности инициировать данную процедуру (согласно пункту 10 Постановления Пленума ВС РФ № 53). Схожее обязательство по обращению в суд в установленный срок, не превышающий десяти дней, также возложена на ликвидатора (членов ликвидационной комиссии), поэтому на них распространяются вышеуказанные положения о субсидиарной ответственности вследствие нарушения данной обязанности.

Предложенный ранее по данному вопросу механизм («дорожная карта» реализации антикризисного плана с уведомлением кредиторов) связан именно с тем, чтобы мотивировать добросовестного руководителя реализовать план (стратегию) по выводу организации из неблагоприятного финансового положения в разумные сроки без ущемления прав и интересов контрагентов такого юридического лица, и предоставить ему правовую защиту от необоснованного привлечения к ответственности по статье 61.12 Закона о банкротстве.

Эта идея коррелирует с концепцией «бизнес-решения» (business judgment rule), применяемой в зарубежных правовых системах, которая защищает директоров от ответственности за добросовестные и информированные решения, даже если они впоследствии оказались убыточными. Предлагаемый механизм, по сути, пытается формализовать условия применения схожего подхода в российской практике применительно к ситуации несвоевременной подачи заявления о банкротстве.

Поскольку вопросы несостоятельности (банкротства) находятся на стыке двух сфер – права и экономики, а перечень требований к кандидату на должность судьи не содержит указания на наличие экономического

образования, возникает закономерный вопрос: каким образом судья сможет оценить экономическую обоснованность плана руководителя, а также разумность его действий при реализации последнего? Таким образом, немаловажным вопросом является квалификация действия КДЛ в качестве соответствующего таким понятиям, как «предел обычного делового риска», «добросовестность и разумность».

Правоприменительная практика, развиваясь, формирует ответы на поставленные вопросы. ВС РФ выработал систему подходов, согласно которым возложение субсидиарной ответственности на КДЛ недопустимо без наличия ясных и убедительных доказательств, подтверждающих его виновное поведение (то есть недобросовестность и неразумность). Судам предписано тщательно исследовать все фактические обстоятельства дела в их совокупности и взаимосвязи, чтобы установить, действительно ли действия (или бездействие) данного лица привели к банкротству организации или выразились в неисполнении обязанности по своевременной подаче заявления [40]. При этом необходимо учитывать действие законодательных презумпций вины, бремя опровержения которых возлагается на привлекаемое к ответственности КДЛ.

Положением пункта 12 Постановления Пленума ВС РФ № 53 презюмируется наличие причинно-следственной связи между неподачей руководителем заявления о признании должника банкротом и невозможностью удовлетворения требований кредиторов, обязательства перед которыми возникли после истечения срока на подачу заявления о признании должника банкротом (для ответственности по статье 61.12). Для ответственности по статье 61.11 Закона о банкротстве причинная связь между действиями КДЛ и банкротством должна быть доказана заявителем, но ее наличие презюмируется при обстоятельствах, указанных в пункте 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве.

Сложность проблемы причинной связи в доктринальном и правоприменительном аспектах хорошо отражена в словах цивилиста

Г.Ф. Шершеневича: «гражданское правонарушение предполагает такое сосуществование незаконного действия и вреда, которое обнаружило бы между ними причинную связь. При такой последовательности двух этих явлений возникают вопросы: насколько незаконное действие есть причина вреда и насколько вред есть следствие незаконного действия» [155, с. 173].

Непростая структура причинно-следственных связей при банкротстве обуславливает необходимость установления прямой (необходимой) причинной связи между противоправным деянием КДЛ и объективной несостоятельностью или дефицитом активов для полного погашения долгов.

Доказывание причинно-следственной связи между действиями (бездействием) КДЛ и такими негативными последствиями, как банкротство или неспособность удовлетворить требования кредиторов, является обязательным элементом доказывания. Для упрощения этого процесса Закон о банкротстве, как отмечалось выше, инкорпорирует специальные правовые инструменты, включая презумпцию контроля (пункт 4 статьи 61.10) и непосредственно связанные с каузальностью презумпции вины и причинной связи (пункт 2 статьи 61.11; пункт 2 статьи 61.12).

Практическим примером служит случай, рассмотренный ВС РФ, где было отмечено отсутствие в материалах дела доказательств, подтверждающих наличие причинно-следственной связи между фактом непередачи документации конкурсному управляющему и возникновением существенных затруднений в проведении мероприятий по формированию конкурсной массы [61]. Иными словами, сам по себе факт непредставления документов не влечет автоматического вывода о наличии причинной связи с дефицитом средств для расчетов с кредиторами; необходимо доказать, каким конкретно образом отсутствие документации повлияло на ход процедур банкротства.

Важно также учитывать, что причинно-следственная связь должна быть прямой (необходимой). То есть, если банкротство было вызвано объективными экономическими причинами (например, резким падением спроса на продукцию, не зависящим от действий КДЛ), то даже при наличии

каких-либо нарушений со стороны КДЛ (например, не вполне рыночная сделка, но не повлекшая фатальных последствий), его нельзя привлечь к ответственности по статье 61.11 Закона о банкротстве, если именно эти нарушения не стали необходимой причиной банкротства. Бремя доказывания такой объективной причины лежит на КДЛ при опровержении презумпций.

Полагаем необходимым также обратить внимание на позицию ВС РФ, согласно которой «иск о понуждении к исполнению обязанности, предусмотренной пунктом 2 статьи 126 Закона о банкротстве (передача документов), допустим в ситуации, когда бывший руководитель должника уклоняется от участия в передаче конкурсному управляющему имущества, владение которым должник не утратил, создает препятствия в доступе к такому имуществу, удерживая ключи от кассы, сейфа, склада должника и тому подобное» [61]. В контексте данного исследования можно сделать вывод, что как бывшему руководителю, так и арбитражному управляющему в целях защиты своих прав необходимо доказать, что каждая из сторон предприняла меры, направленные на исполнение обязанности по передаче/приему необходимых документов (сведений), путем взаимодействия друг с другом. При этом следует учитывать, что для реализации прав КДЛ, чья личность еще не установлена судом или чей статус оспаривается, могут возникать процессуальные сложности, как это показано в деле № А34-10314/2021, где суд апелляционной инстанции неправомерно прекратил производство по жалобе лица, утверждавшего о своем статусе КДЛ [90]. Также необходимо четко разграничивать статус КДЛ от статуса участника общества, который сам по себе не дает права действовать от имени общества в определенных процессуальных ситуациях [74].

Необходимо обратить внимание, что в силу закона предполагается, что между нарушением обязанности по подаче заявления и невозможностью расплатиться по долгам, возникшим после этого, существует прямая причинная связь.

В качестве примера можно привести дело, где судебные инстанции первоначально пришли к выводу, что не была установлена каузальная связь между фактом непередачи документов и возникшими сложностями при формировании активов должника. Суды также отметили, что конкурсный управляющий не доказал сам факт нахождения каких-либо документов у бывшего руководителя. Исходя из этого, суды трех инстанций не нашли оснований для привлечения к ответственности. Однако ВС РФ не согласился с такой оценкой, отменил все судебные акты по спору и направил его на новое рассмотрение.

В последующем суд вынес определение о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности, указав, что бывшим директором обязанность по передаче документов не исполнена, указанное лицо является ответственным за организацию и хранение документов, соответственно не исполнение указанной обязанности привело к существенному затруднению исполнения конкурсным управляющим обязанностей, закрепленных в Законе о банкротстве [26; 124]. В данном случае суд применил презумпцию подпункта 2 пункта 2 статьи 61.11.

Проведенный анализ показывает, что, с одной стороны, законодатель и практика пошли по пути расширения субъектного состава лиц, в отношении которых может быть подано заявление о привлечении к субсидиарной ответственности, с той точки зрения, что на практике судьи стали чаще использовать такие понятия как «номинальный руководитель», «фактический руководитель», «конечный бенефициар», «выгодоприобретатель». Поэтому, чтобы унифицировать подходы и разграничить статус номинального директора, представляется необходимым для устранения существующей правовой неопределенности и унификации практики, а также для четкого разграничения статуса номинального руководителя и условий смягчения его ответственности, внести следующее авторское определение в научный оборот и в законодательство о банкротстве, дополнив статью 2 Закона о банкротстве: «Номинальный руководитель – контролирующее должника лицо, которое

формально занимает должность в органах управления юридического лица, но при этом: а) фактически не осуществляет самостоятельного управления деятельностью юридического лица, действуя преимущественно по прямым или косвенным указаниям иного лица (фактического руководителя); б) лишено возможности принимать ключевые управленческие решения или существенно влиять на них; в) не является непосредственным выгодоприобретателем от незаконных или недобросовестных действий фактического руководителя, причинивших вред должнику или его кредиторам.

Ответственность такого лица может быть уменьшена или оно может быть полностью освобождено от субсидиарной ответственности при условии, если оно докажет свое соответствие указанным признакам и предоставит сведения, указанные в пункте 9 статьи 61.11 настоящего Федерального закона».

С другой стороны, в современных реалиях практика ВС РФ направлена к отходу от обвинительного уклона, формального подхода привлечения к субсидиарной ответственности, не на механическое расширение круга лиц, подпадающих под ее действие, а на установление реальной вины и причинной связи.

Следовательно, современная правоприменительная практика исходит из того, что для возложения субсидиарной ответственности на КДЛ требуется кумулятивное установление всех необходимых условий (элементов состава правонарушения), а именно:

- 1) Подтверждение статуса ответчика как контролирующего лица (наличие у него права давать должнику обязательные для исполнения должником указания либо иной возможности влиять на его действия);
- 2) доказанность противоправного характера поведения КДЛ (недобросовестность и/или неразумность его действий/бездействия, либо нарушение обязанности по инициированию банкротства);

3) установление факта причинения вреда кредиторам, который проявляется либо дефицитом активов для расчетов с кредиторами (по статье 61.11), либо в наращивании задолженности после нарушения срока на подачу заявления (по статье 61.12);

4) доказывание каузальной связи между деянием КДЛ и вредом (с учетом презумпций);

5) наличие умышленной или неосторожной вины ответчика (при этом вина КДЛ по общему правилу презюмируется).

2.2 Порядок привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, включая процессуальные особенности и сроки

Процессуальные аспекты привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности урегулированы в статьях 61.14–61.19 Закона о банкротстве. Также порядок разъяснен в Постановлении Пленума ВС РФ № 53, однако в данный момент существует множество пробелов и неясностей, которые требуют дальнейшего уточнения и могут приводить к злоупотреблениям правами как со стороны заявителей, так и со стороны КДЛ, и как следствие, основная цель института банкротства, а именно гарантия баланса интересов прав и законных интересов субъектов – лиц, участвующих в деле о банкротстве, не всегда соблюдается. В данном параграфе будет рассмотрен процессуальный порядок привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности, сроки исковой давности, а также выявлены правовые пробелы данной области и предложим пути их устранения.

На практике зачастую возникает вопрос касательно того, кто вправе инициировать обособленные споры о привлечении руководителей должника к субсидиарной ответственности и подавать заявления о взыскании убытков. Закон о банкротстве предоставляет арбитражному управляющему право обращения в суд с заявлением о привлечении КДЛ к субсидиарной

ответственности или с иском о возмещении убытков (статьи 61.9; 61.14; 61.20 Закона о банкротстве), подача вышеуказанных заявлений осуществляется управляющим по собственной воле либо по решению собрания кредиторов (комитета кредиторов). Инициировать процедуру привлечения к субсидиарной ответственности, помимо арбитражного управляющего, могут также конкурсные кредиторы, работники должника и уполномоченный орган. Однако в случае неисполнения арбитражным управляющим предписаний собрания кредиторов, последние могут обжаловать его бездействие или получают право самостоятельного «обращения с заявлением о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности» [67] (пункт 1 статьи 61.9 Закона о банкротстве; пункт 31 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 (ред. от 30 июля 2013 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Постановление Пленума ВАС РФ № 63) [20]).

Стоит отметить, что реализация права на подачу заявления работниками должника или их представителем на практике встречается реже, что может быть связано как с меньшей информированностью данной категории кредиторов, так и с отсутствием у них достаточных ресурсов для ведения сложных судебных споров.

Закон о банкротстве содержит специальные сроки для инициирования процедуры привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности. Ключевая реформа в этой области была проведена Федеральным законом № 266-ФЗ, который реформировал ранее действовавшую модель, предусмотренную статьей 10. Прежняя норма устанавливала для арбитражного управляющего годичный субъективный срок (с момента, когда он узнал об основаниях), тогда как действующая статья 61.14 предусматривает уже трехлетний субъективный срок исковой давности.

Определение начального момента течения срока исковой давности вызывает в правоприменительной практике трудности, что создает правовую

неопределенность. Переходные положения (статья 4 Закона № 266-ФЗ) установили, что к заявлениям, поданным после 01 июля 2017 г., применяются новые правила главы III.2, включая нормы о давности. Однако для оснований, возникших до этой даты, судам необходимо проверять, не истек ли на момент реформы годичный срок, установленный прежней редакцией статьи 10. Если не истек, применяется новый трехлетний срок, но по заявлению ответчика суд может применить и старую годичную давность для действий, совершенных до вступления в силу Закона № 266-ФЗ (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-273962/2018 [97]; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда по делу № А41-78842/2015 [100]; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05 августа 2022 г. по делу № А50-30709/2015 [88]; Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 февраля 2024 г. по делу № А65-8225/2019 [104]). Это создает определенную сложность в правоприменении и подчеркивает актуальность четкого регулирования данных вопросов.

ВС РФ в пункте 58 Постановления Пленума № 53 разъяснил, что пункты 5 и 6 статьи 61.14 содержат особые нормы о сроках давности, сочетающие субъективный элемент (когда лицо узнало или должно было узнать) и объективные временные ограничения (пресекательные сроки) (три года с даты признания банкротом/завершения конкурсного производства и десять лет со дня совершения действий).

Применение критерия осведомленности часто вызывает споры. Суды исходят из того, что арбитражный управляющий, как профессиональный участник, должен «проявлять должную степень заботливости и осмотрительности и узнает об основаниях ответственности с момента получения доступа к документации должника и проведения ее анализа» (Определение СКЭС ВС РФ № 302-ЭС14-1472(4,5,7) [27]). Для кредиторов этот момент может наступать позже, например, после получения отчета управляющего или ознакомления с материалами дела. Применение 10-летнего

объективного срока (пункт 6 статьи 61.14 Закона о банкротстве) является крайней мерой, пресекающей возможность предъявления требований по прошествии длительного периода с момента совершения деликта, даже при позднем обнаружении его обстоятельств.

В юридической науке сформировался подход, согласно которому при расчете давности необходимо учитывать комплекс из нескольких сроков: во-первых, трехлетний субъективный срок давности, течение которого обычно начинается с момента, когда лицо, уполномоченное на подачу заявления (арбитражный управляющий, кредитор), фактически узнало или должно было узнать о существовании оснований для привлечения КДЛ к ответственности; во-вторых, трехлетний объективный пресекательный срок, отсчитываемый с даты признания должника банкротом (либо с момента прекращения производства по делу о банкротстве или возврата заявления уполномоченному органу); в-третьих, трехлетний объективный срок для заявлений, подаваемых вне рамок банкротства, исчисляемый с даты завершения конкурсного производства; в-четвертых, десятилетний предельный срок, отсчитываемый от даты совершения вменяемых КДЛ деяний, ставших основанием для его привлечения к субсидиарной ответственности [169, с. 160-161].

Нормы Закона о банкротстве также дают уполномоченному лицу (кредитору, уполномоченному органу) возможность обратиться в суд с заявлением о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности уже после завершения процедуры банкротства или в случае прекращения производства по делу о банкротстве – такой способ защиты (вне рамок дела о банкротстве) считается допустимым лишь в том случае, когда заявителю стало известно о наличии оснований для привлечения КДЛ только после завершения либо прекращения процедуры, применяемой в деле о банкротстве (пункты 3, 4 статьи 61.14 Закона о банкротстве; пункт 60 Постановления Пленума ВС РФ № 53). Фактически по такой категории дел подлежат доказыванию аналогичные обстоятельства и дела рассматриваются так же,

как и в рамках дела о банкротстве, но по правилам главы 28.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [4] (пункт 4 статьи 61.19 Закона о банкротстве).

Необходимо упомянуть о важности такого механизма защиты прав и законных интересов кредиторов как обеспечительные меры. Неправомерные действия руководителей организаций часто связаны с выводом ликвидных активов, что как следствие, затрудняет исполнение судебных актов по данной категории дел. Следовательно, при наличии у заявителя обоснованных предположений о том, что исполнение будущего решения суда может быть затруднено или станет невозможным, он управомочен ходатайствовать о применении обеспечительных мер. По общему правилу рассмотрение подобных заявлений осуществляется судом без вызова сторон.

Рассмотрим пример из практики банкротства кредитной организации. Конкурсный управляющий подал заявление о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности, одновременно ходатайствуя о применении обеспечительных мер. Суды трех инстанций отклонили ходатайство об обеспечении, мотивировав это тем, что заявитель не представил доказательств, подтверждающих вероятную невозможность исполнения будущего судебного акта о взыскании субсидиарной ответственности. Однако при этом суды не приняли во внимание специфику обеспечительных мер как инструмента предварительной защиты прав. Для их применения не требуется достижения того же уровня доказывания, что и для удовлетворения иска по существу. ВС РФ последовательно указывал, что основанием для принятия обеспечительных мер является наличие разумных оснований предполагать обоснованность требований заявителя и существование вероятности риска того, что в будущем исполнить судебный акт будет затруднительно (аналогичная позиция содержится в Определении ВС РФ от 27 декабря 2018 г. № 305-ЭС17-4004(2) [29]. При этом стандарт доказывания не должен быть чрезмерно высоким, учитывая вероятностный характер оснований для обеспечительных мер [86]. Вместе с тем, в рассматриваемом случае

заявителем были представлены доказательства, подтверждающие факт возможного сокрытия имущества должника (КДЛ), а также противодействия осуществлению деятельности управляющего со стороны временной администрации кредитной организации, выразившееся в передаче документации и иных материальных ценностей конкурсному управляющему.

Судебная коллегия, рассмотрев жалобу на вышеуказанные судебные акты отметила, учитывая вероятностную природу обеспечительных мер, ссылка судов на предположительный характер аргументов управляющего не может служить основанием для отказа в их принятии [26]. В частности, возможна замена ареста имущества на внесение денежных средств на депозит суда (статья 95 АПК РФ) (Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 06 июня 2023 г. по делу № А03-7321/2017 [111]) или частичная отмена мер при наличии оснований (статья 97 АПК РФ) (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 ноября 2023 г. по делу № А56-46556/2022 [87]). Этот подход подчеркивает важность своевременного принятия обеспечительных мер для предотвращения вывода активов КДЛ.

При рассмотрении заявлений об обеспечительных мерах суды должны соблюдать баланс между необходимостью защиты интересов кредиторов и недопустимостью необоснованного ограничения прав КДЛ. Важно, чтобы размер арестованного имущества был соразмерен предполагаемому размеру субсидиарной ответственности. Практика показывает, что суды чаще удовлетворяют ходатайства об аресте, если заявитель представил доказательства недобросовестного поведения КДЛ, направленного на вывод активов (например, совершение сделок с имуществом после подачи заявления о банкротстве должника или при очевидных признаках его несостоятельности). Однако встречается и ограничительная практика, когда суды отказывают в принятии мер при недоказанности заявителем угрозы неисполнения будущего решения и отсутствия у ответчиков имущества, подчеркивая недопустимость остановки хозяйственной деятельности

ответчиков без веских оснований (Определение Арбитражного суда Челябинской области от 07 июля 2022 г. по делу № А76-15924/2021 [129]).

Заслуживает внимания и следующая правовая ситуация. В ходе дела о банкротстве конкурсный управляющий инициировал принятие обеспечительных мер уже после вынесения судом первой инстанции определения об установлении оснований для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности (в порядке пункта 7 статьи 61.16 Закона о банкротстве). Ходатайство управляющего содержало просьбу об аресте имущества и денежных средств ответчиков. Суды трех инстанций отказали в удовлетворении этого ходатайства, сославшись на недоказанность заявителем невозможности исполнения итогового судебного акта. Однако Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ отменила эти решения и частично удовлетворила заявление управляющего. В своем определении Коллегия разъяснила, что судебный акт, устанавливающий наличие оснований для субсидиарной ответственности, уже сам по себе выносится в интересах кредиторов. Следовательно, обеспечение возможности исполнения этого акта (после окончательного определения размера ответственности) является неотъемлемой частью механизма судебной защиты [34]. Таким образом, сам факт установления судом оснований для ответственности может рассматриваться как достаточное основание для применения обеспечительных мер.

Как указывает адвокат А.И. Морозов: «Анализ судебной практики, появившейся с момента введения главы III.2 Закона о банкротстве, свидетельствует о положительной динамике в части принятия обеспечительных мер по обособленным спорам о привлечении контролирующего должника лица к ответственности, причем подавляющая часть соответствующих судебных актов была вынесена при назначении судебного процесса с участием заинтересованных лиц» [188, с. 40].

Эффективность судебной защиты прав кредиторов напрямую зависит от предоставления судом реальных гарантий возврата взысканных средств.

Одним из таких способов и являются обеспечительные меры, которые позволяют устранить препятствия исполнения судебных актов, в то же время ситуация, когда контролирующие должника лица имели возможность скрыть имущество, избежав обращения взыскания, а кредиторы лишены возможности удовлетворения своих требований, является недопустимой.

Вопрос о процессуальной допустимости объединения в одном обособленном споре нескольких требований к одному и тому же КДЛ, но заявленных по различным основаниям, представляет собой правовой пробел. Ни нормы Закона о банкротстве, ни разъяснения Постановления Пленума ВС РФ № 53 не содержат прямого ответа на него. При этом, если пункт 35 указанного Постановления прямо разрешает объединять споры в отношении разных ответчиков, то аналогичная ситуация с множественностью требований к одному ответчику остается законодательно не урегулированной.

Как отмечает старший преподаватель кафедры гражданского-правовых дисциплин и трудового права Сургутского государственного университета Е.Л. Налбалдян: «Объединение производств в указанных случаях не достигает цели процессуальной экономии и даже, скорее, наоборот – способно породить череду теоретических и практических проблем (к примеру, в части исполнения или обжалования судебного акта)» [190, с. 90]. Однако на практике суды часто объединяют такие требования для процессуальной экономии.

В соответствии с общим правилом арбитражного процесса, «каждое лицо, участвующее в деле о банкротстве, несет бремя доказывания тех обстоятельств, на которые оно ссылается в обоснование своих требований или возражений» (статья 65 АПК РФ). При рассмотрении заявления о привлечении к субсидиарной ответственности по статье 61.11 Закона о банкротстве зачастую на момент установления вины КДЛ невозможно определить точный размер ответственности. В таких случаях арбитражный суд, установив наличие оснований для привлечения лица к ответственности, выносит соответствующее определение о доказанности этих оснований и приостанавливает дальнейшее рассмотрение заявления до завершения

расчетов с кредиторами, как это предусмотрено пунктом 7 статьи 61.16 Закона о банкротстве.

Механизм, закрепленный в пункте 7 статьи 61.16, является двухстадийным: первоначально суд решает вопрос о наличии оснований для ответственности. Затем приостанавливает рассмотрение заявления до окончания расчетов с кредиторами. Судебная практика [60] демонстрирует, что нарушение этого порядка является грубой процессуальной ошибкой. Так, в одном из дел апелляционная инстанция преждевременно взыскала с бывшего директора фиксированную сумму (76 миллионов рублей), несмотря на то, что расчеты с кредиторами не были завершены. Кассационный суд отменил данное решение, указав на недопустимость определения размера ответственности до формирования итогового размера непогашенных требований и на необходимость применения механизма приостановления, предусмотренного законом.

Процедура приостановления рассмотрения заявления по статье 61.11 до окончания расчетов (пункт 7 статьи 61.16 Закона о банкротстве) призвана обеспечить определение точного размера ответственности, равного непогашенным требованиям, что нашло отражение в следующих актах: в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа по делу № А70-7489/2017 [62]; Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-273962/2018 [97]). Однако это может приводить к значительному затягиванию процесса, иногда на годы.

Справедливо отмечено в пункте 6 Письма ФНС России № СА-4-18/16148@, что рассмотрение обособленного спора о привлечении к субсидиарной ответственности за неисполнение обязанности по подаче (или своевременной подаче) заявления о банкротстве (ответственность по статье 61.12 Закона о банкротстве) не подлежит приостановлению по правилам статьи 61.16 Закона о банкротстве. Это обусловлено тем, что размер ответственности в данном случае (определяемый как сумма обязательств, возникших после просрочки подачи заявления) может быть рассчитан без

ожидания завершения реализации активов должника. Данная позиция ФНС России согласуется с пунктом 41 Постановления Пленума ВС РФ № 53.

Важно отметить, что законодатель не предусматривает возможность пересмотра вывода о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности на этапе принятия окончательного судебного акта, устанавливающего размер ответственности (пункт 43 Постановления Пленума ВС РФ № 53).

Как отмечает юрист Г.А. Журавлев «Излагаемый в резолютивной части определения о приостановлении производства по делу вывод суда о наличии оснований для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности является общеобязательным, повторная проверка этого вывода после возобновления производства по обособленному спору поэтому исключается» [175, с. 65].

В качестве примера рассмотрим дело, в котором конкурсный управляющий подал заявление о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности на сумму непогашенных требований кредиторов. Суды трех инстанций признали наличие оснований для ответственности и приостановил производство до завершения расчетов с кредиторами. По окончании расчетов конкурсный управляющий подал заявление о возобновлении производства. Суд первой инстанции удовлетворил это заявление, определил конкретный размер ответственности и взыскал соответствующую сумму с КДЛ. Ответчики (КДЛ) обжаловали данное определение, оспаривая включение в размер ответственности судебных расходов и пытаясь вернуться к вопросу об основаниях ответственности. Кассационный суд поддержал нижестоящие инстанции, отметив, что пункт 9 статьи 61.11 Закона о банкротстве действительно позволяет снизить размер ответственности или освободить от нее номинального руководителя, доказавшего отсутствие существенного влияния на деятельность должника. Однако, подчеркнул суд, такие доказательства должны были быть представлены на этапе рассмотрения

заявления по существу, то есть при установлении оснований ответственности, чего в данном деле сделано не было [84].

Согласно пункту 1 статьи 61.18 Закона о банкротстве [7], каждый кредитор, чье требование учтено при расчете размера субсидиарной ответственности, вправе инициировать исполнительное производство по взысканию своей части требования.

Ключевым аспектом и гарантией реальной защиты прав кредиторов является возможность принудительного исполнения судебных актов о привлечении к субсидиарной ответственности. Такое исполнение производится на основании исполнительного листа, выданного судом. Однако на практике фактическое взыскание по таким исполнительным документам часто осложнено из-за вероятного отсутствия у КДЛ достаточного ликвидного имущества для погашения долга [147, с. 200]. Эти сложности многократно усугубляются в случаях, когда дело осложнено иностранным элементом, например, когда активы контролирующего лица находятся за рубежом. Приведение в исполнение решений российских судов о взыскании субсидиарной ответственности в иностранных юрисдикциях сталкивается с серьезными препятствиями [218, с. 187-188]. В отсутствие специальных международных договоров, исполнение зависит от труднодоказуемого принципа взаимности, что делает реальное взыскание крайне затруднительным. Данный аспект подчеркивает важность своевременного применения обеспечительных мер.

Именно низкая эффективность фактического исполнения решений о взыскании субсидиарной ответственности является одной из главных проблем. Это связано как с объективными причинами (реальное отсутствие у КДЛ активов), так и с недобросовестными действиями по их сокрытию до или во время процесса. Поэтому вопросы обеспечительных мер, оспаривания сделок КДЛ по выводу активов и привлечения к ответственности сопричинителей вреда приобретают особое значение.

Для обеспечения надлежащего распределения денежных средств, поступающих в рамках исполнительного производства по требованию о субсидиарной ответственности, предъявленному в деле о банкротстве, данные средства перечисляются на специально открываемый арбитражным управляющим банковский счет должника (пункт 4 статьи 61.18 Закона о банкротстве).

Как отмечает юрист О.М. Радчина: «списание денежных средств с такого счета происходит согласно распоряжению арбитражного управляющего ради удовлетворения требований кредиторов, в интересах которых удовлетворено заявление о привлечении лица к субсидиарной ответственности, очередность устанавливается статьей 134 Закона о банкротстве» [199, с. 68].

Согласно абзацу второму пункта 50 Постановления Пленума ВС РФ № 53 при возникновении «разногласий между арбитражным управляющим и кредиторами, имеющими право на получение денежных средств с названного счета, любой из них вправе обратиться в суд, рассматривающий дело о банкротстве, с заявлением о разрешении возникших разногласий, по результатам рассмотрения которого выносится определение» [22].

Законодатель в статье 61.17 Закона о банкротстве предусмотрел вариативный механизм реализации требования по субсидиарной ответственности, отдав решение о способе распоряжения им на усмотрение кредиторов. Помимо стандартного взыскания арбитражным управляющим, возможна продажа требования с торгов (применяемая как процедура по умолчанию) или его уступка конкретному кредитору с зачетом встречного обязательства должника. Судебная практика в лице ВС РФ уточнила границы применения данной нормы: положения статьи 61.17 не распространяются на требования о возмещении убытков, причиненных непосредственно должнику (корпоративных убытков), однако их применение по аналогии признано допустимым в отношении требований о возмещении убытков, которые взыскиваются в пользу самих кредиторов (кредиторских убытков) ([50]).

Выбор способа распоряжения правом требования – важное право кредиторов. Продажа требования с торгов может позволить быстро получить хоть какие-то средства, но обычно с большим дисконтом. Уступка требования кредитору может быть выгодна крупным кредиторам, имеющим ресурсы для самостоятельного взыскания, но несет риски для миноритариев, если мажоритарий получит уступку и не будет активно взыскивать долг. Оставление требования у арбитражного управляющего для взыскания может быть оптимальным при наличии у КДЛ активов и активной позиции управляющего. Решение о выборе способа принимается кредиторами, что подчеркивает их роль в управлении процессом взыскания субсидиарной ответственности.

Проанализируем случай, когда лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, само является должником в рамках иного дела о банкротстве. Данная ситуация создает риск того, что требования кредиторов первоначального должника (по обязательствам которого КДЛ привлекается к ответственности) не будут погашены в полном объеме даже после взыскания с КДЛ. В соответствии с законодательством, арбитражный управляющий первого должника (от имени которого и подается заявление о субсидиарной ответственности) обязан предъявить требование о включении взысканной суммы в реестр требований кредиторов КДЛ в рамках дела о банкротстве последнего. В связи с этим возникает практический вопрос: с какого момента исчисляется двухмесячный срок, установленный для заявления таких требований в реестр требований кредиторов в деле о банкротстве КДЛ?

На практике сформировался ряд разрозненных подходов относительно того, с какого момента начинает течь двухмесячный срок на подачу требования о включении в реестр требований кредиторов КДЛ. Полагаем необходимым раскрыть данные подходы, а также проанализировать коррелирующую им судебную практику.

Подход 1: начало течения двухмесячного срока связывается с момента процессуального правопреемства кредиторов первого должника в рамках

определения порядка распоряжения правами требования к КДЛ (то есть после выбора кредиторами способа распоряжения требованием по статье 61.17). Так, в рамках одного из дел, отклоняя доводы финансового управляющего и кредитора ПАО Сбербанк о пропуске двухмесячного срока на подачу требования, суды указали, что понижение очередности удовлетворения требований кредиторов, предусмотренное пунктом 4 статьи 142 Закона о банкротстве, применяется только в случае, когда возможность предъявления требований в двухмесячный срок, указанный в пункте 1 статьи 142 Закона о банкротстве, объективно существовала, но не была своевременно реализована кредитором, и указали, что до осуществления правопреемства кредиторы не могли заявиться с соответствующими требованиями [70]. (Этот подход представляется необоснованным, так как право требования возникает у должника, а не у кредиторов, и арбитражный управляющий должен заявить требование).

Подход 2: согласно данному подходу, срок для включения в реестр КДЛ начинает течь не с момента вынесения решения, а с даты подачи первоначального заявления о привлечении к ответственности. Такая позиция основана на интерпретации пункта 6 статьи 61.16 Закона о банкротстве [69], что также отражено в Постановлении Четвертого арбитражного апелляционного суда от 10 октября 2024 г. по делу № А19-20405/2021 [118]; в Постановлении Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 января 2025 г. по делу № А35-7290/2018 [95]). Данный подход представляется дискуссионным, поскольку на момент подачи заявления требование еще не подтверждено судом.

Подход 3: срок для предъявления требования в реестр кредиторов КДЛ исчисляется с момента вступления в законную силу судебного акта, которым КДЛ привлечен к субсидиарной ответственности (это может быть определение об установлении оснований ответственности либо определение об установлении ее размера) [68]. Этот подход выглядит более логичным, так

как именно судебный акт формально подтверждает существование долга КДЛ перед кредиторами первого должника.

Подход 4: исчисление срока начинает течь с момента опубликования сведений о признании КДЛ банкротом и введении процедуры реализации его имущества. Так, суды указали на необходимость подачи требования с момента публикации, требование признано обоснованным и подлежащим удовлетворению за счет имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, поскольку требование заявлено после закрытия реестра, ходатайство о восстановлении пропущенного срока не заявлялось [82]. Этот подход не учитывает специфику возникновения требования из субсидиарной ответственности.

Подход 5: двухмесячный срок для предъявления требования кредитора следует исчислять с даты, когда заявителю стало известно (или должно было стать известно) о возбуждении дела о несостоятельности в отношении КДЛ, но не ранее вступления в законную силу акта суда, установившего основания для привлечения к ответственности. [47]. Данный подход представляется наиболее обоснованным, так как учитывает момент возникновения требования и момент возникновения возможности его предъявить в банкротстве КДЛ (Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 13 февраля 2025 г. по делу № А03-1682/2017 [112]; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 20 февраля 2025 г. по делу № А45-20519/2015 [113]; Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 января 2025 г. по делу № А72-562/2023 [105]). «Подобного рода исключение (восстановление срока) применяется, как правило, в случаях, когда возможность предъявления требований в двухмесячный срок объективно отсутствовала, в связи с чем и не была реализована кредитором: такой кредитор не должен нести негативные последствия (в виде понижения очередности) за несовершение тех действий, совершить которые он был не в состоянии» [64].

Таким образом, ВС РФ выработан ряд правовых позиций, согласно которым в исключительных случаях после закрытия реестра требований кредиторов КДЛ лицо (первый должник в лице арбитражного управляющего) может претендовать на включение задолженности в такой реестр даже несмотря на предъявление требования с опозданием (абзац третий пункта 1 статьи 142 Закона о банкротстве (применяется по аналогии), пункт 38 Постановления Пленума ВС РФ № 53). Указанное исключение на практике до недавнего времени применялось достаточно редко. Судебная практика допускала восстановление пропущенного срока, если заявитель доказывал объективную невозможность обратиться в суд своевременно (к примеру, из-за того, что само требование еще не было подтверждено судом). Расхождения в подходах судов и отсутствие четкой нормы указывают на необходимость законодательных уточнений.

На практике, как указано ранее, суды не всегда объективно оценивают возможность арбитражного управляющего первого должника вовремя заявить свои требования в деле о банкротстве лица, которого привлекают к субсидиарной ответственности.

Например, в одном из рассмотренных дел кредитору было отказано в восстановлении пропущенного срока для включения требования в реестр КДЛ. Суды мотивировали отказ тем, что бездействие конкурсного управляющего по своевременной подаче требования само по себе не является достаточным основанием для восстановления срока. Было отмечено, что заявитель (кредитор) не доказал наличие объективных препятствий, помешавших конкурсному управляющему своевременно обратиться в суд, и не подтвердил отсутствие у управляющего возможности подать требование в установленный срок. При этом аргумент о том, что добросовестный кредитор (в данном случае банк) не должен страдать от негативных последствий ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим своих обязанностей, судами учтен не был [115].

Данная проблема (непринятие арбитражным управляющим первого должника мер по включению в реестр требований кредиторов КДЛ) является наиболее актуальной. Даже при условии, что из всех указанных подходов, выработанных судебной практикой наиболее обоснованным является пятый подход, поскольку восстановление срока на подачу заявления с учетом банкротных особенностей, является наиболее справедливым по отношению ко всем участникам процедуры. Вместе с тем в настоящее время законодательством не предусмотрен правовой механизм, обеспечивающий конкурсным кредиторам первого должника возможность влияния на управляющего для принятия мер по включению в реестр требований кредиторов КДЛ. Кроме того, сложность установления требований к КДЛ, в том числе оспаривание его сделок по выводу активов, например, в Постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 01 марта 2024 г. по делу № А75-17436/2020 [93]; Постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 29 января 2024 г. по делу № А75-17436/2020 [92]; Определении ВС РФ от 30 мая 2024 г. № 306-ЭС19-13175(8) [51], подчеркивает важность своевременного и активного участия кредиторов основного должника (или его управляющего) в деле о банкротстве КДЛ.

По этой причине, представляется обоснованным в целях устранения препятствий реализации права на предъявление в деле о банкротстве КДЛ требования о возмещении им вреда в порядке субсидиарной ответственности внести в Закон о банкротстве правки, обеспечивающие возможность, во-первых, мажоритарным кредиторам (первого должника) самостоятельно обратиться с подобным требованием в дело о банкротстве КДЛ (после удовлетворения судом ходатайства о разрешении на самостоятельную подачу требования в реестр КДЛ в случае доказанного бездействия арбитражного управляющего); во-вторых, наделить собрание (комитет) кредиторов (первого должника) правом обязать арбитражного управляющего

(первого должника) обратиться с заявлением о включении в реестр требований кредиторов КДЛ.

Предлагая наделить собрание кредиторов правом обязать арбитражного управляющего обратиться с заявлением, необходимо предусмотреть механизм защиты от необоснованного давления. Решение собрания кредиторов должно быть мотивированным, а его неисполнение управляющим может быть признано незаконным только в судебном порядке после оценки судом доводов управляющего об отсутствии оснований для подачи заявления.

Право же мажоритарных кредиторов на самостоятельное обращение с требованием в деле о банкротстве КДЛ должно возникать только после того, как суд установит факт необоснованного бездействия арбитражного управляющего. При этом такое требование заявляется от имени и в интересах всех кредиторов основного должника, а взысканные средства поступают в общую конкурсную массу для пропорционального распределения, что исключает злоупотребления и нарушение прав миноритарных кредиторов.

Полагаем, что может возникнуть вопрос о надобности закрепления в законе изменений, касающихся правомочий собрания (комитета) кредиторов, так как согласно п. 1 Обзора судебной практики ВС РФ № 4 (2018) от 26 декабря 2018 г. [23] собрание кредиторов должника вправе принять решение по вопросу, прямо не отнесенному Законом о банкротстве к его компетенции. Вместе с тем судебная практика по данному вопросу выработала неоднозначную позицию. В частности, встречаются следующего порядка мнения судей:

1) «Решения собрания кредиторов должны соответствовать требованиям законодательства, в частности они не должны быть направлены на обход положений Закона о банкротстве, вторгаться в сферу компетенции иных лиц, в том числе ограничивать права арбитражного управляющего или препятствовать осуществлению процедур банкротства» [96];

2) «Закон о банкротстве не предусматривает наделение собрания кредиторов компетенцией в случае ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим своих обязанностей, давать последнему указания как, в какие сроки, каким образом и какую именно обязанность ему надлежит исполнить» [110];

3) «При наличии оснований для признания действий арбитражного управляющего не соответствующими положениям Закона о банкротстве, лица, участвующие в деле о банкротстве, вправе в порядке статьи 20.4; 60 Закона о банкротстве обратиться в арбитражный суд с соответствующим заявлением» [99].

Таким образом, позиция судов зачастую сводится к тому, что собрание (комитет) кредиторов, в отличие от арбитражного управляющего, не имеет законного права своими решениями подменять полномочия управляющего, так как это нарушает принцип независимости и организационной самостоятельности управляющего. Однако решение собрания кредиторов об обязанности арбитражного управляющего подать заявление о привлечении к субсидиарной ответственности или о включении требования в реестр КДЛ является легитимным способом выражения воли кредиторов.

Подобные изменения в законодательстве как увеличение объема прав конкурсных кредиторов в процессе рассмотрения дела о банкротстве в указанном ранее проблематике, направлены на улучшение положения конкурсных кредиторов, способствующие эффективному погашению требований и защите прав кредиторов.

С учетом изложенного полагаем возможным внести в Закон о банкротстве ряд следующих изменений:

1) Дополнить пункт 2 статьи 15 Закона о банкротстве абзацем, относящим к компетенции собрания кредиторов принятие решения «об обязанности арбитражного управляющего принять меры по включению в реестр требований кредиторов контролирующего должника лицу (в деле о банкротстве последнего) (при наличии оснований для привлечения

должностного лица к субсидиарной ответственности по долгам подконтрольного ему общества)»).

2) Дополнить статью 61.16 Закона о банкротстве новым пунктом (например, 6.1) следующего содержания: «В случае, если арбитражный управляющий в течение разумного срока (но не более двух месяцев) после получения решения собрания (комитета) кредиторов об обязанности обратиться с заявлением о включении требования о привлечении к субсидиарной ответственности в реестр требований кредиторов контролирующего должника лица (в деле о банкротстве последнего) не обратился с таким заявлением, любой конкурсный кредитор или группа конкурсных кредиторов, обладающие в совокупности более чем десятью процентами голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов должника, вправе обратиться в суд с ходатайством о разрешении на самостоятельную подачу требования в реестр требований контролирующих должника лиц в случае доказанного бездействия арбитражного управляющего от имени и в интересах должника»).

3) Дополнить пункт 6 статьи 61.16 Закона о банкротстве абзацем 5 (в текущей нумерации) следующего содержания: «При установлении в деле о банкротстве контролирующего должника лица требования о возмещении им вреда в порядке субсидиарной ответственности срок для предъявления такого требования кредитора (первого должника в лице арбитражного управляющего или кредитора в случае, предусмотренном пунктом 6.1 настоящей статьи) следует исчислять с момента, когда указанное лицо узнало или должно было узнать о введении процедуры банкротства в отношении контролирующего должника лица при условии вступления в законную силу судебного акта, подтверждающего основания для привлечения к субсидиарной ответственности»).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что для эффективности субсидиарной ответственности необходимо четкое понимание порядка привлечения КДЛ к данному виду ответственности.

Участники дел о несостоятельности располагают значительным арсеналом правовых средств для воздействия на КДЛ, предусмотренных как Законом о банкротстве, так и Постановлением Пленума ВС РФ № 53. В частности, для обеспечения будущих взысканий им предоставлено право ходатайствовать о принятии судом обеспечительных мер. Увеличение количества судебных актов о принятии обеспечительных мер в отношении имущества КДЛ на начальных этапах рассмотрения заявлений безусловно является положительной практикой.

Кроме прочего, представляется обоснованным в целях устранения препятствий реализации права на предъявление в деле о банкротстве КДЛ требования о возмещении им вреда в порядке субсидиарной ответственности внести в Закон о банкротстве правки, обеспечивающие возможность, предусмотреть механизм, позволяющий кредиторам при доказанном бездействии управляющего самостоятельно обращаться с требованием в реестр КДЛ; а также закрепить за собранием кредиторов право давать управляющему обязательные для исполнения указания о подаче соответствующего заявления; а также уточнить момент начала течения срока для предъявления такого требования в реестр КДЛ, закрепив в законе подход, основанный на моменте осведомленности о банкротстве КДЛ при наличии вступившего в силу судебного акта об установлении оснований субсидиарной ответственности.

Глава 3

Правовой статус контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве), а также лиц, аффилированных с ними и иных сопричинителей вреда

3.1 Расширение правомочий лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности при несостоятельности (банкротстве)

В течение долгого времени в правоприменительной практике лица, привлекаемые к субсидиарной ответственности за действия в период контроля над должником, обладали усеченным объемом процессуальных прав в рамках банкротных процедур. Подобная неоднозначность судебных подходов во многом была вызвана отсутствием четкого законодательного закрепления перечня правомочий данной категории лиц [217, с. 63]. Их правовая активность была фактически ограничена рамками обособленного спора об их собственном привлечении к ответственности. Полагаем, что такое ограничение было введено и поддерживалось законодателем с целью предотвращения возможных злоупотреблений со стороны КДЛ, которые могли бы использовать процессуальные инструменты для намеренного затягивания или создания препятствий в ходе процедур банкротства.

Вместе с тем, представляется, что КДЛ заинтересовано в установлении исключительно реальных и обоснованных требований кредиторов, а также в максимально возможном удовлетворении требований кредиторов за счет конкурсной массы, поскольку размер неудовлетворенных требований кредиторов будет равен размеру ответственности таких лиц, в случае привлечения их к субсидиарной ответственности. Поэтому ограничение их процессуальных прав может нарушать баланс интересов.

Этот конфликт интересов – между стремлением не допустить злоупотреблений со стороны КДЛ и необходимостью обеспечить им

возможность защищаться от необоснованного увеличения размера ответственности – лежит в основе дискуссий о процессуальном статусе КДЛ. Чрезмерное ограничение прав КДЛ может привести к тому, что размер ответственности будет определяться не столько виной КДЛ, сколько пассивностью или недобросовестностью арбитражного управляющего или сговором кредиторов, с другой стороны, неограниченное участие КДЛ во всех процедурах может парализовать процесс банкротства.

В данном параграфе будут рассмотрены эволюция подходов к вопросу определения перечня процессуальных правомочий контролирующих должника лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, отражены основные изменения, произошедшие в недавнем времени и затронувшие обширный спектр процессуальных прав контролирующих должника лиц, а также проанализирована судебная практика на предмет реализации того или иного правомочия и предложены пути решения проблем в данной сфере.

Правовое положение КДЛ при рассмотрении споров о привлечении их к субсидиарной ответственности определено нормами Закона о банкротстве. Вопрос об объеме прав лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, нередко возникал в судебной практике и являлся дискуссионным: одни суды указывали на возможность таких лиц подавать заявления об оспаривании сделок должника, обращаться в суд с жалобами на действия (бездействия) арбитражного управляющего, участвовать в рассмотрении основного дела о банкротстве, другие же суды указывали на особое положение таких лиц в деле о банкротстве, а также об ограниченном характере их процессуальных прав.

Анализируя статью 399 ГК РФ, кандидат юридических наук Е.П. Прус указывала на наличие явных проблем и неурегулированность прав субсидиарного должника, отмечала «неравное положение дополнительного должника и возможность нарушения его интересов, в следствии чего, предлагала наделить должников правом возражения против требований кредиторов» [133, с. 30]. Хотя это касается общей нормы статьи 399 ГК РФ, проблема баланса прав актуальна и для КДЛ в банкротстве.

Несомненно, достижение баланса интересов всех субъектов, вовлеченных в дело о несостоятельности, требует, среди прочего, предоставления сторонам возможности обжаловать судебные акты, затрагивающие их права и законные интересы. В этом контексте лишение лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, такого права представляется недостаточно справедливым. Ведь это не позволяет им оспаривать обоснованность требований кредиторов или действительность сделок должника, которые непосредственно формируют конкурсную массу и, как следствие, определяют итоговый размер их собственной ответственности.

После 1 июля 2017 г. Закон о банкротстве в части регулирования субсидиарной ответственности претерпел фундаментальные изменения: обратимся к пункту 1 статьи 61.15 Закона о банкротстве, в которой указано, что «лицо, в отношении которого подано заявление о привлечении его к субсидиарной ответственности, наделено правами и обязанностями участвующего в деле о банкротстве лица в пределах рассмотрения обособленного спора по заявлению о привлечении его к субсидиарной ответственности» [7].

Прежде правоприменительная практика, основанная на толковании статьи 61.15 Закона о банкротстве, единообразно отказывала в рассмотрении апелляционных жалоб КДЛ на судебные акты, вынесенные вне спора об их ответственности. Так, в одном из ранее проанализированных дел, суд указал, что лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, максимально ограничено в своих правах и может участвовать только в рамках обособленного спора по привлечению такого лица к субсидиарной ответственности, прекратив производство по жалобе на определение о включении требований кредитора в реестр [78; 217, с. 63].

Мотивировка сводилась к тому, что такие акты не относятся к спору о привлечении самого КДЛ к ответственности, следовательно, КДЛ не обладает правом на их обжалование.

Показательным примером является дело о банкротстве ЗАО «Дальневосточная строительная компания». После того как суд установил требование одного из кредиторов, бывший руководитель, уже будучи ответчиком по спору о субсидиарной ответственности, подал апелляционную жалобу на это определение, заявив также ходатайство о восстановлении срока. Апелляционный суд, чью позицию поддержала и кассация, прекратил производство по жалобе. Суды исходили из того, что «процессуальное положение ответчика в споре о субсидиарной ответственности не придает ему статус полноценного участника дела о банкротстве. В силу пункта 1 статьи 61.15 Закона о банкротстве, его права и обязанности как лица, участвующего в деле, реализуются исключительно в рамках обособленного спора о его привлечении к ответственности» [59].

При этом именно КДЛ несет на себе бремя негативных последствий, вызванных недостаточностью активов должника. Даже если активов должника в итоге окажется достаточно для расчетов, имущественные права КДЛ все равно могут быть ограничены (например, арестом активов, сохраняющимся риском взыскания). В связи с этим, для надлежащей защиты прав данной категории лиц требуется четкое нормативное регулирование их процессуального статуса, которое обеспечит справедливый баланс интересов сторон в различных обособленных спорах в рамках дела о банкротстве. Невозможность оспаривать судебные акты по таким ключевым спорам, как установление требований кредиторов или оспаривание сделок, ставила КДЛ в значительно худшее положение по сравнению с другими участниками дела о банкротстве. Например, кредиторы, в соответствии с разъяснениями Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 (ред. от 21 декабря 2017 г.) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее – Постановление Пленума ВАС РФ № 35) [21], уже длительное время располагают широким арсеналом процессуальных

инструментов для защиты своих интересов, направленных на максимальное пополнение конкурсной массы и удовлетворение их требований.

Положение КДЛ осложнялось и тем, что, в отличие от кредиторов и управляющего, он не имел полного доступа к информации о делах компании и деталях банкротной процедуры, что еще больше сужало их возможности по эффективной защите.

В то же время ВС РФ неоднократно обращал внимание на то, что размер субсидиарной ответственности КДЛ напрямую зависит от двух ключевых параметров: 1) совокупного объема требований кредиторов и 2) итогового размера сформированной конкурсной массы. Разница между этими величинами фактически и определяет сумму ответственности КДЛ. Из этого логически следует, что КДЛ должны иметь возможность влиять на оба показателя, а значит, им должно быть предоставлено право обжаловать судебные акты, касающиеся установления требований кредиторов и оспаривания сделок должника [207, с. 63].

Полагаем, что такой подход ВС РФ является обоснованным, поскольку он в свою очередь позволяет соблюсти баланс интересов, как конкурсных кредиторов, так и КДЛ. Отсутствие у них права воздействовать на формирование этих двух величин существенно ухудшало их правовой статус.

Фундаментальный пересмотр подходов к определению объема полномочий КДЛ начался в 2021 году, когда КС РФ, рассмотрел жалобу Акимова Н.Е. о проверке конституционности статьи 42 АПК РФ и статьи 34 Закона о банкротстве [16].

Нельзя не согласиться с мнением старшего партнера юридической компании «Лексфорт» И.А. Журикова, который считает, что «примерно с 2020 года суды начали соглашаться с тем, что лицо, в отношении которого рассматривается заявление о субсидиарной ответственности, должно иметь возможность защищать свои права. Практика выработала следующий подход: достаточно наличия определения о принятии заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, чтобы у привлекаемых по нему лиц появилась

возможность участвовать в других процессах, влияющих на него. Суды стали признавать право КДЛ принимать участие в спорах об установлении требований кредиторов и иных спорах в деле о банкротстве» [176, с. 76].

Однако, подобное утверждение является не совсем корректным, по той причине, что для указанного периода все еще было характерно наличие различных позиций арбитражных судов по данному вопросу, тем самым единый подход отсутствовал, и именно Постановление КС РФ от 16 ноября 2021 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности статьи 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 34 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина Н.Е. Акимова» (далее – Постановление КС РФ № 49-П) [16] стало решающим фактором.

В Постановлении КС РФ № 49-П [16], Суд констатировал неконституционность лишения КДЛ права обжаловать определения об установлении требований кредиторов, вынесенные в его отсутствие. Это решение основывалось на фундаментальных принципах права на судебную защиту (статья 46 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) и равенства всех перед законом и судом (статья 19 Конституции РФ) [1]. Суды апелляционной инстанции стали активно применять данный подход, принимая к рассмотрению жалобы КДЛ на судебные акты о взыскании задолженности с основной компании, даже если КДЛ не участвовало в первоначальном рассмотрении (Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 16 сентября 2024 г. № 01АП-5282/2024 по делу № А43-23075/2020 [107], Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 01 октября 2024 г. по делу № А43-51642/2019 [106], Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 05 декабря 2023 г. № 13АП-32846/2023, 13АП-32848/2023 по делу № А56-13237/2023 [117]).

В доказательство изложенной ранее позиции, представляется необходимым более детально обратиться к спору, который был рассмотрен КС РФ:

По результатам выездной налоговой проверки было выявлено, что должник заключил несколько сделок, реальность совершения которых не нашла подтверждения. Основываясь на акте проверки, уполномоченный орган заявил в деле о банкротстве требования о включении доначисленных сумм в реестр, и суд первой инстанции удовлетворил это заявление.

Впоследствии КДЛ, к которым уже были предъявлены требования о субсидиарной ответственности, попыталось оспорить решение в апелляции, ходатайствуя о восстановлении срока. Апелляционный суд, однако, прекратил производство по жалобе и отказал в восстановлении срока, констатировав его значительный пропуск и отсутствие уважительных причин для этого. Поскольку и кассационная инстанция не изменила данное решение, одно из лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, обратилось в КС РФ с жалобой, оспаривая конституционность примененных норм Закона о банкротстве и АПК РФ в части ограничения права на обжалование.

В своем постановлении КС РФ сослался на статью 42 АПК РФ, подчеркнув, что право на обжалование принадлежит любому лицу, чьи права были нарушены. Таким образом, отсутствие формального статуса участника дела не лишает такое лицо права на судебную защиту.

Следовательно, КС РФ посчитал необходимым признать статью 42 АПК РФ и статью 34 Закона о банкротстве в их взаимосвязи не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 17; 19 (часть 1); 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им судебной практикой, они не допускают возможности обжалования лицом, привлеченным к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, судебного акта, принятого без его участия, о признании обоснованными требований кредиторов должника и о включении их в реестр требований

кредиторов за период, когда это лицо являлось контролирующим по отношению к должнику.

Тем самым, указанный судебный акт стал отправной точкой для защиты прав и законных интересов лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности.

После того, как вышестоящие суды указали на наличие прав у контролирующих должника лиц и на возможность их реализации в делах о банкротстве, правоприменительная судебная практика стала меняться в лучшую для данной категории лиц сторону. Контролирующие лица стали активнее пользоваться правом обжалования, в том числе и актов, непосредственно определяющих размер их ответственности [91]. Вместе с тем, с учетом предоставления таким лицам определенных прав возникли определенные сложности в правоприменительной практике: во-первых, стал возникать вопрос возможности восстановления сроков на обжалование судебных актов; во-вторых, необходимо было определить конкретные категории споров, в которых такие лица вправе участвовать и предоставлять позицию. Определение возможности восстановления пропущенного срока на обжалование, суды стали связывать с учетом даты принятия Постановления № 49-П, важно отметить, что срок не подлежал восстановлению, если контролирующее должника лицо знало о наличии спора, но со своей стороны не предприняло меры по обжалованию судебного акта по существу.

Рассмотрим пример из судебной практики: в одном из дел о банкротстве была оспорена сделка с контрагентом, после чего лицо, привлеченное к субсидиарной ответственности, обратилось с апелляционной жалобой на вышеуказанный судебный акт, которая была удовлетворена судом. Суд округа отменил судебный акт апелляционной инстанции, прекратив производство по жалобе, с указанием на то, что контролирующее должника лицо являлось генеральным директором ответчика по сделке, а значит, не могло не знать о наличии спора об оспаривании сделки и вынесенном судебном акте по существу, таким образом, был сделан обоснованный вывод о том, что лицо,

осведомленное о наличии спора, не лишено возможности участия в нем, и в последующем могло оспорить судебный акт [82].

Впоследствии СКЭС ВС РФ в своем Определении [43] уточнила, что как начало возникновения процессуальных прав, так и начало исчисления процессуальных сроков для обжалования наступают у КДЛ – с даты принятия к производству заявления о привлечении их к ответственности либо со дня официального опубликования ранее упомянутого Постановления КС РФ № 49-П.

Действительно, лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, имеет неподдельный интерес в установлении только реальных и действительных (обоснованных) требований кредиторов. Соответственно, контролирующее должника лицо вправе принимать участие в судебных заседаниях по рассмотрению требований иных кредиторов, а также предоставлять возражения, пояснения по существу заявленных требований. Ведь на практике встречаются случаи, когда «кредиторы, злоупотребляя своими правами, предъявляют необоснованные требования, действительность которых можно поставить под сомнение, в таких случаях, интерес в установлении только реальных требований кредиторов будет именно у контролирующих должника лиц» [168, с. 65-66].

Впоследствии эти подходы были имплементированы в Закон о банкротстве. Обновленная редакция пункта 4 статьи 34 наделила правом участвовать в обособленных спорах не только действующих ответчиков по искам о субсидиарной ответственности, но и лиц с потенциальным риском такого привлечения. «В результате были легализованы два механизма вступления КДЛ в процесс: 1) по собственной инициативе (проактивный); 2) автоматически после принятия судом заявления (реактивный)» [162, с. 50-51].

Первый механизм позволяет КДЛ действовать проактивно, участвуя в спорах на ранних стадиях (например, при формировании реестра требований кредиторов или оспаривании сделок), что может позволить снизить

потенциальный размер ответственности или даже предотвратить ее возникновение. Однако, как отмечают А.С. Антонов и Н.С. Чернышенко, этот механизм не лишен проблем. Во-первых, существует риск, что при рассмотрении ходатайства КДЛ о вступлении в дело суд будет вынужден предрешать вопрос о наличии у заявителя статуса КДЛ и даже определять момент объективного банкротства, что может иметь преюдициальное значение для будущего спора о субсидиарной ответственности [162, с. 52]. Представляется, что для минимизации данного риска суду при рассмотрении такого ходатайства следует ограничиваться оценкой потенциальной возможности привлечения заявителя к ответственности и влияния рассматриваемого обособленного спора на его права и законные интересы (в частности, на возможный размер ответственности), не предрешая окончательно вопрос о наличии статуса КДЛ или вины для целей последующего спора о субсидиарной ответственности. Основная задача на этом этапе – обеспечить лицу право на судебную защиту в споре, способном затронуть его интересы, а не установить его статус как КДЛ с преюдициальной силой. Во-вторых, недобросовестные бенефициары могут использовать номинальных лиц для вступления в дело с целью затягивания процедур или противодействия независимым кредиторам [162, с. 53].

По мнению юриста В.И. Григорьева, «дискуссионным является вопрос о наделении контролирующих должника лиц правами лиц, участвующих в деле, еще до заявления против них требований об ответственности, так как с одной стороны, благодаря такому правилу КДЛ может действовать «на упреждение», оспаривая действия, которые могут повлиять на размер его потенциальной ответственности еще до предъявления к нему требования. С другой стороны, насколько оправдано предоставлять такое право КДЛ с учетом того, что представители учредителей (участников) должника в ходе конкурсного производства обладают правами лиц, участвующих в деле?» [225]. Однако интересы КДЛ и учредителей могут не совпадать, кроме того, именно КДЛ несет риск субсидиарной ответственности.

Вместе с тем, до указанных нововведений, в юридических кругах высказывалось мнение, что признание статуса «лицо, участвующее в деле» только после поданного заявления о привлечении к субсидиарной ответственности может привести к тому, что контролирурующие должника лица «попытаются... дважды обжаловать судебный акт о включении требований кредитора в реестр: сначала решение обжалует должник или его участник в ходе процедуры наблюдения, затем повторно – КДЛ после принятия к производству заявления о привлечении его к субсидиарной ответственности» [179, с. 17]. Нововведение позволяет КДЛ защищать свои интересы на более раннем этапе.

Актуальным и требующим дальнейшего обсуждения остается вопрос о границах участия КДЛ в различных категориях обособленных споров в деле о банкротстве. Контролирующее лицо вправе ходатайствовать о своем привлечении к участию в конкретном споре, аргументируя, каким образом итоговый судебный акт по данному спору способен затронуть его права и законные интересы (прежде всего, повлиять на размер его потенциальной субсидиарной ответственности). Отказ суда в удовлетворении такого ходатайства может быть обжалован в установленном порядке. Если КДЛ привлечено к участию в обособленном споре, оно получает право излагать свою позицию, представлять возражения и обжаловать вынесенные судебные акты, если считает их незаконными или необоснованными. Предоставление КДЛ такого объема процессуальных прав обусловлено тем, что результаты рассмотрения многих обособленных споров напрямую влияют на итоговый размер его ответственности. К примеру, включение в реестр фиктивного требования, которое КДЛ могло бы опровергнуть, прямо посягает на его имущественные права.

При этом следует подчеркнуть, что само по себе инициирование лицом своего участия в деле при рассмотрении того или иного спора, не является основанием для привлечения такого лица к субсидиарной ответственности и не может свидетельствовать о наличии вины в банкротстве. Хотя сам факт

такого активного участия может учитываться судом при оценке наличия у лица фактического контроля или осведомленности о делах должника. Вместе с тем в данном случае имеются определенные риски неверного толкования: само по себе привлечение лица к участию в обособленном споре фактически может указывать на наличие интереса и факт наличия корпоративного контроля, поскольку в противном случае лицо бы не было заинтересовано в участие в споре, суды не должны квалифицировать факт привлечения КДЛ в качестве третьих лиц как автоматическое основание для привлечения их субсидиарной ответственности.

По мнению адвоката О.В. Гутникова, «лицо должно раскрыть перед судом сведения, свидетельствующие об осуществлении заявителем контроля над должником в определенной форме, с учетом достаточно широких критериев для признания лица контролирующим зачастую такое признание может расцениваться если не в качестве доказательства вины, то, как доказательство того, что ответчик контролировал деятельность банкрота, вина в таком случае все равно будет предполагаться (пункт 2 статьи 401 ГК РФ)» [141, с. 340].

Представляется, что опасения О.В. Гутникова о презумпции вины здесь требуют уточнения в контексте установления статуса КДЛ. Факт подачи ходатайства и даже признание судом наличия у заявителя интереса, достаточного для участия в споре, не должен автоматически означать признание этого лица КДЛ для целей субсидиарной ответственности и, тем более, не должен презюмировать его вину в банкротстве. Установление статуса КДЛ и его вины – это предмет доказывания в рамках отдельного обособленного спора о привлечении к субсидиарной ответственности, где должны быть исследованы все предусмотренные законом основания и условия. Реализация процессуального права на участие в смежном споре не должна создавать для него негативных преюдициальных последствий в основном споре о его ответственности.

В рамках же самого спора о привлечении к ответственности ответчик должен будет фактически опровергать статус КДЛ (если он оспаривается), указывая на отсутствие факта осуществления корпоративного контроля, кредиторы и арбитражный управляющий, в свою очередь, могут недобросовестно использовать факт поданного ранее ходатайства об участии в ином споре в качестве основания для обоснования статуса КДЛ.

Помимо этого, учитывая то обстоятельство, что лицо должно представить мотивированное ходатайство об участии в споре, возникает обоснованный вопрос о надлежащем уровне мотивированности: достаточно ли в данном случае раскрыть потенциальную заинтересованность (связь судебного акта с возможным размером ответственности) или же в данном случае необходимо представить суду реальные доказательства осуществления контроля над организацией? Полагаем, что для целей ст. 34 Закона о банкротстве достаточно обосновать потенциальное влияние исхода спора на права и обязанности заявителя, включая возможный размер будущей субсидиарной ответственности, без необходимости представлять исчерпывающие доказательства статуса КДЛ на данном этапе.

Если же лицо не заявит соответствующего ходатайства (при наличии такой возможности до подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности), то в последующем у него может не быть возможности восстановить срок на обжалование судебного акта после подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, так как Закон № 452-ФЗ допускает восстановление срока только в случае «добросовестного заблуждения относительно наличия статуса КДЛ» или невозможности подать ходатайство ранее [162, с. 56]. При этом ни на законодательном уровне, ни в правоприменительной практике отсутствует такое понятие как добросовестное заблуждение, из чего следует, что может появиться некая неопределенность при квалификации лица в качестве контролирующего и оценке его права на обжалование ранее принятых актов.

Как уже отмечалось, пункт 4 статьи 34 Закона о банкротстве предусматривает право КДЛ участвовать в рассмотрении тех споров, решения по которым способны оказать существенное влияние на его права и законные интересы, в частности, на сам факт привлечения к ответственности и на ее размер. Однако, несмотря на законодательное закрепление этого права, практическая реализация возможности участия КДЛ в конкретном обособленном споре зачастую остается на усмотрение суда, ведущего дело о банкротстве, который оценивает степень влияния спора на интересы заявителя.

Оспаривание решений налогового органа затрагивает весьма существенную проблему, связанную с объемом прав КДЛ, так как, например, решение о доначислении налогов сначала становится основанием для включения требования уполномоченного органа в реестр, а в дальнейшем предопределяет размер возможной субсидиарной ответственности КДЛ (например, при применении презумпции подпункта 3 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве), тем самым установление требований уполномоченного органа в деле о банкротстве, напрямую влияет на размер ответственности.

При этом, исходя из норм налогового законодательства, ответчик по спору о привлечении к субсидиарной ответственности, не может напрямую оспаривать решение уполномоченного органа вне рамок дела о банкротстве, о чем также указывалось КС РФ [13]. Однако КДЛ вправе заявлять возражения при установлении требования ФНС в деле о банкротстве и обжаловать определение суда.

В настоящее время, по мнению юриста Г.Ю. Масленникова, «правоприменительная практика, при наличии соответствующих инициатив (со стороны КДЛ), имеет все основания для того, чтобы пойти навстречу КДЛ при разрешении спорных вопросов, связанных с оценкой обоснованности требований, основанных на решениях налоговых органов и подтвержденных судебными актами» [227].

Подобная позиция подтверждается судебной практикой. К примеру, в рамках дела о банкротстве уполномоченным органом подано уточненное заявление, в котором сумма требования о включении в реестр требований кредиторов уменьшена по причине вступления в законную силу в рамках отдельного спора по оспариванию ненормативного акта налогового органа постановления кассационного суда, которым изменены решения нижестоящих судов первой и апелляционной инстанции в части определения размера налога на прибыль организаций, соответствующих пени и штрафов [71]. Это показывает, что КДЛ косвенно может влиять на размер налоговых требований через оспаривание актов налоговых органов, инициированное самим должником или арбитражным управляющим, а также путем активного участия в споре об установлении требований ФНС в деле о банкротстве.

Еще одним немаловажным процессуальным правом КДЛ в рамках дела о несостоятельности является право на участие в спорах о признании сделок должника недействительными. Зачастую КДЛ привлекают к субсидиарной ответственности именно за причинение имущественного вреда кредиторам в результате совершения убыточных сделок (презумпция подпункта 1 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве). Соответственно, участие лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в таких спорах является значимым, поскольку его участие может оказать существенное значение на результат рассмотрения спора по существу [174, с. 25]. КДЛ может представлять доказательства действительности и рыночности сделки, добросовестности контрагента. Как отмечают Р.А. Амбарцумов и С.В. Петухов, участие КДЛ в оспаривании сделок важно не только для защиты интересов самого КДЛ, но и для установления всех обстоятельств дела, включая потенциальное расширение круга ответственных лиц [161, с. 80].

Как правило, кредиторы и арбитражный управляющий выбирают несколько способов защиты своих нарушенных прав, в частности, они могут параллельно оспаривать сделки должника, так и заявлять в качестве оснований для привлечения к субсидиарной ответственности причинение вреда в

результате совершения убыточных сделок, указанное является допустимым на практике, так как принятый по делу судебный акт о признании сделки должника недействительной может быть положен в основу при вынесении судебного акта о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

Исходя из судебной практики, стоит также принять во внимание ситуацию, когда привлекаемое к ответственности лицо не участвовало в споре о признании сделки должника недействительной (например, потому что на тот момент еще не было привлечено к участию в деле или не было подано заявление о привлечении к субсидиарной ответственности). В таком случае лицу будет почти невозможно представить суду аргументированные доводы, свидетельствующие о законности сделки в рамках спора о привлечении к субсидиарной ответственности, так как будет действовать преюдициальная сила судебного акта о признании сделки недействительной. Так кассационный суд в рамках одного дела установил, что судебный акт о признании сделки недействительной затрагивает права бывшего руководителя, поскольку может послужить основанием для применения к нему мер ответственности, предусмотренных законодательством [72]. Это подчеркивает важность своевременного вовлечения КДЛ в споры об оспаривании сделок.

Ключевым процессуальным правом КДЛ в деле о банкротстве должна быть не только возможность присоединиться к уже инициированным спорам об оспаривании сделок должника, но и способность влиять на инициирование таких споров арбитражным управляющим. Это обусловлено прямой заинтересованностью КДЛ в увеличении конкурсной массы за счет возврата активов, поскольку это напрямую снижает размер его потенциальной ответственности. Как справедливо указывают Р.А. Амбарцумов и С.В. Петухов, «в рамках оспаривания сделки происходит анализ действий не только юридического лица, контролирующих его лиц, но и его контрагентов. Указанное может позволить расширить перечень контролирующих лиц (например, установление тесной взаимосвязи группы компаний), выявить

обоснованность хозяйственной деятельности в целях последующего анализа бизнес-плана контролирующего лица» [161, с. 85]. Вместе с тем, предоставление КДЛ права самостоятельно оспаривать сделки по специальным банкротным основаниям (статьи 61.2; 61.3 Закона о банкротстве) вступило бы в противоречие с действующей редакцией статьи 61.9, которая наделяет таким правом арбитражного управляющего и кредиторов с долей требований не менее 10% [7]. Более взвешенным решением видится создание механизма, в рамках которого КДЛ, привлеченное к участию в деле, могло бы направлять арбитражному управляющему мотивированное предложение об оспаривании конкретных сделок должника по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве (статьи 61.2; 61.3). При необоснованном отказе или игнорировании такого предложения со стороны управляющего, КДЛ должно получить право обжаловать его действия (бездействие) в порядке статьи 60 Закона о банкротстве. В случае признания жалобы КДЛ обоснованной, суд мог бы обязать управляющего подать заявление об оспаривании сделки. В исключительных ситуациях (например, при явном уклонении управляющего от исполнения обязанностей или при наличии конфликта интересов) суд мог бы предоставить право самому КДЛ инициировать оспаривание сделки от имени и в интересах должника. Предлагаемый механизм сохраняет за арбитражным управляющим основную роль в оспаривании сделок, но дает КДЛ действенный инструмент для защиты своих интересов через содействие пополнению конкурсной массы, предотвращая при этом возможное злоупотребление правом и затягивание процедур.

Нельзя не согласиться с мнением старшего партнера И.А. Журикова, который утверждает, что «возможность обжаловать ранее состоявшиеся судебные акты особенно ценна для потенциальных КДЛ, привлекаемых к субсидиарной ответственности, потому что это самая большая зона риска. В связи с этим восстановить срок обжалования и постараться пересмотреть несправедливые акты – нередко наиболее востребованный рецепт защиты» [176, с. 80].

Полагаем необходимым внести изменения в Закон о банкротстве, направленные на реализацию предложенного механизма. В частности, статья 61.9 Закона о банкротстве целесообразно дополнить новым пунктом (например, 2.1) следующего содержания:

«Контролирующее должника лицо, привлеченное к участию в деле о банкротстве в порядке, установленном статьей 34 настоящего Федерального закона, вправе направить арбитражному управляющему мотивированное предложение об оспаривании сделки должника по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, с приложением документов и сведений, обосновывающих необходимость оспаривания. Арбитражный управляющий обязан рассмотреть такое предложение в течение пятнадцати рабочих дней со дня его получения и направить контролирующему должника лицу мотивированный ответ о результатах рассмотрения.

Отказ арбитражного управляющего от оспаривания сделки или его бездействие (непредставление ответа в установленный срок) могут быть обжалованы контролирующим должника лицом в порядке, установленном статьей 60 настоящего Федерального закона.

В случае признания судом жалобы контролирующего должника лица на отказ или бездействие арбитражного управляющего обоснованной, суд вправе обязать арбитражного управляющего обратиться с заявлением об оспаривании сделки в установленный судом срок. При наличии исключительных обстоятельств, свидетельствующих о невозможности или нецелесообразности подачи заявления арбитражным управляющим (включая конфликт интересов), суд вправе предоставить контролирующему должника лицу право самостоятельно обратиться с заявлением об оспаривании сделки от имени должника».

Немаловажной проблемой, непосредственно коррелирующей с объемом правомочий КДЛ, является вопрос о том, может ли такое лицо обжаловать действия (бездействие) арбитражного управляющего, фактически после признания должника банкротом и открытия в отношении него конкурсного

производства, так как именно арбитражный управляющий осуществляет контроль над текущей деятельностью должника, формирует конкурсную массу, управляет активами должника, занимается реализацией имущества и распределением денежных средств, вырученных от его реализации [192, с. 43-44]. Эффективность работы управляющего по наполнению конкурсной массы непосредственно определяет величину дефицита и, как следствие, итоговый размер ответственности контролирующих лиц.

Кандидат юридических наук А.В. Сарнакова отмечает: «как показывает судебная арбитражная практика, достаточно частыми являются нарушения, допущенные арбитражным управляющим, связанные с проведением собрания кредиторов, с формированием конкурсной массы, в том числе возвратом имущества должника, включая истребование документации и имущества должника у бывшего руководителя, оспаривание сделок должника, а также с удовлетворением требований кредиторов (например, нарушение очередности, нарушение прав залоговых кредиторов)» [202, с. 63].

По мнению управляющего партнера Ю.В. Ивановой, с учетом ранее изложенных нововведений, «следует ожидать признания за КДЛ права оспаривать решения собрания кредиторов, касающиеся судьбы имущества должника (в частности, об утверждении порядка его реализации), а также результаты торгов по реализации имущества должника, результаты оценки и инвентаризацию имущества» [179, с. 17].

При этом долгое время суды категорично высказывались относительно отсутствия у КДЛ возможности обжаловать действия арбитражных управляющих, указывая на то, что в соответствии со статьей 60 Закона о банкротстве данная категория лиц не наделена правом обращаться в арбитражный суд с жалобой о нарушении арбитражным управляющим их прав и законных интересов. Интересным представляется и тот факт, что в 2021 году КС РФ в Определении № 1105-О не разрешил данный вопрос, не найдя оснований для проверки конституционности пунктов 1, 3 и 4 статьи 60 и пункта 1 статьи 61.15 Закона о банкротстве, указав при этом на отсутствие

права обжалования действий арбитражного управляющего КДЛ, что обусловлено особенностями материальных правоотношений, а также на тот факт, что законность действий (бездействий) управляющих не имеет прямого отношения к размеру субсидиарной ответственности [15]. Однако впоследствии позиция высших судов изменилась.

В связи с вышеуказанным представляется необходимым рассмотреть следующий пример из судебной практики: в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) бывший директор обратился в суд с заявлением о признании неправомерными действий (бездействий) арбитражного управляющего, об обязанности его отменить торги по продаже имущества должника. Суд первой инстанции вернул заявление, руководствуясь пунктом 4 статьи 60 Закона о банкротстве, указав, на то, что у заявителя отсутствует право на обжалование действий (бездействий) конкурсного управляющего в силу закона. Апелляция не согласилась с выводами нижестоящей инстанции, отметив, что у заявителя есть право на подачу соответствующего заявления, вместе с тем, рассмотрев жалобу по существу не нашел оснований для ее удовлетворения, указав что жалоба направлена на воспрепятствование проведения торгов, и, как следствие, затягивание процедуры банкротства, оставив судебный акт первой инстанции в силе. Не согласившись с вынесенными судебными актами, заявитель жалобы обратился в суд кассационной инстанции, указав в жалобе на тот, факт, что является КДЛ и полагает, что с учетом этого, имеет право на обжалование действий (бездействий) арбитражного управляющего. Кассационная инстанция отметила, что заявитель не относится к числу конкурсных кредиторов по смыслу ст. 2 Закона о банкротстве, а также к числу лиц, поименованных в названных нормах Закона о банкротстве и АПК РФ, с участием которых рассматриваются споры по правилам, установленным в статье 60 Закона о банкротстве, соответственно, суд пришел к выводу о том, что у КДЛ отсутствуют основания для обжалований действий (бездействий) арбитражного управляющего [56].

ВС РФ в Определении от 30 сентября 2021 г. № 307-ЭС21-9176 также высказался по указанному вопросу и отметил, что лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, не может быть лишено возможности обращаться в суд с жалобой на действия (бездействия) арбитражного управляющего, если докажет, что такие действия (бездействие) нарушают его права и законные интересы, в частности, влияют на размер его потенциальной ответственности. «Учитывая то обстоятельство, что арбитражный управляющий в деле о банкротстве обладает большим объемом прав и обязанностей, выполнение мероприятий ненадлежащим образом может сказаться на размере неудовлетворенных прав кредиторов, размер же неудовлетворенных требований кредиторов напрямую влияет на размер ответственности лица, контролирующего должника» [38].

Практика применения статьи 60 Закона о банкротстве после Определения ВС РФ от 30 сентября 2021 г. № 307-ЭС21-9176 стала более лояльной к КДЛ. Суды чаще принимают к рассмотрению их жалобы на действия (бездействие) управляющих, если заявитель обосновал, как именно эти действия влияют на размер его потенциальной ответственности (например, необоснованные расходы, заниженная цена продажи имущества, непринятие мер к взысканию дебиторской задолженности). Хотя жалобы на действия управляющих чаще подаются кредиторами, судебная практика подтверждает, что ненадлежащие действия управляющего, влияющие на конкурсную массу (например, формальный подход к оспариванию сделок или привлечению к субсидиарной ответственности), могут быть предметом судебного контроля и приводить к санкциям для управляющего (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 31 октября 2024 г. № Ф06-67015/2020 по делу № А55-24283/2019 [81], Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 сентября 2024 г. № 20АП-2495/2024 по делу № А23-2314/2020 [94]). Это косвенно подтверждает правомерность интереса КДЛ в оспаривании таких действий.

Тем самым контролирующее должника лицо, избрав активную позицию, направленную на защиту своих прав и законных интересов, не может быть лишено возможности обращения в суд с жалобой на действия (бездействия) арбитражного управляющего. В случае если действия конкурсного управляющего будут признаны незаконными, и как следствие с него будут взысканы убытки в конкурсную массу, то указанное напрямую повлияет на размер субсидиарной ответственности.

Вместе с тем для предотвращения злоупотреблений со стороны КДЛ: во-первых, суд должен иметь право возложить на КДЛ судебные расходы, связанные с рассмотрением его жалобы на бездействие управляющего, если жалоба будет признана необоснованной; во-вторых, право КДЛ инициировать оспаривание сделки должно быть исключено, если будет установлено, что данное лицо само являлось инициатором или выгодоприобретателем по оспариваемой сделке (принцип эстоппель). Такой подход не позволит КДЛ использовать процессуальные права для затягивания процедуры или сокрытия собственного участия в выводе активов.

Важно отметить, что уязвимость позиции добросовестного контролирующего должника лица заключается в том, что размер субсидиарной ответственности последнего напрямую зависит от состава конкурсной массы и реестра требований кредиторов, которые, в свою очередь, связаны с активными действиями не всегда добросовестного арбитражного управляющего, если же в реестр требований кредиторов будут включены только реальные требования, а арбитражный управляющий предпримет максимально возможные меры, направленные на пополнение конкурсной массы, то в таком случае размер ответственности контролирующих должника лиц будет минимальным. Фактически негативные последствия от невыполнения конкурсным управляющим тех или иных действий, понесет контролирующее должника лицо, в свою очередь судам, необходимо в каждом конкретном случае анализировать, то каким образом действия управляющего нарушают права и законные интересы контролирующего должника лица.

В этой связи не менее актуальным является вопрос возможности участия КДЛ в собраниях кредиторов должника без права голоса, а также возможность обжалования решений собраний данными лицами. Собрание кредиторов, как орган, главной целью которого является урегулирование взаимоотношений между кредиторами и должником в лице конкурсного управляющего уполномочено принимать решения по широкому перечню вопросов, которые, нередко напрямую связаны с пополнением конкурсной массы должника (например, об утверждении порядка продажи имущества).

По мнению юриста М.В. Куракина, «исходя из предоставленных собранию кредиторов полномочий, открытости его проведения, возможности участия в нем представителей различных участников можно говорить о контрольных функциях собрания кредиторов за деятельностью арбитражного управляющего» [185, с. 30-31]. Решения собрания кредиторов также могут влиять на размер ответственности КДЛ.

В силу пункта 4 статьи 15 Закона о банкротстве «в случае, если решение собрания кредиторов нарушает права и законные интересы лиц, участвующих в деле о банкротстве, лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве, третьих лиц либо принято с нарушением установленных настоящим Федеральным законом пределов компетенции собрания кредиторов, такое решение может быть признано недействительным арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве, по заявлению лиц, участвующих в деле о банкротстве, лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве, или третьих лиц» [7]. В силу того, что КДЛ, вовлеченное в процесс в соответствии со статьей 34, признается лицом, участвующим в арбитражном процессе по делу о банкротстве, оно формально имеет право оспаривать решения собрания кредиторов по данному основанию.

Тем не менее, принимая во внимание исторически сложившийся ограничительный подход к обжалованию действий управляющего, представляется необходимым прямо закрепить в законе право КДЛ на такое обжалование. (Хотя формально пункт 4 статьи 15 Закона о банкротстве уже

предоставляет такое право КДЛ как «лицу, участвующему в арбитражном процессе», прямое указание в статье 60 Закона о банкротстве снимет любые возможные сомнения на практике). Указанная норма Закона (пункт 4 статьи 15) содержит прямое указание на то обстоятельство, что решение собрания кредиторов может быть признанным недействительным лишь в двух случаях: нарушение прав и законных интересов, перечисленных в пункте 4 статьи 15 Закона о банкротстве либо нарушение пределов компетенции собрания кредиторов.

В связи с вышеизложенным полагаем, что в целях недопущения ущемления прав КДЛ недобросовестными действиями арбитражных управляющих, а также нарушающими его права решениями собраний кредиторов, и для устранения любой правовой неопределенности, необходимо изложить пункт 3 статьи 60 Закона о банкротстве в следующей редакции: «В порядке и в сроки, которые установлены пунктом 1 настоящей статьи, рассматриваются разногласия, возникшие между арбитражным управляющим и гражданами, в пользу которых вынесен судебный акт о взыскании ущерба, причиненного жизни или здоровью, контролирующего должника лица, привлеченного к участию в деле о банкротстве в порядке статьи 34 настоящего Федерального закона, а также между арбитражным управляющим и представителем работников должника в случаях, предусмотренных пунктом 11 статьи 16 настоящего Федерального закона.

Жалобы контролирующего должника лица, привлеченного к участию в деле о банкротстве в порядке статьи 34 настоящего Федерального закона на решения собрания кредиторов или комитета кредиторов, нарушающие права и (или) законные интересы такого лица, рассматриваются в порядке и в сроки, которые установлены пунктом 1 настоящей статьи».

Проведенный анализ позволяет заключить, что в современной судебной практике и законодательстве сформировался подход, расширяющий процессуальные возможности КДЛ. Правоприменитель исходит из необходимости предоставления КДЛ права на участие в обособленном споре

при условии доказанности его материальной заинтересованности в результатах этого спора и обоснования того, как исход спора может повлиять на размер конкурсной массы и, соответственно, на объем его потенциальной субсидиарной ответственности.

Тем не менее, несмотря на признание за КДЛ статуса участника дела о банкротстве при определенных обстоятельствах, объем его процессуальных прав, особенно в части инициирования оспаривания сделок, обжалования действий (бездействия) управляющего и решений органов кредиторов, все еще нуждается в дальнейшей конкретизации и законодательном уточнении для формирования единообразных правоприменительных подходов. Предложенные в настоящем параграфе изменения в Закон о банкротстве будут способствовать выработке такого единого подхода к определению процессуальных правомочий КДЛ в делах о несостоятельности. Это, в свою очередь, будет содействовать реализации фундаментального принципа защиты прав и свобод, который предполагает не только формальную возможность обращения за судебной защитой, но и реальную возможность эффективно использовать предоставленные процессуальным законодательством полномочия участника разбирательства.

3.2 Основания и условия привлечения к ответственности лиц, аффилированных с контролирующими должника лицами, включая их ответственность как сопричинителя вреда при несостоятельности (банкротстве)

Увеличение объема процессуальных прав КДЛ в деле о банкротстве, которое было подробно исследовано в предыдущем параграфе требует соотнесения с перечнем лиц, которые могут быть привлечены к солидарной субсидиарной ответственности совместно с непосредственно контролирующим лицом. В течение последних нескольких лет судебная практика совершила несколько важных шагов в сторону расширения круга

потенциальных ответчиков. С одной стороны, это огромный шаг к расширительному толкованию круга лиц, которым может быть поставлено в вину не прямое управление должником, а соучастие в нанесении вреда кредиторам, причем к такой ответственности могут быть привлечены и родственники КДЛ. Одновременно с этим, как было показано выше, современной тенденцией судебной практики становится отказ от чрезмерно формального и обвинительного подхода к привлечению к ответственности самого КДЛ. Это подтверждается, например, практикой разграничения ответственности членов коллегиальных органов управления, где ВС РФ детально анализирует роль каждого члена совета директоров или правления, освобождая от ответственности тех, кто, несмотря на формальное участие, не имел вины в конкретных убыточных сделках, либо чье участие было незначительным или формальным, особенно при наличии одобрения сделок компетентными комитетами [42]. Такой индивидуализированный подход подчеркивает необходимость тщательного исследования фактических обстоятельств и степени вовлеченности каждого лица, отходя от формального вменения ответственности по статье 61.11 Закона о банкротстве или статье 1080 ГК РФ.

Действующая модель субсидиарной ответственности, фокусирующаяся на контроле над должником, недостаточно адаптирована для случаев многосубъектного причинения вреда, когда имущество самого КДЛ выводится с участием нескольких взаимосвязанных лиц, что создает препятствия для полного возмещения убытков кредиторам и позволяет недобросовестным участникам корпоративных отношений избегать ответственности. Именно поэтому развитие практики привлечения к ответственности сопричинителей вреда является актуальной задачей.

Учитывая тенденции судебной практики, вопрос о правовом положении и основаниях ответственности лиц, имеющих фактическую заинтересованность по отношению к КДЛ (например, аффилированных лиц, родственников), представляется особо значимым и одновременно

дискуссионным. Его актуальность обусловлена недостаточной теоретической и практической проработкой. Сложность усугубляется тем, что выбор способа судебной защиты не является чисто формальным актом, поскольку различные процессуальные пути влекут разные правовые последствия. Например, как отмечается в литературе, переход прав кредитора по общему правилу наделяет нового кредитора всем объемом прав первоначального (согласно пункту 1 статьи 384 ГК РФ), тогда как реализация регрессного требования одним солидарным должником (или сопричинителем вреда) к другому после исполнения основного обязательства позволяет перераспределить бремя ответственности между ними, учитывая степень вины каждого (в соответствии с пунктом 2 статьи 325; пунктом 4 статьи 1081 ГК РФ) [151, с. 250-255].

В настоящем параграфе рассмотрен правовой статус и основания ответственности лиц – сопричинителей вреда наряду с КДЛ, привлекаемым к субсидиарной ответственности, особенно подробно проанализировано дискуссионное и практикообразующее определение ВС РФ по делу ООО «Альянс», положения которого интересны, как с теоретической, так и с практической точки зрения и имеют огромное значение для субсидиарной ответственности в Российской Федерации.

Факт привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности несомненно затрагивает взаимосвязанных с ними лиц: на сегодняшний день в судебной практике уже несколько лет формируется позиция, согласно которой контролирующими лицами могут признаваться лица, состоящие в родственных или дружеских отношениях с учредителем (участником) организации либо с ее руководителем, если они фактически влияли на действия должника или извлекали имущественную выгоду из неправомерных действий КДЛ (согласно подпункту 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве), нередко для маскировки аффилированности могут привлекаться члены семьи, родственники, друзья, на практике самым

сложным в таких делах доказать взаимосвязь лиц, согласованность их действий и недобросовестное поведение сторон.

При этом важно разграничивать две ситуации: 1) привлечение родственника как самостоятельного КДЛ, если доказано, что он фактически контролировал должника (например, супруг(а), являющийся теневым директором). В этом случае применяются общие правила главы III.2 Закона о банкротстве; 2) привлечение родственника как сопричинителя вреда совместно с основным КДЛ, если родственник не контролировал должника, но умышленно помог основному КДЛ скрыть его личное имущество от взыскания кредиторами.

Полагаем возможным провести параллель с развитием судебной практики относительно ответственности наследников КДЛ. Долгое время данный вопрос оставался дискуссионным, а суды, исходя из неразрывной связи ответственности с личностью правонарушителя, прекращали производство по делу в случае смерти КДЛ [215, с. 189].

Однако впоследствии правоприменительный подход был кардинально изменен. ВС РФ указал, что долг, возникающий из привлечения к субсидиарной ответственности, является денежным, направлен на компенсацию вреда и не связан неразрывно с личностью, а потому входит в состав наследственной массы. Современная судебная практика исходит из того, что наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя, возникшим из субсидиарной ответственности, но в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества [215, с. 190-191].

Таким образом, судебная практика, по сути, заполнила законодательный пробел, распространив принципы деликтной ответственности на наследственные правоотношения в контексте банкротства.

По мнению кандидата юридических наук Р.К. Лотфуллина: «Идея привлечения членов семьи директора к субсидиарной ответственности в банкротстве компании может показаться абсурдной. Ведь Закон о банкротстве предусматривает субсидиарную ответственность по долгам банкрота лишь

«контролирующих должника лиц», каковыми жена и дети директора, надо полагать, не являются. Но исходя из соображений здравого смысла вряд ли правопорядку стоит позволять семье директора благоденствовать за счет неправомерно выведенных из компании-банкрота денег, по справедливости принадлежащих кредиторам» [186, с. 29-30]. Данная позиция представляется обоснованной в связи с тем, что при привлечении к субсидиарной ответственности исключительно КДЛ велика вероятность таких недобросовестных действий последнего, как заключение мнимых сделок с родственниками по выводу личного имущества КДЛ, позволяющих избежать обращение взыскания на выведенное имущество. Такой подход, однако, не является единственным в доктрине.

Вместе с тем профессор Т.П. Шишмарева в таких случаях предлагает ограничиваться привлечением к субсидиарной ответственности исключительно КДЛ и оспариванием сделок, посредством которых активы, принадлежавшие КДЛ, были отчуждены в пользу его родственников, отмечая при этом: «Если же обратиться к конструкции Паулианова иска (иска о возврате имущества, выведенного с целью причинения вреда кредиторам), то теория допускает его предъявление безотносительно к процедурам банкротства, так или иначе, имущество, переданное детям, гипотетически может быть истребовано. Иное означало бы уклонение от ответственности, что недопустимо, тем более что по смыслу Закона о банкротстве значение имеет не только личность контролирующего лица, но и поиск его имущества» [157, с. 27-29]. То есть предлагается оспаривать сделки КДЛ по выводу его личного имущества в рамках банкротства самого КДЛ (если оно инициировано) или через общегражданский Паулианов иск (статьи 10; 168 ГК РФ), а не привлекать родственников к солидарной ответственности. Р.К. Лотфуллин также отмечает, что «классическими инструментами защиты прав кредиторов в подобной ситуации выступают оспаривание сделок вне рамок дела о банкротстве (статьи 10; 168 ГК РФ) и в рамках конкурсного производства (статья 61.2 Закона о банкротстве)»

[186, с. 30]. Данные подходы представляют альтернативу прямому привлечению родственников к ответственности как сопричинителей.

Безусловно, старания уполномоченных лиц привлечь к ответственности максимально возможное число лиц, включающее, в том числе и родственников КДЛ не является чем-то новым, как в отечественной, так и в общемировой практике. Встречаются случаи попыток привлечения к субсидиарной ответственности не только ближайших, но и дальних родственников, так, например, в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) конкурсным управляющим было подано заявление о привлечении к субсидиарной ответственности родной бабушки жены КДЛ [127].

Так, ранее суды, разрешая вопрос о привлечении родственников КДЛ как контролирующих лиц, делали выводы о том, что осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и тому подобное) и устанавливали степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника.

Вместе с тем, необходимо констатировать, что суды на протяжении долгого времени привлекали лиц к субсидиарной ответственности, связанных родственными узами с КДЛ, каждый раз основываясь исключительно на перечне «стандартных» условий для КДЛ таких как: наличие у ответчика возможности определения действий должника; виновность и противоправность поведения лиц; наличие вреда; а также установление каузальной связи между поведением родственников контролирующего лица и наступлением несостоятельности должника.

В конце 2019 года ВС РФ рассматривая обособленный спор о привлечении к субсидиарной ответственности по делу о банкротстве ООО «Альянс», изложил принципиально иной подход, допускающий привлечение к солидарной ответственности лица (в том числе аффилированного через родство с КДЛ) с КДЛ как сопричинителя вреда, если оно умышленно способствовало сокрытию имущества КДЛ, на которое могло быть обращено взыскание по требованию о субсидиарной ответственности:

1) Согласно подходу ВС РФ, лицо (включая родственника КДЛ), чьи умышленные действия создали препятствия для полного удовлетворения требований кредиторов за счет активов КДЛ (привлеченного к ответственности за доведение до банкротства), несет солидарную ответственность с этим КДЛ за причиненные кредиторам убытки. При этом размер ответственности такого сопричинителя ограничен стоимостью имущества КДЛ, которое было ему передано [33].

2) Основная цель требований, предъявляемых кредиторами как к самому КДЛ, так и к лицам, получившим его имущество с целью сокрытия, заключается в компенсации убытков кредиторам должника в соответствии с общими принципами гражданского права (статьи 15 и 1080 ГК РФ). Это исключает возможность неосновательного обогащения на стороне потерпевших (кредиторов). При рассмотрении споров такого рода не имеет решающего значения возможное несовпадение оснований ответственности: если для КДЛ основанием являются действия, повлекшие банкротство должника, то для родственников (или иных лиц), получивших его имущество, основанием ответственности выступают их собственные неправомерные действия, выразившиеся в соучастии в сокрытии активов КДЛ и тем самым создавшие невозможность полного исполнения КДЛ своих обязательств по субсидиарной ответственности [33].

То есть ВС РФ применил статью 1080 ГК РФ (ответственность за совместно причиненный вред) для обоснования солидарной ответственности родственников как сопричинителей вреда, не требуя установления их

контроля над должником, а основываясь на доказанности их умышленного участия в сокрытии личного имущества КДЛ. При этом ответственность таких сопричинителей была ограничена стоимостью полученного ими имущества [33]. Этот подход четко отграничивает ответственность сопричинителей от ответственности КДЛ по статье 61.11 Закона о банкротстве и подчеркивает ее деликтную природу, основанную на нормах ГК РФ.

В целях раскрытия заявленной темы настоящего параграфа необходимо подробно проанализировать данный обособленный спор, а также революционный судебный акт ВС РФ от 23 декабря 2019 г. по делу № А40-131425/2016.

В рамках указанного спора налоговый орган подал заявление о возложении субсидиарной ответственности не только бывшего генерального директора и учредителя компании (являющихся типичными КДЛ), но и расширил круг ответчиков. Заявление было подано также в отношении супруги экс-руководителя (которая, по мнению заявителя, играла активную роль в выводе активов, занимала должность бухгалтера должника и возглавляла аффилированные структуры) и их детей, в том числе несовершеннолетнего. Материалы дела указывали на то, что имущество (как движимое, так и недвижимое), приобретенное супругами на средства, предположительно полученные незаконным путем, впоследствии было оформлено на детей через договоры дарения. Заявитель последовательно доказывал причастность супруги и детей к неправомерным действиям. По мнению заявителя, это являлось основанием для возложения на них ответственности за причиненные кредиторам убытки.

Подобное расширение круга ответчиков, на первый взгляд, не полностью согласуется с буквальным толкованием Закона о банкротстве, который прямо указывает на ответственность исключительно «контролирующих должника лиц», к которым дети формально не относились. Однако ситуация, при которой семья руководителя, виновного в банкротстве, могла бы сохранить финансовые выгоды, полученные за счет активов,

неправомерно выведенных из-под взыскания, представляется противоречащей принципам справедливости и духу законодательства о банкротстве.

Отметим, что при первом рассмотрении заявления уполномоченного органа суды трех инстанций были единогласны по двум вопросам: если бывший руководитель должника был признан КДЛ и в связи с тем, что более пятидесяти процентов реестра требований кредиторов составляют требования уполномоченного органа по налоговому правонарушению привлечен к субсидиарной ответственности по основаниям подпункта 3 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве, то в привлечении детей было отказано в связи с недоказанностью наличия у последних статуса КДЛ. В отношении же супруги суд первой инстанции, чья позиция была поддержана кассацией, не усмотрел оснований для возложения на нее субсидиарной ответственности. Примечательно, что апелляционный суд, отменив этот акт, пришел к выводу о наличии у супруги возможности влиять на действия должника, доказав таким образом ее контроль (и привлек ее в качестве КДЛ).

Не согласившись с постановлением кассационного суда, уполномоченный орган обратился с жалобой в ВС РФ, в которой просил судебные акты в части отказа в привлечении к субсидиарной ответственности супруги и детей КДЛ отменить.

Отменяя определения нижестоящих судебных инстанций в части отказа в привлечении к субсидиарной ответственности детей и оставляя в силе постановление апелляционной инстанции в части привлечения к ответственности супруги, ВС РФ не согласился с выводами судов относительно детей и указал, что к субсидиарной (солидарной) ответственности могут быть привлечены и члены семьи КДЛ, не исключая при этом возможность привлечения к дополнительной ответственности и несовершеннолетних детей контролирующих лиц, важнейшим выводом судебной коллегии является тот факт, что вышеуказанные лица могут рассматриваться как сопричинители вреда в обход классических презумпций (и требований), установленных Законом о банкротстве для КДЛ (то есть без

доказывания контроля над должником). Этот вывод ВС РФ основан на применении общих норм ГК РФ о деликтной ответственности (глава 59), в частности, статьи 1064 (общие основания ответственности за причинение вреда) и статьи 1080 (ответственность за совместно причиненный вред). Суд фактически указал, что кредиторы должника несут убытки не только от доведения должника до банкротства (за что отвечает КДЛ по главе III.2 Закона о банкротстве), но и от последующих действий КДЛ и его пособников по сокрытию активов КДЛ, которые делают невозможным исполнение требования о субсидиарной ответственности. Эти действия по сокрытию активов являются самостоятельным деликтом по отношению к кредиторам [33].

Относительно привлечения к ответственности супруги КДЛ судьи отметили, что сам факт наличия семейных отношений между бывшим директором и главным бухгалтером само по себе не влечет субсидиарной ответственности; юридически значимым обстоятельством является ее доказанное соучастие в неправомерных операциях по выводу активов, которые привели к убыткам и банкротству общества. Обосновывая свои выводы, Коллегия опиралась на деликтную природу субсидиарной ответственности, указывая на то, что в целях признания лица сопричинителем вреда наряду с КДЛ необходимо установить факт сокрытия активов КДЛ, а также недобросовестное поведение этого лица (сознательное участие в сокрытии), на основании этого, супруга бывшего руководителя могла бы быть в соответствии с положениями статьи 1080 ГК РФ привлечена к солидарной субсидиарной ответственности. Подобный шаг подчеркивает важность справедливого разбирательства дела и учитывает особенности участия членов семьи в противоправных действиях, обеспечивая защиту интересов кредиторов. (Хотя в данном деле ВС РФ оставил в силе акт о привлечении супруги как КДЛ, он указал на возможность ее привлечения и как сопричинителя вреда).

Солидарную ответственность перед потерпевшим несут лица, которые совместно причинили ему вред. О совместном характере может свидетельствовать то, что их действия согласованы, скоординированы и направлены на реализацию общего для всех действующих лиц намерения. Совместность в понимании статьи 1080 ГК РФ может образовываться совместными действием и бездействием. В равной степени сопричинители могут не выполнять абсолютно идентичные действия по причинению вреда. Главное, чтобы их поведение нарушало один интерес кредитора и вносило вклад в развитие причинно-следственной связи между первоначальным событием причинения вреда и его наступлением [120]. В контексте ответственности родственников КДЛ, их совместные действия с КДЛ направлены на причинение вреда кредиторам путем создания невозможности взыскания с КДЛ. Применение статьи 1080 ГК РФ в таких ситуациях, однако, сопряжено с практическими трудностями. Как отмечает юрист О.И. Романова, суды часто испытывают сложности с применением статьи 1080, если основания ответственности сопричинителей различны (например, деликт основного КДЛ по доведению до банкротства и деликт пособника по сокрытию имущества КДЛ от взыскания, либо деликт КДЛ и реституционное требование к получателю имущества по недействительной сделке). Кроме того, буквальное понимание слова «совместно» в статье 1080 может мешать судам привлекать к солидарной ответственности лиц, действовавших, возможно, независимо, но причинивших общий вред [201, с. 163-165]. Эти сложности подчеркивают необходимость дальнейшей доктринальной проработки и разъяснений судебной практики.

Старший преподаватель Д.А. Османова полагает, что в связи с отсутствием в Законе о банкротстве положений относительно привлечения к ответственности сопричинителей вреда обосновано применение норм, закрепленных статьей 1080 ГК РФ, вместе с тем, указывая на скудость формулировки вышеуказанной нормы и необходимость ее расширительного толкования, по ее мнению, «для привлечения к ответственности вовлеченных

в деликт лиц требуется установить правовой статус каждого из них и отведенную им роль в целях правильного определения объема ответственности» [145, с. 150-151]. С данной позицией нельзя не согласиться, так, ВС РФ, разрешая рассматриваемый спор, указал на то, что дети генерального директора должника, привлеченного к субсидиарной ответственности, по сути, являлись «инструментом» сокрытия незаконно выведенных активов должника от КДЛ.

Тем не менее, вопрос ответственности детей КДЛ требует более четкой законодательной проработки. В данном деле СКЭС ВС РФ обратила внимание на ошибку нижестоящих судов, которые упустили из виду, что вред имущественным интересам кредиторов причиняется не только доведением до несостоятельности, но и последующими действиями, направленными на воспрепятствование взысканию за счет личных активов КДЛ.

Коллегия также подчеркнула, что источник средств, на которые КДЛ приобретал имущество для детей, не имеет значения, поскольку КДЛ несет ответственность перед кредиторами всем своим имуществом. Это означает, что если руководитель с целью сокрытия активов от взыскания дарит имущество родственнику, а последний знает о неправомерности такой цели, то такой получатель становится сопричинителем вреда. При этом объем ответственности детей (и других сопричинителей) лимитирован стоимостью полученного таким образом имущества (условно, «подарков» или скрытых активов) – взыскание может быть обращено либо на само это имущество, либо на его денежный эквивалент. Направляя дело на новое рассмотрение, Коллегия отметила, что судам следовало проанализировать, являлись ли дети лишь номинальными или реальными собственниками имущества и какими мотивами они руководствовались. Если будет доказано, что дети действовали умышленно и недобросовестно с целью сокрытия имущества, они могут быть признаны сопричинителями вреда. Таким образом, ВС РФ в деле «Альянс» сформулировал ключевые критерии для привлечения сопричинителя вреда:

- 1) вред кредиторам причиняется не только действиями, повлекшими

несостоятельность, но и действиями по сокрытию личных активов КДЛ; 2) такие действия по сокрытию образуют самостоятельный деликт (в соответствии со статьей 1064 ГК РФ); 3) ответственность сопричинителя (например, ребенка, ставшего номинальным собственником) ограничена стоимостью полученного им имущества; 4) для возложения ответственности на сопричинителя необходимо доказать его умысел и недобросовестность (то есть осведомленность о цели сокрытия и содействие в ее достижении) [33].

Ключевым для привлечения родственника (или иного лица) как сопричинителя является доказывание его умысла и недобросовестности. То есть, необходимо доказать, что он не просто получил имущество от КДЛ, но знал о неправомерной цели КДЛ (сокрытие активов от кредиторов) и содействовал ему в этом. Осведомленность может презюмироваться, исходя из обстоятельств дела: например, если сделка совершена между близкими родственниками, безвозмездно или по заниженной цене, в период финансовых трудностей КДЛ или после предъявления к нему требований. Бремя опровержения этой презумпции (доказывания своей добросовестности и неосведомленности) ложится на привлекаемое лицо.

Следует отметить, что в рассматриваемом Определении ВС РФ не уделил специального внимания возрастному аспекту применительно к детям, которые могут быть привлечены к солидарной ответственности как сопричинители вреда. Вероятно, Коллегия не стала подробно останавливаться на этом вопросе, поскольку в данном конкретном деле оба ребенка уже достигли 14-летнего возраста. Если бы речь шла о малолетних (не достигших 14 лет), то в силу пункта 1 статьи 1073 ГК РФ [3] ответственность за причиненный ими вред несли бы их родители (усыновители, опекуны). Отсюда можно сделать вывод, что привлечение малолетнего ребенка КДЛ к ответственности в качестве сопричинителя вреда лишено практического смысла, так как его родители (включая самого КДЛ) и так будут отвечать по его обязательствам своим имуществом, к которому уже может быть предъявлено требование, вытекающее из субсидиарной ответственности

самого КДЛ. Иначе регулируется ответственность подростков от 14 до 18 лет: статья 1074 ГК РФ устанавливает их самостоятельную имущественную ответственность. Родители в данном случае несут дополнительную (субсидиарную) ответственность только в случае, если собственных средств или имущества несовершеннолетнего недостаточно для возмещения вреда.

Преподаватель факультета права Р.К. Лотфуллин, не соглашаясь с выводами судебной Коллегии указывает на следующее: «кредиторы вправе требовать признания недействительной сделки по отчуждению контролирующим должника лицом своего имущества, совершенной с целью сокрытия имущества от обращения на него взыскания во вред кредиторам. Традиционными способами защиты прав кредиторов в этом случае являются внеконкурсное оспаривание (статьи 10; 168 ГК РФ) и конкурсное оспаривание (статья 61.2 Закона о банкротстве)» [186, с. 30]. Эта позиция перекликается с мнением Т.П. Шишмаревой, упомянутой ранее, о приоритете оспаривания сделок [157, с. 27-29].

Поддерживают мнение Р.К. Лотфуллина кандидат юридических наук Ю.В. Тай и кандидат физико-математических наук С.Л. Будылин, комментируя анализируемое Определение ВС РФ и отмечая, что: «Очевидный прямой путь (то есть наиболее соответствующий букве закона) таков: привлечение директора к субсидиарной ответственности; если он не заплатит, то инициирование его банкротства; реализация доступной части общей совместной собственности супругов в ходе банкротства директора; оспаривание договоров дарения детям в ходе банкротства директора. Плюс к этому предъявление «обычного» деликтного иска жене-бухгалтеру; если она не заплатит, то инициирование ее банкротства; обращение взыскания на доступную часть общей совместной собственности супругов в ходе банкротства жены; оспаривание договоров дарения детям в ходе банкротства жены» [209, с. 14-15].

Вместе с тем предложенный ими «прямой путь» (оспаривание сделок КДЛ в рамках его личного банкротства) является чрезвычайно длительным и

требующим значительных ресурсов. Рассмотрение обособленных споров о привлечении к субсидиарной ответственности само по себе является продолжительным процессом. Даже если не учитывать возможность приостановления производства до определения окончательного размера ответственности, на практике могут уйти годы до момента вступления в законную силу судебного акта о взыскании с КДЛ. За это время активы, выведенные КДЛ, могут быть отчуждены последующим приобретателям по цепочке сделок, что еще больше осложнит их возврат. Кроме того, инициирование и проведение процедуры банкротства самого КДЛ с последующим оспариванием его сделок как физического лица также представляет собой весьма длительный и сложный этап, что ставит под сомнение эффективность предложенного авторами плана с точки зрения оперативности защиты прав кредиторов.

Кроме того, оспаривание сделок КДЛ в рамках его личного банкротства возможно только при наличии у него самого признаков несостоятельности, что не всегда очевидно или легко доказуемо. Привлечение же сопричинителя к солидарной ответственности по ст. 1080 ГК РФ возможно и без персонального банкротства КДЛ, а непосредственно в деле о несостоятельности основной компании. Такой подход существенно оптимизирует и ускоряет процедуру для кредиторов. С процессуальной точки зрения это реализуется через подачу единого заявления о привлечении к ответственности как КДЛ, так и сопричинителей к солидарной ответственности в рамках одного обособленного спора. Следует также учитывать, что оспаривание сделок по выводу активов на подставных лиц не единственный альтернативный или сопутствующий механизм. Е.В. Блохина указывает на возможность оспаривания таких сделок как мнимых (статья 170 ГК РФ), если стороны не намеревались создать соответствующие правовые последствия, или как притворных (пункт 2 статьи 170 ГК РФ), если прикрывалась иная сделка. Кроме того, теоретически возможно применение концепции трейсинга (прослеживания активов), хотя ее применение в

российском праве пока ограничено [164, с. 57]. Эти подходы также имеют свои сложности и ограничения (например, необходимость доказывания мнимости или притворности, проблемы исковой давности, неразработанность трейсинга).

Как неоднократно отмечал КС РФ, исполнение судебного акта следует рассматривать как элемент судебной защиты, сама судебная защита не может признаваться действенной, если судебный акт своевременно не исполняется, что лишает граждан, правомерность требований которых установлена в надлежащей судебной процедуре и формализована в судебном решении, эффективного и полного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям равенства и справедливости. Как неоднократно отмечалось ВС РФ, целью осуществления правосудия является принятие законного и исполнимого судебного акта, которым будет устранена правовая неопределенность в спорных правоотношениях. Таким образом, судебный процесс и принятый по его результатам судебный акт сами по себе не являются гарантиями эффективной судебной защиты нарушенных прав [121].

Следовательно, если предположить, что требование кредитора о возмещении вреда основано на деликте (совместном причинении вреда КДЛ и его аффилированными лицами), защита права может быть осуществлена не только путем признания сделки КДЛ по выводу активов недействительной и применения реституции (что требует отдельной процедуры банкротства КДЛ), но и, что может быть эффективнее, путем прямого взыскания убытков с сопричинителей вреда (включая родственников) в рамках дела о банкротстве основного должника, причинивших вред кредиторам через содействие в сокрытии активов КДЛ, через механизм солидарной ответственности по ст. 1080 ГК РФ, так как верховенство права должно быть в первую очередь направлено на обеспечение эффективной защиты пострадавшей стороны, что означает, в частности, не только полное возмещение ущерба, возникшего в результате нарушения прав, но и своевременное достижение этой цели. Привлечение сопричинителей к солидарной ответственности в том же

процессе, что и КДЛ, позволяет ускорить процесс и повысить шансы на реальное возмещение вреда кредиторам.

При новом рассмотрении дела ООО «Альянс» суды трех инстанций удовлетворили заявление уполномоченного органа в полном объеме и привлекли к солидарной ответственности детей бывшего директора, поставив точку в обособленном споре, который длился почти три года. Интересными представляются выводы суда кассационной инстанции, которые можно свести к трем следующим тезисам:

1) Вред кредиторам причиняется не только действиями, в результате которых должник стал банкротом, но и в обстоятельствах, когда исполнение решения о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности за счет его личных активов становится невозможным из-за умышленных действий по передаче его активов родственникам (или иным лицам), если последние знали или должны были знать о неправомерной цели такой передачи.

2) Для признания действий родственников сопричинением вреда не имеет юридического значения, какое именно имущество КДЛ (приобретенное на законные или незаконные доходы) было выведено из-под взыскания с их помощью.

3) Размер возмещения вреда, причиненного такими лицами, ограничен стоимостью недобросовестно полученного ими имущества, которое, формально сменив собственника, фактически остается под контролем семьи КДЛ.

Подводя итог, можно констатировать, что ВС РФ, даже на фоне общей тенденции к более взвешенной оценке оснований ответственности, допустил возможность привлечения к солидарной ответственности вместе с КДЛ тех лиц, которые умышленно содействовали сокрытию его личных активов. При этом не требуется доказывать, что эти лица контролировали самого должника; основанием для их ответственности служат положения статьи 1080 ГК РФ о совместном причинении вреда. Таким образом, подтверждена возможность привлечения к ответственности лиц, чьи осознанные действия сделали

невозможным взыскание с КДЛ за счет его собственного имущества, даже без установления их контроля над первоначальным должником.

Резюмируя, можно сделать вывод, что даже с учетом текущей перемены тенденции к более взвешенному подходу, ВС РФ признал возможным привлекать к солидарной ответственности с КДЛ лиц, умышленно способствовавших сокрытию его активов, даже если эти лица не контролировали самого должника, применяя положения статьи 1080 ГК РФ о совместном причинении вреда. При этом необходимость доказывания у сопричинителя вреда возможности осуществления контроля над должником отсутствует, а также допустимо привлечение к ответственности лиц, умышленные действия которых привели к невозможности возмещения КДЛ убытков за счет собственного имущества.

Важно отметить, что судебная практика по применению этого подхода неоднородна и требует тщательного доказывания со стороны заявителя.

Примеры отказа в привлечении. в деле ООО «Спарта-Плюс» (дело № А03-16158/2017) суды не нашли оснований для возложения солидарной ответственности на дочь и отца КДЛ ввиду недоказанности конкурсным управляющим того, что имущество приобреталось ими за счет КДЛ или с целью сокрытия активов КДЛ. Суды детально исследовали финансовую состоятельность родственников и реальность сделок [66]. Аналогично, в деле ООО «Сочи-Абсолют» (дело № А32-22045/2016) апелляция отменила привлечение главного бухгалтера и бывшего директора как сопричинителей, указав на недоказанность получения ими выгоды и их вины в присвоении средств, сославшись на приговор по уголовному делу в отношении основного КДЛ [109]. Эти случаи подчеркивают важность доказывания умысла, выгоды и причинно-следственной связи между действиями сопричинителя и невозможностью взыскания с КДЛ.

Примеры привлечения. В деле ООО «Бьюти трейд» (дело № А40-151582/20) апелляция привлекла к солидарной ответственности не только бывших руководителей, но и учредителя и связанных с ним лиц,

установив схему вывода активов и перевода бизнеса [77]. В деле ООО «Квинтэсс Агро» (дело № А65-16506/2021) к солидарной ответственности с КДЛ были привлечены его супруга и мать за получение имущества с целью сокрытия от взыскания [103]. Эти примеры демонстрируют, что при наличии доказательств согласованности действий и цели сокрытия активов, суды применяют подход ВС РФ.

Расширение круга ответчиков. Практика также показывает, что к ответственности могут привлекаться не только прямые получатели имущества, но и иные лица, участвующие в схемах вывода активов. Например, в деле ООО «Энергосервис» (дело № А40-256596/2020) ВС РФ указал, что покупатели автомобилей, проданных через комиссионера (действовавшего за счет должника), являются надлежащими ответчиками по спорам об оспаривании сделок, что косвенно подтверждает возможность вовлечения в ответственность широкого круга лиц, если они участвовали в выводе активов [52; 53].

Следовательно, практика подтверждает возможность привлечения сопричинителей вреда к солидарной ответственности по статье 1080 ГК РФ за содействие КДЛ в сокрытии его имущества, но успех такого заявления зависит от качества представленных доказательств умысла, согласованности действий и причинной связи с невозможностью исполнения обязательств КДЛ.

Необходимо признать, что применение статьи 1080 ГК РФ в данном контексте сопряжено с высоким стандартом доказывания. Заявитель должен представить суду убедительные доказательства не просто аффилированности или совершения сделки, но и умышленного характера действий сопричинителя, его осведомленности о неправомерной цели КДЛ. Доказательствами могут служить нерыночный характер сделки, отсутствие экономического смысла в ней для сопричинителя, последовательность действий, направленных на усложнение отслеживания активов. Однако в отношениях между близкими родственниками или иными аффилированными лицами возможно применение стандартов доказывания, основанных на

опровержимых презумпциях. Так, безвозмездная передача значительного имущества КДЛ родственнику в период финансовых трудностей может порождать презумпцию осведомленности получателя о неправомерной цели, бремя опровержения которой ложится на него. Это позволит эффективно применять данный механизм, не допуская при этом необоснованного привлечения к ответственности добросовестных лиц. Подобные меры исключают риск массовых исков к добросовестным контрагентам.

Таким образом, для привлечения лица, в том числе аффилированного с КДЛ, к солидарной ответственности с КДЛ как сопричинителя вреда кредиторам несостоятельного должника (на основании статьи 1080 ГК РФ) не требуется установления его контроля над деятельностью должника. Основанием для такой ответственности является доказанная заявителем совокупность фактов: а) наличие у КДЛ обязательства по субсидиарной ответственности (или очевидных оснований для его возникновения); б) совершение КДЛ и привлекаемым к солидарной ответственности лицом согласованных действий, направленных на вывод (сокрытие) имущества КДЛ с целью избежать обращения на него взыскания; в) умышленный характер действий привлекаемого лица (его осведомленность о неправомерной цели КДЛ и преследование им собственного интереса или интереса КДЛ в ущерб кредиторам); г) прямая причинная связь между действиями сопричинителей и возникшей или увеличившейся невозможностью полного удовлетворения требований кредиторов за счет имущества КДЛ. Размер ответственности такого сопричинителя вреда ограничен стоимостью имущества КДЛ, в сокрытии которого он участвовал.

Что касается размера ответственности, ограниченного стоимостью скрытого имущества, то его определение должно производиться на основании независимой оценки на момент совершения сделки по выводу актива, что минимизирует риски манипуляций.

Вместе с тем вопрос о характере ответственности сопричинителей вреда, особенно в ситуациях, связанных с изъятием имущества КДЛ, вызывает

сложности. Некоторые склонны считать, что такой возврат имущества никак не связан с причинением вреда и мерой ответственности не является [114], другие склонны трактовать ответственность сопричинителя вреда, ограниченную стоимостью изъятого имущества, как самостоятельный вид ответственности, отличный от субсидиарной [79]. Однако исследование позволяет утверждать, что в данном случае речь идет именно о солидарной ответственности сопричинителей вреда (статья 1080 ГК РФ), а ограничение ответственности размером полученного имущества – лишь особенность ее применения как способа определения размера убытков, причиненных кредиторам действиями сопричинителя, так как:

Во-первых, солидарная ответственность предполагает, что кредитор вправе требовать исполнения обязательства полностью или в части как с КДЛ, так и с сопричинителя вреда. Как отмечает Н.В. Тололаева, часть 1 статьи 1080 ГК РФ прямо устанавливает солидарную ответственность лиц, совместно причинивших вред, что соответствует ситуации умышленного содействия КДЛ в сокрытии его активов [212, с. 130].

Во-вторых, под «в пределах стоимости полученного имущества» понимаются лишь пределы ответственности сопричинителя вреда, что указывает на максимальный размер убытков, которые могут быть с такого лица взысканы в связи с его конкретными действиями по сокрытию активов. Этот факт не противоречит сути солидарной ответственности за совместно причиненный вред; ограничение размера ответственности стоимостью полученного имущества не меняет солидарного характера обязательства, а лишь определяет максимальный предел ответственности конкретного сопричинителя [212, с. 133-135].

В-третьих, изложенная в пункте 23 Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2020) от 10 июня 2020 г. позиция направлена на обеспечение максимально полного удовлетворения требований кредиторов [24]. Солидарная ответственность сопричинителя вреда служит дополнительной гарантией для кредиторов в случае, если взыскание с КДЛ затруднено или

невозможно из-за сокрытия активов. Это соответствует цели законодателя по защите прав кредиторов от недобросовестных действий.

Таким образом, учитывая сущность солидарной ответственности за совместно причиненный вред (статья 1080 ГК РФ), ограничение ответственности сопричинителя вреда размером полученного (и сокрытого) имущества, основную цель (восстановление прав кредиторов), следует признать, что взыскание убытков с сопричинителя вреда в данном случае является солидарной ответственностью, а не субсидиарной ответственностью в значении главы III.2 Закона о банкротстве или каким-то иным ее видом.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что привлечением сопричинителей вреда к солидарной ответственности с КДЛ за убытки, причиненные кредиторам в размере стоимости переданного (скрытого) имущества, достигается цель защиты прав кредиторов и пресечения злоупотреблений в делах о банкротстве.

Заключение

Настоящая диссертационная работа ставила своей целью всестороннее исследование актуальных вопросов правового регулирования субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедурах несостоятельности (банкротства). В процессе исследования природы субсидиарной ответственности КДЛ при несостоятельности (банкротстве), анализа нормативных правовых актов, сложившейся правоприменительной практики, а также доктринальных источников были сделаны следующие выводы, подтверждающие и детализирующие положения, вынесенные на защиту.

Во-первых, уточнено авторское определение понятия «субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве)», обоснована ее гражданско-правовая деликтная природа, цель и исключительный характер применения в соответствии с нормами главы III.2 Закона о банкротстве (Положение, выносимое на защиту 1).

Во-вторых, предложено разграничивать нормативные основания (невозможность полного погашения требований кредиторов вследствие противоправных действий КДЛ (статья 61.11) и неподача (в том числе несвоевременная) заявления должника о признании его банкротом (статья 61.12), условия ответственности (противоправность, вина, вред, причинно-следственная связь), законодательные презумпции для упорядочивания предмета доказывания и предотвращения смешения материально-правовых оснований с процессуальными механизмами (Положение, выносимое на защиту 2).

В-третьих, разработан авторский трехэтапный механизм («Направление уведомления», «Мониторинг и анализ», «Дополнительный мониторинг»), позволяющий легально добросовестному

руководителю реализовать экономически обоснованный план выхода из кризиса в разумный срок (до одного года), что позволяет избежать ответственности по статье 61.12 Закона о банкротстве при соблюдении процедур информирования кредиторов и мониторинга (Положение, выносимое на защиту 3).

В-четвертых, выявлены существенные признаки номинального руководителя и сформулировано авторское определение понятия «номинальный руководитель», а также предложены критерии для снижения (освобождения) его от ответственности при условии раскрытия информации о фактическом контролере и (или) его имуществе (Положение, выносимое на защиту 4).

В-пятых, выявлены процессуальные проблемы при предъявлении требований к КДЛ в деле о его собственном банкротстве и предложены законодательные изменения, направленные на улучшение положения конкурсных кредиторов основного должника, расширение их прав и полномочий собрания кредиторов по понуждению арбитражного управляющего к подаче заявления в реестр КДЛ, а также на уточнение момента начала течения срока на подачу такого заявления (Положение, выносимое на защиту 5).

В-шестых, обоснована необходимость расширения процессуальных прав КДЛ для обеспечения баланса интересов и возможности влиять на размер своей потенциальной ответственности, в связи с чем предложено внести в Закон о банкротстве следующие изменения:

- предоставить КДЛ право инициировать оспаривание сделок должника (через обращение к управляющему с правом самостоятельной подачи при бездействии последнего) (дополнение статьи 61.9 Закона о банкротстве), но КДЛ не вправе инициировать оспаривание сделки, которую он сам одобрил, совершил или из которой извлек выгоду;

- прямо закрепить право КДЛ обжаловать действия (бездействие) арбитражного управляющего и решения собрания (комитета) кредиторов,

влияющие на размер его ответственности (изменение статьи 60 Закона о банкротстве) (Положение на защиту № 6).

В-седьмых, исследованы основания и условия привлечения к солидарной ответственности с КДЛ сопричинителей вреда (лиц, умышленно способствовавших сокрытию активов КДЛ, включая аффилированных лиц) на основании статьи 1080 ГК РФ. Обосновано, что для этого не требуется установления их контроля над должником, но необходимы доказательства умышленного соучастия в причинении вреда кредиторам путем сокрытия имущества КДЛ. Определены пределы такой ответственности (Положение, выносимое на защиту 7).

В настоящем исследовании сформулированы предложения, направленные на совершенствование законодательства, судебной практики и правоприменительной деятельности в сфере несостоятельности (банкротства), касающиеся ответственности контролирующих должника лиц. Ожидается, что реализация данных предложений будет способствовать повышению эффективности правового регулирования в этой области, обеспечивая при этом необходимое равновесие интересов всех вовлеченных сторон.

Список литературы

Нормативные правовые акты

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года : по состоянию на 01 июля 2020 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. – Текст : электронный. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&№d=102027595> (дата обращения: 11.03.2024).

2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон [принят Государственной Думой 30 ноября 1994 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301. – ISSN 1560-0580.

3. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федеральный закон [принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410. – ISSN 1560-0580.

4. Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон [принят Государственной Думой 14 июня 2002 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3012. – ISSN 1560-0580.

5. Российская Федерация. Законы. Об акционерных обществах : федеральный закон [принят Государственной Думой 24 ноября 1995 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.01.1996. – № 1. – Ст. 1. – ISSN 1560-0580.

6. Российская Федерация. Законы. Об обществах с ограниченной ответственностью : федеральный закон [принят Государственной Думой

14 января 1998 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 16.02.1998. – № 7. – Ст. 785. – ISSN 1560-0580.

7. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон [принят Государственной Думой 27 сентября 2002 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.10.2002. – № 43. – Ст. 4190. – ISSN 1560-0580.

8. Российская Федерация. Законы. О защите конкуренции : федеральный закон [принят Государственной Думой 08 июля 2006 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31.07.2006. – № 31 (Часть I). – Ст. 3434. – ISSN 1560-0580.

9. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон [принят Государственной Думой 19 июля 2017 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31.07.2017. – № 31 (Часть I). – Ст. 4815. – ISSN 1560-0580.

Нормативные правовые акты, утратившие силу

10. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Законы. Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики : [Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 11.11.1922] (утратил силу с 01.10.1964) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. – 1922. – № 71. – Ст. 904.

11. Российская Федерация. Законы. О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применения к ним специальных процедур : [Указ Президента Российской Федерации от 14.06.1992 № 623] (утратил силу с 01.07.2002) //

Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 25. – Ст. 1419.

12. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве) предприятий : Закон Российской Федерации от 19.11.1992 № 3929-І (утратил силу с 01.03.1998) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 1. – Ст. 6.

Акты официального толкования и применения права

13. По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез «Изыхский» [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.07.2001 № 13-П] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 32. – Ст. 3412. – ISSN 1560-0580.

14. По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 22 и пункта 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования» в связи с запросами Арбитражного суда города Москвы и Арбитражного суда Пензенской области [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.01.2016 № 2-П] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.02.2016. – № 5. – Ст. 762. – ISSN 1560-0580.

15. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шереметьева Виктора Борисовича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 3 и 4 статьи 60 и пунктом 1 статьи 61.15 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [Определение Конституционного Суда

Российской Федерации от 26.05.2020 № 1105-О] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. По делу о проверке конституционности статьи 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 34 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина Н.Е. Акимова [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.11.2021 № 49-П] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 48. – Ст. 8141. – ISSN 1560-0580.

17. По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 № 6-П] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 8. – Ст. 1414. – ISSN 1560-0580.

18. По делу о проверке конституционности пунктов 9 и 11 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданки Л.В. Ваулиной [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.10.2023 № 50-П] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 46. – Ст. 8303. – ISSN 1560-0580.

19. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 01.07.1996] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – № 9. – 1996. – № 5. – 1997.

20. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63] // Вестник ВАС РФ. – № 3. – 2011.

21. О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве [Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35] // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – № 8. – 2012.

22. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – № 3. – 2018.

23. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018) [утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2018] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – № 8. – 2019.

24. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) [утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2020] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – № 10. – 2020.

25. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2021 № 2] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – № 5. – 2021.

Судебные постановления и решения

26. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2017 № 305-ЭС17-9683 по делу № А41-47860/2012. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/931a2046-faee-430e-9335-2cbba621521d/2f1bf573-ddcc-4247-8978-0f2ae98202d7> (дата обращения: 11.03.2024).

27. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2018 № 302-ЭС14-1472(4,5,7) по делу № А33-1677/2013. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/66fbc2c1-2fee-4cc7-973f-e21da7ee0d22/f6fc4ea0-36d3-4388-950e-5196c8cdf15b> (дата обращения: 11.03.2024).

28. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2018 по делу № 306-ЭС17-13670(3) по делу № А12-18544/2015. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/161f6e31-2290-45e7-ac65-fc569a1ed965/d68a6881-bfbc-41ab-acf7-2db78198060e> (дата обращения: 11.03.2024).

29. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2018 № 305-ЭС17-4004(2) по делу № А40-80460/2015. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/56be82a1-bac1-41a9-a716-21f73458cd71/197f52a9-b686-4b6b-8ab2-aa6e8e26d0df> (дата обращения: 11.03.2024).

30. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2019 № 305-ЭС19-10079 по делу № А41-87043/2015. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4c71ed89-29f8-46de-9cfe-91c650d2c313/a7b3da40-3677-4269-9c1e-d9030cf3d6c5> (дата обращения: 11.03.2024).

31. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2019 № 307-ЭС17-11745(2) по делу № А56-83793/2014. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/42051ca2-da77-4e23-a869-cbf5355f9203/8a15647e-c51f-4c54-bb49-2c4311e5fcc1> (дата обращения: 11.03.2024).

32. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-7886/2016. – Картоoteca арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e4f27204-7a83-4dd5-9d65-8fe72de0d734/4280fe46-6e56-4a87-a9e9-19c3f6eac4b0> (дата обращения: 11.03.2024).

33. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326 по делу № А40-131425/2016. – Картоoteca арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3a958c3e-79d9-4ba8-af8f-2666ecc419db/fa04424b-2f12-4091-8ff6-59617998653f> (дата обращения: 11.03.2024).

34. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.01.2020 № 305-ЭС19-16954 по делу № А40-168999/2015. – Картоoteca арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/230aa79b-b1f7-4031-a5ae-42544c7d5a61/d7fc362b-37d9-4bef-81f8-dede5e7f73c8> (дата обращения: 11.03.2024).

35. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.07.2020 № 305-ЭС19-17007(2) по делу № А40-203647/2015. – Картоoteca арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/15271a37-3b3e-490a-891d-75ac7dd276f9/98a783d-b-62cd-4e49-943b-6e2b2443fc27> (дата обращения: 11.03.2024).

36. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2021 № 302-ЭС20-23984 по делу № А19-4454/2017. – Картоoteca арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/175c2288-591f-49fe-bced-6686ca422969/6c5b9eaf-3171-447c-bab2-8e7d60b1e39c> (дата обращения: 11.03.2024).

37. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2021 № 305-ЭС21-4666(1,2,4) по делу № А40-240402/2016. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4c6397cf-6d35-4db4-8fc2-7e86217ec908/88-0d1f1b-2a21-4f4a-a707-9569fcf0cc2a> (дата обращения: 11.03.2024).

38. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2021 № 307-ЭС21-9176 по делу № А56-17680/2017. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a5163977-3577-4c71-b689-22b962a426f4/de966c7-b-0356-4b49-9737-94de2426ccfc> (дата обращения: 11.03.2024).

39. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.10.2021 № 306-ЭС21-18622 по делу № А57-1342/2017. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/15fdf975-2d6f-4f32-b294-3974dc36804d/ea3a680f-61f2-4439-90c9-bee8d7f4694e> (дата обращения: 11.03.2024).

40. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.11.2021 № 305-ЭС19-14439(3-8) по делу № А40-208852/2015. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fbde8753-720e-448d-9036-38d89c8026db/d0-8a4c39-f361-4ed6-9eca-b8bdc7d9a774> (дата обращения: 11.03.2024).

41. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2021 № 308-ЭС17-15907(7) по делу № А53-1203/2016. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/67e454f4-80d6-4cd5-8885-9c59f8b81c2a/27f06282-541e-4acc-b33a-681b050e283e> (дата обращения: 11.03.2024).

42. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.04.2022 № 305-ЭС18-20160(7-15) по делу № А40-251578/2016. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e46b1252-2e54-4865-93b7-e133fb21a557/c30f5ab8-59bf-4a90-9555-cb41e07f6c49> (дата обращения: 11.03.2024).

43. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2022 № 305-ЭС16-20559(13) по делу № А40-98386/2015. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/06e860fb-f07e-4406-906c-4eb5919252b4/74-5377c4-bced-42e1-950e-727c664f2933> (дата обращения: 11.03.2024).

44. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2022 № 305-ЭС20-2268(20-21) по делу № А40-188637/2016. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/61f9d90f-9f61-407c-9310-1e3f3b03879f/4c67be88-f521-4ea7-8d63-3ac4466e24a4> (дата обращения: 11.03.2024).

45. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.01.2023 № 305-ЭС21-18249(2,3) по делу № А40-303933/2018. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/182cc950-0d5c-4139-9d89-60ac814c9e6c/1ff-bf619-ef92-4072-b74c-18a03647d666> (дата обращения: 11.03.2024).

46. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2023 № 307-ЭС22-18671 по делу № А56-64205/2021. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/25b540e0-ae52-4004-bdd8-1f6494ec199f/f90456e2-af72-4481-aaef-ead046b6d553> (дата обращения: 11.03.2024).

47. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2023 № 304-ЭС23-6851 по делу № А03-18956/2015. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7f24c9fd-ab40-45e7-b434-e38cbce91693/e63b3dab-5a2a-46a6-9a1f-d397f75176d1> (дата обращения: 11.03.2024).

48. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.09.2023 № 306-ЭС20-15413(3) по делу № А57-12609/2017. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5ab49b03-036d-425c-9f12-13a4552933b3/9e4297d7-e218-4167-bf46-a95debb8ac0b> (дата обращения: 11.03.2024).

49. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2023 № 305-ЭС23-11757(3,4) по делу № А40-23442/2020. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f84eda15-20c7-4a99-bc40-6528a0aa749f/5ac9b4ee-9c48-43fe-aaf8-98ae12aa9abc> (дата обращения: 11.03.2024).

50. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2024 № 305-ЭС23-22266 по делу № А40-169761/2018. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d475bffe-4c58-41fd-b593-f347b3bba9c5/6426fb73-3bb0-4f15-9d84-07e22f714fe8> (дата обращения: 11.12.2024).

51. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.05.2024 № 306-ЭС19-13175(8) по делу № А65-24096/2017. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3051eed-0e8b-4ec3-96c9-b7ae7e66cf9d/9a037077-1afa-4983-b8cf-c58d60c05afb> (дата обращения: 11.12.2024).

52. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.08.2024 № 305-ЭС24-8702(1,3) по делу № А40-256596/2020. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2f48d23e-3241-42a9-8092-fcdb30541119/6eac1562-0a6c-4120-b1ac-0372ecadaae5> (дата обращения: 11.12.2024).

53. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.08.2024 № 305-ЭС24-8702(2,4) по делу № А40-256596/2020. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2f48d23e-3241-42a9-8092-fcdb30541119/e45f0f71-bd6c-4185-bb31-09c1b088bebe> (дата обращения: 11.12.2024).

54. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.10.2024 № 310-ЭС22-1460(3) по делу № А48-5382/2019. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e06b7186-b322-4ebe-af48-f1598654ffb7/0d8bc03d-9b9d-49d4-a569-05365457eae> (дата обращения: 11.12.2024).

55. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2024 № 305-ЭС24-13352 по делу № А40-8770/2021. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a1411ff8-50ff-4c88-af11-00040c3e7930/43191379-98ab-4401-a8a9-c0ba44d48dd5> (дата обращения: 11.12.2024).

56. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.12.2019 № Ф01-7209/2019 по делу № А79-11049/2016. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/77535b92-4c1b-4178-828c-ee51418bbdfe/cba5f1d7-8911-48d3-9568-52be07826b47> (дата обращения: 11.03.2024).

57. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.04.2021 № Ф01-1420/2021 по делу № А43-39561/2011. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/db92c071-b473-4d7f-ab18-017fd029ca94/edb4f5a3-c2c0-44d9-b9b7-b24cfcf97266> (дата обращения: 11.03.2024).

58. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17.10.2019 № Ф02-3948/2019 по делу № А78-14826/2014. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/62508a1d-d841-4d0f-8c31-adc8f68e8aee/461a10a7-e7a7-494d-b43c-1182ff3d152a> (дата обращения: 11.03.2024).

59. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 01.04.2021 № Ф03-1613/2021 по делу № А51-32010/2016. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ec64083b-c69f-4b3d-af25-a9197a84bf33/d327b08d-7033-4d8d-811c-628a7d0071f7> (дата обращения: 11.03.2024).

60. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28.06.2021 № Ф07-7821/2021 по делу № А56-61555/2019. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e3ce87bf-7df8-4e98-81e7-98d21cb557a4/2e6c23a9-f207-43cf-9d73-2c078d8936be> (дата обращения: 11.03.2024).

61. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.07.2021 № Ф04-3953/2021 по делу № А45-21920/2019. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ee586cc3-b9d2-4ad2-9872-1531faef1651/59f5639c-2641-45d7-96b2-e8e2c6d1990c> (дата обращения: 11.03.2024).

62. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.11.2022 № Ф04-3275/2020 по делу № А70-7489/2017. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/13259aeb-6de0-494e-b3eb-0053302581ac/3b059c79-08b5-4e14-bf09-8981c23301e2> (дата обращения: 11.03.2024).

63. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.06.2023 № Ф04-2787/2023 по делу № А03-12585/2021. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7279a8b3-514f-4e7d-a7f6-c54da83c23b6/3049a1ee-e7f6-4d01-b378-ee540bc706ae> (дата обращения: 11.03.2024).

64. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.10.2023 № Ф04-4926/2023 по делу № А67-4602/2018. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/139ccb55-d250-431e-a7e2-8b62f63e8db8/2c431eec-9024-4843-be7b-39af92154274> (дата обращения: 11.03.2024).

65. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.01.2024 № Ф04-307/2023 по делу № А45-7415/2020. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/80daf291-a273-4479-b063-4774c3fbf67f/2417dc89-dc66-43e6-b4e5-03ef8f1f6c9c> (дата обращения: 11.03.2024).

66. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.08.2024 № Ф04-1496/2020 по делу № А03-16158/2017. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fa012898-35a7-449c-ac43-3bde585e627f/956f0294-1726-42d6-9f58-6f9edfddb829> (дата обращения: 11.12.2024).

67. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.01.2019 № Ф05-1592/16 по делу № А40-151915/2015. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ecf68e93-06c9-4f09-ba10-6d50caafff44/3291b4d7-dcfc-4898-b4f4-41cf31f827be> (дата обращения: 11.03.2024).

68. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.11.2019 № Ф05-5270/2018 по делу № А40-689/2017. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fab713a0-571f-49f2-a6a3-43cddf3d674b/da98cd69-ff9c-4783-b87d-249aec870138> (дата обращения: 11.03.2024).

69. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.08.2020 № Ф05-12508/2020 по делу № А40-121894/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/75403bc4-ecf1-43bb-a985-d24ee2875c79/606db21a-f43d-43fe-9b82-95b3ad46b213> (дата обращения: 11.03.2024).

70. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.10.2020 № Ф05-12027/2017 по делу № А40-208525/2015. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/504f1c2c-c30f-4e0b-a633-2887349d5bfd/2e1eaa22-03e0-4b51-836f-b3753afedb22> (дата обращения: 11.03.2024).

71. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.07.2022 № Ф05-11632/2022 по делу № А40-220968/2021. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a704e808-846d-4c8a-8dd3-6e0eec70758b/357080ec-1afb-4db7-9f29-07be6858819c> (дата обращения: 11.03.2024).

72. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.05.2023 № Ф05-7696/2022 по делу № А40-152966/2020. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/12875e5f-a819-4c8e-bf33-e207401f25a8/0d8d3cca-8473-4961-b34c-853160ba3106> (дата обращения: 11.03.2024).

73. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.07.2023 № Ф05-7967/2020 по делу № А40-315856/2018. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c90abe65-b41d-48e3-9688-411c84ed2349/3fa16202-12ec-4184-b366-6eb9e4d8ca54> (дата обращения: 11.03.2024).

74. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.07.2023 № Ф05-16944/2023 по делу № А40-298756/2022. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3ad6bc48-38ea-44ac-b9dd-918509c442ae/abac4c01-5e26-41ee-b6b8-0b97c3238c54> (дата обращения: 11.03.2024).

75. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.09.2023 № Ф05-654/2021 по делу № А40-26437/2018. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/da55b65e-d16d-4a25-a800-a1502e058306/b19aa0c1-bf07-4b28-b9fe-a5a1ef88443a> (дата обращения: 11.03.2024).

76. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.01.2024 № Ф05-18858/2019 по делу № А40-298902/2018. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/263df32f-8d40-4e2e-aecf-8df276de7e21/7363e5cf-c025-420c-8861-dbd3d72ff87c> (дата обращения: 11.03.2024).

77. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.01.2025 № Ф05-26442/2022 по делу № А40-151582/2020. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8d93e2bf-c9be-4439-922d-0e496c2bd410/dcseaf90-2cad-4037-9a42-79a37e02d6cc> (дата обращения: 31.03.2025).

78. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.09.2019 № Ф06-52851/2019 по делу № А72-14512/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5210d586-7cd1-4e93-a699-9c4be3316ada/da7a048a-1afd-4d90-b2fb-e4a4cb87766d> (дата обращения: 11.03.2024).

79. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20.01.2022 № Ф06-5549/2016 по делу № А57-6255/2014. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/26e2fc3b-85a6-491d-9841-7d16add9dcd4/0cf1b40d-773b-4c6e-8ee5-0d56a9e3ef1a> (дата обращения: 11.03.2024).

80. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26.04.2023 № Ф06-2090/2023 по делу № А55-26805/2021. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c4add4d9-1c3b-4a39-9a93-8372d81afb70/c52367f3-5546-4054-94df-a0e1dd066e89> (дата обращения: 11.03.2024).

81. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 31.10.2024 № Ф06-67015/2020 по делу № А55-24283/2019. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e008114e-a23c-4e22-ae8e-2696328a3ed6/2eb0a808-3e8b-41db-bbca-8999d76457fe> (дата обращения: 11.12.2024).

82. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.01.2020 № Ф07-16600/2019 по делу № А13-7879/2016. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/84aaacbd-63c1-4027-8c40-c20db63c4adc/81179ddf-d58c-4835-868d-2204d6670b6e> (дата обращения: 11.03.2024).

83. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.01.2020 № Ф07-16615/2019 по делу № А56-66487/2010. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f22222f2-cad9-4877-983a-b986c702d48f/3a409544-aca7-43b7-a029-70c4e15ee9de> (дата обращения: 11.03.2024).

84. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04.09.2020 № Ф07-8744/2020 по делу № А05-14106/2016. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a3640250-d860-4139-a6db-2f65924c2b18/d2d7508a-0973-4b0d-9286-2f8220044a1b> (дата обращения: 11.03.2024).

85. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.02.2022 № Ф07-20122/2021 по делу А56-152274/2018. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d322сес7-5сес9-4056-9еес-57се57fec0ba/b31f4d95-3763-4еаа-ad7b-a710аа056765> (дата обращения: 11.03.2024).

86. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.03.2023 № Ф07-14816/2023 по делу № А13-15176/2019. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/36937077-408c-47ef-b8290691b1212b6a/a2675f86-d539-4be2-85ea-ccbfcесе919b> (дата обращения: 11.03.2024).

87. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.11.2023 № Ф07-15987/2023 по делу № А56-46556/2022. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7353391c-78a4-4a51-9fd4-5c0903a05e55/c4cd4c55-bc7e-4a05-96f4-b2b7594caa81> (дата обращения: 11.03.2024).

88. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.08.2022 № Ф09-705/2017 по делу № А50-30709/2015. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/dba32d9d-ebcb-4a1b-ad15-b6b98df90df1/30bf3833-3560-4a75-a715-9d7f8e750090> (дата обращения: 11.03.2024).

89. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.02.2023 № Ф09-5805/2023 по делу № А60-59354/2017. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d1d84d2c-6803-4d21-babc-5061c71e663e/a459ea62-90ea-42dc-9de1-4318652bbe3f> (дата обращения: 11.03.2024).

90. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.02.2023 № Ф09-284/2023 по делу № А34-10314/2021. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d3198f33-2def-43cb-9dbb-a9957b91c795/675dc823-58ec-417e-8647-8661fbb2ad7f> (дата обращения: 11.03.2024).

91. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 03.08.2023 № 08АП-5610/2023 по делу № А70-15120/2021. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1b09cc84-a9f3-4d8f-b118-158438d41e21/05-90a679-7833-48e5-a1c9-eb88c2fcbcc9> (дата обращения: 11.03.2024).

92. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 29.01.2024 № 08АП-14072/2023 по делу № А75-17436/2020. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6715d22c-b6d7-43a6-9fe4-831edb3c3e26/30-d7d716-704d-4f13-8c80-dcb01bc6dbd8> (дата обращения: 11.03.2024).

93. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 01.03.2024 № 08АП-14072/2023 по делу № А75-17436/2020. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6715d22c-b6d7-43a6-9fe4-831edb3c3e26/8c-7e5c4a-a732-44fb-92d1-04718942ef89> (дата обращения: 11.03.2024).

94. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.09.2024 № 20АП-2495/2024 по делу № А23-2314/2020. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/bf98e0af-0dde-494f-b42d-648bcf2a592f/cc-cf10bb-b9d6-4c09-b45b-d967b45976b2> (дата обращения: 11.12.2024).

95. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2025 № 19АП-1678/2022 по делу № А35-7290/2018. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7bcca5ef-0341-45b7-bba6-9e3b3f2fd6ea/e8c-67c57-b049-49ff-b285-1391ad180d69> (дата обращения: 31.03.2025).

96. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.11.2023 № 09АП-63673/2023 по делу № А40-176922/2020. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c630bb29-522a-4021-aa34-b951e42568d3/1-9f62e25-0474-496a-9c49-9554b2d3b881> (дата обращения: 11.03.2024).

97. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.06.2024 № 09АП-65055/2022 по делу № А40-273962/2018. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/425de1fc-6677-4b48-a47b-75754d916cd2/0-0b72ff5-0da4-4c11-bf7b-a8cfe26541bf> (дата обращения: 11.12.2024).

98. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14.09.2018 № 10АП-10383/2018 по делу № А41-29520/2016. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/34f926d1-33bc-4f6d-8a51-c3faf9cfcb39/1e-74aa44-53fd-4b98-8af2-95ede3e021df> (дата обращения: 11.03.2024).

99. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 19.12.2023 № 10АП-25739/2023 по делу № А41-87530/2021. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/01fc22cb-0ad2-4850-816b-1a5a780f2416/c-3dab5a9-a275-4c83-8494-4cad8f760141> (дата обращения: 11.03.2024).

100. Постановления Десятого арбитражного апелляционного суда от 15.02.2024 № 10АП-24840/2023, 10АП-24844/2023 по делу № А41-78842/2015. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e1b5f6e7-3bff-483c-a491-d72397ed2183/b5e0fd19-8be6-45e6-86b0-4551062ed367> (дата обращения: 11.03.2024).

101. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.07.2021 № 11АП-5383/2021 по делу № А55-27994/2018. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fla001fe-af60-43ea-ae37-fb352c169469/f-b55b33a-e492-4d52-842f-a16cc822c8bd> (дата обращения: 11.03.2024).

102. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.06.2023 № 11АП-5850/2023, 11АП-5853/2023 по делу № А55-882/2020. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/bd2ad3af-d4d1-4226-8da6bb03d8d31e1b/dc53c9b1-4649-411e-9373-812eecs18cb4> (дата обращения: 11.03.2024).

103. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.02.2024 № Ф06-26882/2022 по делу № А65-16506/2021. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL:

<https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cc6db895-29fa-48ab-9ec3-e74283360275/f-ad28dfc-4190-469e-bda2-c7afe4930b40> (дата обращения: 11.03.2024).

104. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.02.2024 № 11АП-1181/2024 по делу № А65-8225/2019. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7002d397-f1f8-4d85-b7b1-02f58ce4ae83/-c035d4eb-5c96-458f-ac05-0db455b96240> (дата обращения: 11.03.2024).

105. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2025 № Ф06-11705/2023 по делу № А72-562/2023. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/403941b5-7e28-4cf8-8bb2-5fe59d0c9fa3/-73c34941-52af-402d-b0c1-07fd92985220> (дата обращения: 31.03.2025).

106. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 16.09.2024 № 01АП-5282/2024 по делу № А43-23075/2020. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/59e36220-64be-4da0-88bd-fd48f59fdb62/ecbb4ede-3f03-495d-bb27-d6f6192393da> (дата обращения: 11.12.2024).

107. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 01.10.2024 по делу № А43-51642/2019. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8fbcfafa-c3c2-4248-bdf4-f7e995933233/5e78ae8f-643a-48ed-96de-fca1b0494a23> (дата обращения: 11.12.2024).

108. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2022 № 15АП-12395/2022 по делу № А32-23467/2020. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/80940cc4-db81-4c9f-aa4e-710ebb284716/6-42c1874-3cac-4893-a8b0-a36ea99a553a> (дата обращения: 11.03.2024).

109. Определение Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.11.2024 № 15АП-15426/2024, 15АП-15443/2024 по делу № А32-22045/2016.

– Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1984d269-a9c9-495b-9ea8-5a477c79a64f/810a21ee-e86e-4d8c-a47a-5cd3da5c726c> (дата обращения: 11.12.2024).

110. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 18.12.2023 № 05АП-6259/2023 по делу № А59-2526/2015. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3a2bbb0a-db12-474d-8437-4f7d773f701a/305e367-e-2fd3-4d78-8135-0b5839954243> (дата обращения: 11.03.2024).

111. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 06.06.2023 № 07АП-3912/2023 по делу № А03-7321/2017. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b6e0f3ca-c4fb-476e-b3ae-6aa958c2149e/11-6f9d2c-50de-4b96-adde-c8a5919a37f3> (дата обращения: 11.03.2024).

112. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 13.02.2025 по делу № А03-1682/2017. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ce6c5e5b-68bd-4773-949c-925031ff9b67/0a6fc1c4-813c-435b-8b23-86b69f6f8946> (дата обращения: 31.03.2025).

113. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 20.02.2025 № 07АП-9071/16(4), 07АП-9071/16(5) по делу № А45-20519/2015. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4d42461a-9906-4f36-b7a3-41d80efaa6ac/785d9f60-da0e-4f32-8e1a-bd63358ab832> (дата обращения: 31.03.2025).

114. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.11.2022 № 17АП-4594/2019(14,15,16)-АК по делу № А60-9320/2018. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d838d115-4166-4abe-a87f->

6e250d3b8988/8ae4dfffb-cdfc-494e-b2ec-80b4a6aef3a2 (дата обращения: 11.03.2024).

115. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.09.2022 № 13АП-22861/2022 по делу № А56-74616/2017/тр.6. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7af0a988-5e43-4f09-8eae-865e3673c3f8/eb6ba36e-3798-4399-9e61-7753684bce93> (дата обращения: 11.03.2024).

116. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.08.2023 по делу № А21-8631/2017. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4c3d1297-990a-40b7-b55a-a7479ecf65cb/82f4da72-fc69-404a-9491-45f5fbc1eb49> (дата обращения: 11.03.2024).

117. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.12.2023 № 13АП-32846/2023, 13АП-32848/2023 по делу № А56-13237/2023. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/17872c11-801b-41ac-acbf-b91a36616413/4558016b-ea4d-462c-be6a-cb768a7a0f7a> (дата обращения: 11.03.2024).

118. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 10.10.2024 по делу № А19-20405/2021. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f3e74541-a9cb-40e5-ad9c-8ce7d5b8739c/94a2299a-940d-4af5-ba85-b055185ee2a9> (дата обращения: 11.12.2024).

119. Определение Арбитражного суда города Москвы от 26.06.2020 по делу № А40-107808/2017. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d37467cf-bb4e-4b37-9d63-78507edbad97/5913984-0-0b07-41a3-a233-6a110010b6b8> (дата обращения: 11.03.2024).

120. Решение Арбитражного суда города Москвы от 17.10.2023 по делу № А40-167352/2023. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0bc95653-db00-44dc-97a7-03c58001f0a7/f7bb9a59-ef29-402e-8e6a-465a9340a56c> (дата обращения: 11.03.2024).

121. Решение Арбитражного суда города Москвы от 23.07.2024 по делу № А40-46479/2024. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/553d896a-9d9d-40a6-9абa-cb0d4e32f921/cd602d7-9-1456-437f-bd4f-04776f2b291f> (дата обращения: 11.12.2024).

122. Определение Арбитражного суда Калининградской области от 12.11.2019 по делу № А21-12343/2019. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6b41afa3-e37e-4361-9092-0093478f102f/67ad34e4-a427-4fe0-b036-0cbc284ab46d> (дата обращения: 11.03.2024).

123. Определение Арбитражного суда Кемеровской области от 18.12.2024 по делу № А27-7788/2021. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1832116d-5265-4176-aad5-e0bf7c5fe776/c6989259-f400-4fbc-bc47-610ecd197e98> (дата обращения: 31.03.2025).

124. Определение Арбитражного суда Московской области от 15.01.2020 по делу № А41-47860/2012. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/931a2046-faee-430e-9335-2cbba621521d/2adfde8f-09134d2d-86f9-c14157fa58cb> (дата обращения: 11.03.2024).

125. Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 02.12.2021 по делу № А45-21920/2019. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ee586cc3-b9d2-4ad2-9872-1531faef1651/437c73ff-2c9f-4991-a3d0-46e8d5d75a22> (дата обращения: 11.03.2024).

126. Определение Арбитражного суда Республики Татарстан от 27.06.2021 по делу № А65-6755/2017. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2b6220df-a831-4dbc9b120cb0caf8d16b/9f-6478acf7e2-4ac9-b9f9-e0ac63ed18fd> (дата обращения: 11.03.2024).

127. Определение Арбитражного суда Ростовской области от 01.08.2019 по делу № А53-22198/2014. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2a4f01f796594975bcd197d2708f386f/84162-6df1815-42d0-a491-a78bc863c4f1> (дата обращения: 11.03.2024).

128. Определение Арбитражного суда Свердловской области от 07.06.2021 по делу № А60-6605/2019. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/607eba6e-076c-47f0-9c30-df502e68ffb9/0c58d3a1-f039-42b1-988e-b72115e1abfc> (дата обращения: 11.03.2024).

129. Определение Арбитражного суда Челябинской области от 07.07.2022 по делу № А76-15924/2021. – Картоотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8c62f3db-b9ac-4b31-8ff1-eed316e751b1/289257a3-9d56-4f50-86da-fdbed5e74f85> (дата обращения: 11.03.2024).

130. Евтеев, К.И. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности (банкротстве) : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Евтеев Константин Игоревич ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Москва, 2017. – 24 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

131. Крюкова, Ю.Я. Субсидиарные обязательства в гражданском праве России : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Крюкова Юлия Ярославовна ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2013. – 27 с. – Библиогр.: с. 26-27. – Место защиты: Уральская государственная юридическая академия.

132. Петухов, С.В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц : специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Петухов Сергей Владимирович ; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2024. – 225 с. – Библиогр.: с. 182-225.

133. Прус, Е.П. Проблемы правового регулирования субсидиарных обязательств учредителей (участников) юридического лица : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Прус Елена Павловна ; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва, 2006. – 31 с. – Библиогр.: с. 30-31. – Место защиты: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации.

134. Тарасенко, А.А. Ответственность в правоотношениях несостоятельности (банкротства): понятие и механизм правового регулирования : специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тарасенко Андрей Алексеевич ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2024. – 214 с. – Библиогр.: с. 178-211.

135. Татарников, А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Татарников Алексей Валентинович ; Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. – Москва, 2010. – 30 с. – Библиогр.: с. 30. – Место защиты: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.

136. Хохлов, В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Хохлов Вадим Аркадьевич ; Самарская экономическая академия. – Саратов, 1998. – 41 с. – Библиогр.: с. 40-41. – Место защиты: Самарская экономическая академия.

Книги

137. Алексеев, С.С. Общая теория права : курс в 2 томах. Том 2 / С.С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1982. – 359 с. – ISBN 5-7260-0560-0.

138. Беляцкий, С.А. Частное право в основных принципах : (курс гражданского права) / Профессор С.А. Беляцкий. – Каунас : Типография Ф. Соколовской и Г. Лана, 1928. – 900 с. – ISBN отсутствует.

139. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – Москва : Госюриздат, 1961. – 381 с. – ISBN отсутствует.

140. Гражданское право : учебник : для студентов юридических высших учебных заведений / под редакцией Б.М. Гонгало : в 2 томах. Том 2. – 3-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Статут, 2018. – 558 с. – ISBN 978-5-8354-1441-3.

141. Гутников, О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве : монография / О.В. Гутников. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Юридическая фирма Контракт, 2019. – 487 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-6041897-3-3.

142. Иоффе, О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. – Москва : Юридическая литература, 1975. – 880 с. – ISBN отсутствует.

143. Как защитить свой бизнес: предпринимательские риски / под общей редакцией Е.А. Муратовой. – Москва : Редакция «Российской газеты», 2020. – 159 с. – ISSN 1605-7449.

144. Кодификация российского гражданского права : свод законов гражданских Российской Империи. Проект Гражданского уложения Российской Империи. Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1922 года. Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1964 года / редакционная коллегия : С.С. Алексеев, Б.М. Гонгалов, С.А. Степанов ; ответственный секретарь Д.В. Мурзин. – Екатеринбург : Институт частного права, 2003. – 927 с. – ISBN 5-9805000-1-4.

145. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / В.А. Багаев, Е.Е. Баглаева, О.А. Беляева [и др.] ; ответственный редактор Ф.Я. Яковлев, член-корреспондент Российской академии наук ; Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». – Москва : ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ, 2018. – 221 с. – ISBN 978-5-6044816-4-6.

146. Лейст, О.Э. Сущность права : проблемы теории и философии права / О.Э. Лейст ; под редакцией В.А. Томсинова. – Москва : Зерцало, 2008. – 339 с. – ISBN 978-5-8078-0151-7.

147. Лотфуллин, Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве / Р.К. Лотфуллин. – Москва : SB&P, 2021. – 556 с. – ISBN 978-5-7164-1066-4.

148. Лукьяненко, М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность / М.Ф. Лукьяненко. – Москва : Статут, 2010. – 421 с. – ISBN 978-5-8354-0664-7.

149. Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека : монография / А.З. Бобылева, Д.Е. Горев, Ю.А. Зайцева [и др.] ; ответственный редактор С.А. Карелина, И.В. Фролов. – Москва : Юстицинформ, 2022. – 312 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-7205-1845-5.

150. Нетишинская, Л.Ф. Проблемы ответственности в гражданском праве : учебное пособие / Л.Ф. Нетишинская. – Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет, 2020. – 88 с. – ISBN 978-5-907373-11-2.

151. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330-333, 380-381, 382-406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / ответственный редактор А.Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2022. – 1188 с. – ISBN 978-5-8354-1840-4.

152. Российское гражданское право: учебник : для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция» : в 2 томах. Том 1 / В.С. Ем [и др.] ; ответственный редактор Е.А. Суханов ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права. – 2-е издание, стереотипное. – Москва : Статут, 2011. – 956 с. – ISBN 978-5-8354-0700-2.

153. Рыков, И.Ю. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации / И.Ю. Рыков. – Москва : Статут, 2017. – 187 с. – ISBN 978-5-8354-1351-5.

154. Советское гражданское право : учебник для вузов : в 2 томах. Том 2 / под общей редакцией О.А. Красавчикова. – 3-е издание. – Москва : Высшая школа, 1985. – 544 с.

155. Шершеневич, Г.Ф. Избранные труды по общей теории права, гражданскому и торговому праву : в 2 томах. Том 1 / Г.Ф. Шершеневич ; составитель В.А. Белов. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 284 с. – ISBN 978-5-534-04837-7.

156. Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права. Введение. Торговые деятели. Том 1 / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 397 с. – ISBN 978-5-534-07829-9.

157. Шишмарева, Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии / Т.П. Шишмарева. – Москва : Статут, 2018. – 237 с. – ISBN 978-5-8354-1458-1.

Научные статьи

158. Абдулкадиров, Т. Судебная дискреция по вопросам о субсидиарной ответственности нуждается в ограничении? / Т. Абдулкадиров // Вестник арбитражной практики. – 2021. – № 3. – С. 52-59. – ISSN 2223-1498.

159. Абрамов, С.И. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства: вопросы теории и практики / С.И. Абрамов // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 1. – С. 81-90. – ISSN 2223-1498.

160. Алекперов, Д.С. Соотношение правил о субсидиарной ответственности при банкротстве и генеральном деликте / Д.С. Алекперов // Арбитражные споры. – 2023. – № 4. – С. 150-168. – ISSN 2223-2581.

161. Амбарцумов, Р.А. Взаимосвязь институтов оспаривания сделок должника и субсидиарной ответственности контролирующих лиц / Р.А. Амбарцумов, С.В. Петухов // Legal Bulletin. – 2023. – № 1. – Том 8. – С. 76-86. – ISSN 2658-5448.

162. Антонов, А.С. Закон допустил контролирующих должника лиц к участию в деле о банкротстве / А.С. Антонов, Н.С. Чернышенко // Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 6. – С. 49-59. – ISSN 2223-1498.

163. Барциц, И.Н. Ответственность контролирующих должника лиц за нарушение законодательства Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве) / И.Н. Барциц, В.П. Быков, Е.В. Черникова, И.В. Маркелова // Современное право. – 2019. – № 11. – С. 65-72. – ISSN 191-6027.

164. Блохина, Е.В. Банкротные способы защиты прав кредиторов в случае оформления активов должника на подставных лиц / Е.В. Блохина // Цивилист. – 2023. – № 1. – С. 54-60. – ISSN 2411-500X.

165. Будылин, С.Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России / С.Л. Будылин, Ю.Л. Иванец // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 7. – С. 80-125. – ISSN 2071-2323.

166. Бычкова, Е.Н. Правомочия лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, на обжалование судебных актов в деле о банкротстве должника / Е.Н. Бычкова // Арбитражные споры. Информационно-аналитический журнал. – 2020. – № 4. – С. 31-42. – ISSN 2712-9292.

167. Ваюкин, В. Практика покажет / В. Ваюкин // Новая адвокатская газета. – 2018. – № 7. – С. 26-30. – ISSN отсутствует.

168. Гутников, О.В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа / О.В. Гутников // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 1. – С. 45-77. – ISSN 1605-6590.

169. Горбашев, И.В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации / И.В. Горбашев // Вестник гражданского права. – 2018. – № 4. – С. 154-202. – ISSN 1992-2043.

170. Демишева, К.И. Особенности института субсидиарной ответственности в делах о несостоятельности (банкротстве) / К.И. Демишева // Современное право. 2024. – № 9. – С. 105-111. – ISSN 1991-6027.

171. Джеголя, И.В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов: каковы границы? / И.В. Джеголя // Право и бизнес. – 2021. – № 2. – С. 48-53. – ISSN 2712-8865.

172. Езюков, В.К. Правило защиты делового решения (business judgment rule): особенности применения при банкротстве юридического лица / В.К. Езюков // Право и экономика. – 2022. – № 5. – С. 30-35. – ISSN 0869-7671.

173. Ермилов, В.Б. «Объективное банкротство»: теория и практика / В.Б. Ермилов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 3. – С. 77-80. – ISSN 0869-7671.

174. Жаренцова, Ю.С. Субсидиарная ответственность при банкротстве: отдельные аспекты нововведений / Ю.С. Жаренцова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 7. – С. 22-32. – ISSN 1992-8041.

175. Журавлев, Г.А. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: субъекты, критерии определения и привлечения их к ответственности / Г.А. Журавлев // Вестник исполнительного производства. – 2018. – № 1. – С. 63-68. – ISSN 2414-0015.

176. Журиков, И.А. Права контролирующих должника лиц на участие в процессах, влияющих на их привлечение к субсидиарной ответственности / И.А. Журиков // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – №10 (265). – С. 75-83. – ISSN 2072-4098.

177. Журдэн, П. Принципы гражданско-правовой ответственности (продолжение) / П. Журдэн // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6. – С. 154-193. – ISSN 1992-2043.

178. Жученко, С.П. Убытки: зарубежные подходы и отечественная практика / С.П. Жученко // Защита гражданских прав: избранные аспекты. – 2017. – С. 104-161. – ISSN отсутствует.

179. Иванова, Ю.В. Процессуальное положение контролирующего должника лица / Ю.В. Иванова // Банковское обозрение. Приложение «FinLegal» . – 2023. – № 1. – С. 15-19. – ISSN отсутствует.

180. Карелина, С.А. Признаки объективного банкротства, используемые при определении оснований привлечения к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица / С.А. Карелина // Хозяйство и право. – 2020. – № 3. – С. 32-47. – ISSN 0869-351X.

181. Карелина, С.А. Субсидиарная ответственность в механизме защиты прав и законных интересов участников отношений несостоятельности: современные тренды /С.А. Карелина // Предпринимательское право. – 2022. – № 1. – С. 10-18. – ISSN 1999-4788.

182. Колонтаевская, И.Ф. Проблемы взаимодействия корпоративного права России и зарубежных стран. Доктрина «снятия корпоративной вуали» / И.Ф. Колонтаевская // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте : Юридические науки. – 2017. – № 4 (13). – С. 43-48. – ISSN 2313-0164.

183. Кондратьев, В.А. Противодействие выводу активов должника при банкротстве / В.А. Кондратьев // Вестник арбитражной практики. – 2024. – № 5. – С. 87-94. – ISSN 2223-1498.

184. Корюкаева, Т.Г. Вопросы судебной практики рассмотрения споров о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) / Т.Г. Корюкаева, А.А. Петряшова // Арбитражные споры. – 2024. – № 3. – С. 86-119. – ISSN отсутствует.

185. Куракин, М.В. Собрание кредиторов / М.В. Куракин // Арбитражный управляющий. – 2013. – № 4. – С. 30-31. – ISSN отсутствует.

186. Лотфуллин, Р.К. Гражданско-правовая ответственность за умышленные действия, направленные на создание невозможности получения кредиторами должника исполнения за счет имущества контролирующих его

лиц. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326 / Р.К. Лотфуллин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 6. – С. 23-34. – ISSN 2071-7154.

187. Мифтахутдинов, Р.Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы / Р.Т. Мифтахутдинов // Закон. – 2018. – № 5. – С. 187-191. – ISSN 0869-4400.

188. Морозов, А.И. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц. Как суды применяют разъяснения Пленума Верховного Суда / А.И. Морозов // Арбитражная практика для юристов. – 2018. – № 7 (35). – С. 38-44. – ISSN 2223-2581.

189. Морхат, П.М. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве как самостоятельная (основная) ответственность контролирующего должника лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица / П.М. Морхат // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2019. – № 4. – С. 68-79. – ISSN 2686-7915.

190. Налбалдян, Е.Л. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц при банкротстве / Е.Л. Налбалдян // Образование и право. – 2018. – № 6. – С. 88-92. – ISSN 1997-0468.

191. Неверов, С.О. Теоретико-правовой анализ понятия «имущественный кризис» с иными терминами, характеризующими неудовлетворительное финансовое состояние организации / С.О. Неверов // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 3 (68). – С. 63-66. – ISSN 2410-7447.

192. Некрасов, А. Как не пропустить свое и чужое банкротство / А. Некрасов // Юридический справочник руководителя. – 2021. – № 9. – С. 39-52. – ISSN отсутствует.

193. Паращук, С.А. Правовая регламентация группы лиц как единого хозяйствующего субъекта по законодательству России / С.А. Паращук // Предпринимательское право. – 2024. – № 2. – С. 61-69. – ISSN 1999-4788.

194. Пархоменко, А.Д. Сходства и различия подходов к правовому регулированию субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в российском и зарубежном праве / А.Д. Пархоменко // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 12. – С. 35-44. – ISSN 1994-1471.

195. Петухов, С.В. Добросовестность и разумность в механизме субсидиарной ответственности контролирующих лиц / С.В. Петухов // Юрист. – 2024. – № 10. – С. 22-28. – ISSN 2224-9133.

196. Петухов, С.В. Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих лиц / С.В. Петухов // Образование и право. – 2023. – № 1. – С. 184-188. – ISSN 2076-1503.

197. Петухов, С.В. Роль экспертизы в спорах о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности / С.В. Петухов, Д.К. Усцов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 4. – С. 29-34. – ISSN 1812-383X.

198. Попондопуло, В.Ф. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве / В.Ф. Попондопуло, Е.В. Силина (Слепченко) // Судья. – 2018. – № 4. – С. 10-15. – ISSN 1817-8170.

199. Радчина, Ю.М. Некоторые проблемы привлечения к субсидиарной ответственности руководителей корпораций и контролирующих лиц / Ю.М. Радчина // Молодой ученый. – 2018. – № 35. – С. 67-70. – ISSN 2072-0297.

200. Романов, А.А. Институт субсидиарной ответственности в делах о несостоятельности (банкротстве) / А.А. Романов, А.В. Набокова // Российский судья. – 2024. – № 9. – С. 45-50. – ISSN отсутствует.

201. Романова, О.И. Применение судами положений ст. 1080 Гражданского кодекса Российской Федерации / О.И. Романова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 4. – С. 154-184. – ISSN 2071-7154.

202. Сарнакова, А.В. Обеспечение защиты прав и законных интересов кредиторов при банкротстве должника / А.В. Сарнакова // Юрист. – 2020. – № 4. – С. 60-65. – ISSN 2224-9133.

203. Сильченко, В.Ю. Иски о привлечении к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве с точки зрения характера защищаемого интереса / В.Ю. Сильченко // Вестник гражданского процесса. – 2023. – № 2. – С. 179-201. – ISSN отсутствует.

204. Ситдикова, Л.Б. Особенности и порядок привлечения к субсидиарной ответственности руководителя должника при банкротстве / Л.Б. Ситдикова // Юрист. – 2024. – № 7. – С. 2-7. – ISSN 2224-9133.

205. Соловьева, А.А. О взыскании с главбуха долгов фирмы / А.А. Соловьева // Строительство: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2021. – № 12. – С. 45-51. – ISSN отсутствует.

206. Суворов, Е.Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства / Е.Д. Суворов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 7. – С. 42-49. – ISSN 1992-8041.

207. Султанов, А.Р. Должная правовая процедура и правовые стандарты Европейского Суда по правам человека / А.Р. Султанов // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 1 (2). – С. 62-65. – ISSN 2410-7447.

208. Сушков, И.С. Особенности привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в рамках дела о банкротстве по праву России и Соединенных Штатов Америки / И.С. Сушков // Современное право. – 2024. – № 4. – С. 98-102. – ISSN 2072-0939.

209. Тай, Ю.В. Сын за отца отвечает. Субсидиарная ответственность членов семьи директора в банкротстве компании. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326 / Ю.В. Тай, С.Л. Будылин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 6. – С. 4-22. – ISSN 2071-7154.

210. Ткачев, А.А. О конкуренции различных требований о возмещении контролирующими лицами имущественных потерь должника и кредиторов в процедурах банкротства / А.А. Ткачев // Вестник арбитражной практики. – 2024. – № 6. – С. 20-27. – ISSN 2223-1498.

211. Ткачев, А.А. Субсидиарная ответственность конечных бенефициаров в процедурах банкротства / А.А. Ткачев // Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 1. – С. 63-70. – ISSN 2223-1498.

212. Тололаева, Н.В. Комментарий к статье 1080 Гражданского кодекса Российской Федерации / Н.В. Тололаева // Вестник гражданского права. – 2023. – № 2. – С. 112-144. – ISSN 2073-9525.

213. Хлопцов, Д.М. О методике определения даты объективного банкротства организации / Д.М. Хлопцов, О.С. Беломытцева, А.С. Баландина // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 1. – С. 30-40. – ISSN 2072-4098.

214. Цепов, Г.В. Можно ли судить за алчность? Ответственность контролирующих лиц коммерческой корпорации перед кредиторами за принятие чрезмерного предпринимательского риска при угрозе несостоятельности / Г.В. Цепов // Закон. – 2016. – № 8. – С. 98-120. – ISSN 1999-4788.

215. Шарудилов, А.С. Возложение субсидиарной ответственности на наследников контролирующего должника лица при несостоятельности (банкротстве) / А.С. Шарудилов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – № 3. Том 17. – С. 188-192. – ISSN 2541-8025.

216. Шарудилов, А.С. Соотношение привлечения к субсидиарной ответственности и взыскания убытков с бывшего руководителя должника / А.С. Шарудилов // Вопросы российского и международного права. – 2022. – № 7А. Том 12. – С. 67-75. – ISSN 2222-5129.

217. Шарудилов, А.С. Расширение правомочий лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности в рамках дела о несостоятельности

(банкротстве) / А.С. Шарудилов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – № 1. Том 19. – С. 62-66. – ISSN 2712-7605.

218. Шарудилов, А.С. Субсидиарная ответственность при трансграничном банкротстве / А.С. Шарудилов // Вопросы российского и международного права. – 2023. – № 12А. Том 13. – С. 184-191. – ISSN 2222-5129.

219. Шевченко, Г.Н. Вина как условие гражданско-правовой ответственности в российском гражданском праве / Г.Н. Шевченко // Современное право. – 2017. – № 3. – С. 67-74. – ISSN 1991-6027.

220. Шишкина, Е.В. Субсидиарная ответственность номинального руководителя в рамках дела о банкротстве / Е.В. Шишкина // Хозяйство и право. – 2022. – № 1. – С. 110-118. – ISSN 0134-2398.

221. Шишмарева, Т.П. Основания и условия привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника и иных лиц в процедурах несостоятельности (банкротства) / Т.П. Шишмарева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 7. – С. 3-8. – ISSN 1992-8041.

222. Яковлев, А.Э. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности (2020 год – первое полугодие 2021 года) / А.Э. Яковлев, К.В. Мышевская // Арбитражные споры. – 2022. – № 2 (98). – С. 2-32. – ISSN 2227-3345.

Зарубежная литература

223. Kraakman, R. The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach / R. Kraakman, J. Armour, P. Davies [et al.]. – 3rd ed. – Oxford University Press, 2017. – P. 305. – ISBN 978– 0– 19– 873963– 0.

Электронные ресурсы

224. Банкротство в России. Статистический бюллетень Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. Итоги 2024 года // Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://fedresurs.ru/news> (дата обращения: 31.03.2025).

225. Григорьев, В.И. Имеет ли КДЛ право стать участником дела о банкротстве до подачи заявления о привлечении его к субсидиарной ответственности? / В.И. Григорьев // Закон.ру : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://zakon.ru/grig_111 (дата обращения: 23.11.2023).

226. Зиневич, И.О. Субсидиарная ответственность директора / И.О. Зиневич // Закон.ру : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://zakon.ru/blog/2023/09/11/subsidiarnaya_otvetstvennost_direktora (дата обращения: 05.10.2023).

227. Масленников, Г.Ю. Правовые аспекты для пересмотра требований, основанных на решении налогового органа и подтвержденных судом (по мотивам Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16.11.2021 № 49-П) / Г.Ю. Масленников // Закон.ру : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://zakon.ru/g_m (дата обращения: 26.11.2023).

228. О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ: Письмо Федеральной налоговой службы от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ / Федеральная налоговая служба : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rN77/about_fts/docs/6968310/?ysclid=lzz8zm9t6p340695638 (дата обращения: 17.01.2022).

229. Привлечение к субсидиарной ответственности (собрание правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, декабрь 2021 года). – Информационно-правовой портал «Гарант.ру» : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403230347/?ysclid=m-97e46vbby807191187>(дата обращения: 26.11.2023).

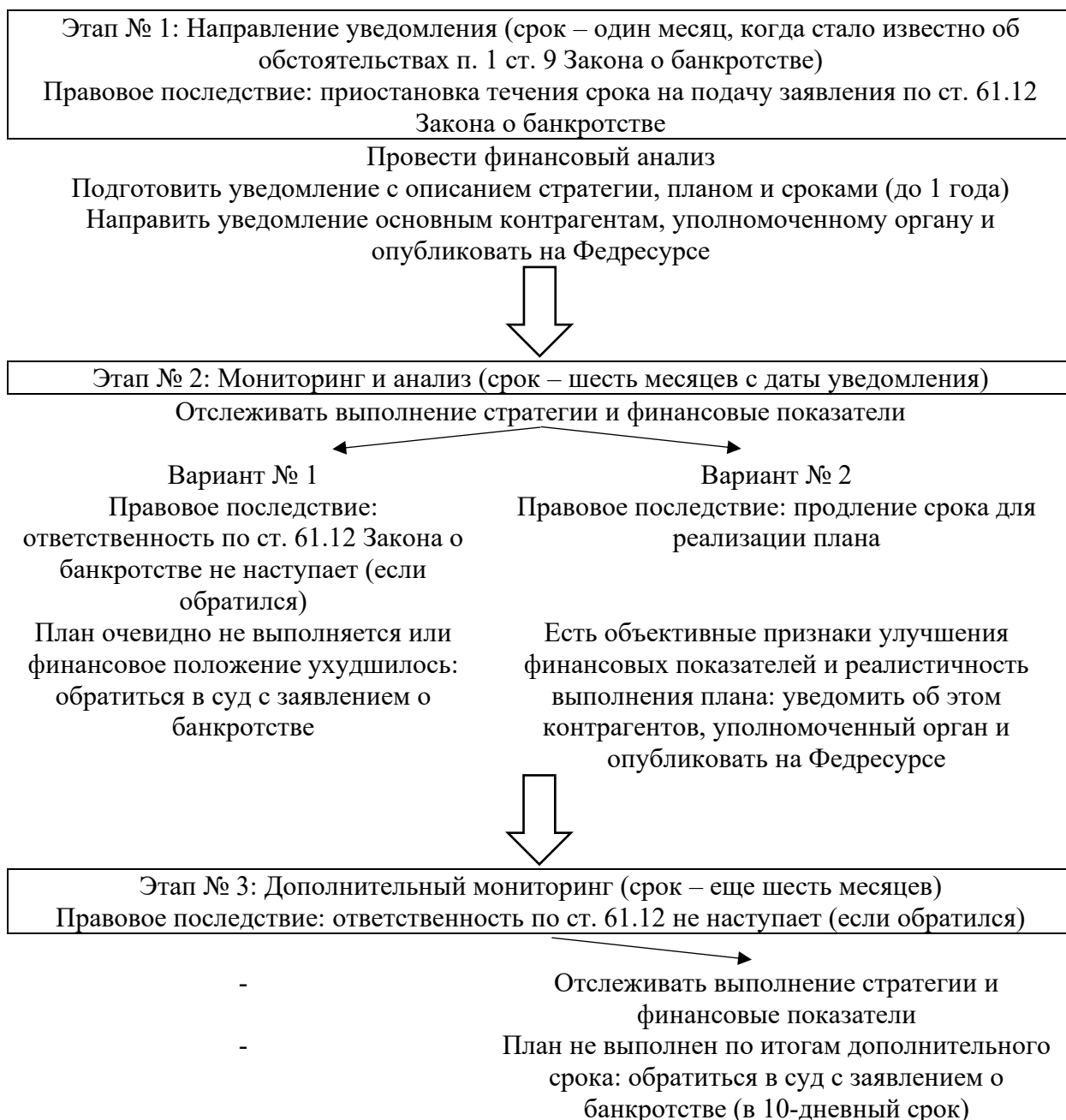
230. Шарудилов, А.С. Перевод бизнеса: спасение компании или субсидиарная ответственность? / А.С. Шарудилов // International Law Journal : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://ilj-journal.ru/archives/9858/> (дата обращения: 20.08.2024).

231. Юхнин, А.В. Статистика реабилитационных процедур. Есть ли достоверная информация. Корпоративный юрист. Ежеквартальное приложение. 2023 / А.В. Юхнин // Акцион : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://e.korpurist.ru/1052890?ysclid=lzza2fc2vk36770-9780> (дата обращения: 14.11.2022).

Приложение А

(информационное)

Механизм защиты прав кредиторов через реализацию руководителем бизнес-стратегии по выходу из неблагоприятного финансового положения

Источник: составлено автором.

Рисунок А.1 – Механизм защиты прав кредиторов через реализацию руководителем бизнес-стратегии по выходу из неблагоприятного финансового положения

Приложение Б

(информационное)

Динамика изменений, рассматриваемых положений Закона о банкротстве

Таблица Б.1 – Динамика изменений, рассматриваемых положений Закона о банкротстве

Действующая редакция Закона о банкротстве	Понятие контролирующего должника лица (временной охват контроля)	Формулировка правонарушения (влекущего субсидиарную ответственность)
1	2	3
Федеральный закон от 27 октября 2002 г. № 127-ФЗ (с 02 декабря 2002 г.)	лицо, которое имеет право давать обязательные для должника указания или имеет возможность иным образом определять его действия (без указания периода)	банкротство должника
Федеральный закон от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ (с 05 июня 2009 г.)	лицо, имеющее право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника; лицо, имевшее в течение менее чем два года до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом такое право или возможность	вред, причиненный имущественным правам кредиторов
Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 222-ФЗ (с 01 сентября 2016 г.)	лицо, имеющее право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника; лицо, имевшее в течение менее чем три года до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом такое право или возможность	признание должника несостоятельным (банкротом)
Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ (с 30 июля 2017 г.)	лицо, имеющее право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника; лицо, имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, такое право или возможность; лицо, имевшее в	невозможность полного погашения требований кредиторов

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3
	период с момента возникновения признаков банкротства и до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом такое право или возможность	

Источник: составлено автором.

Приложение В

(информационное)

Соотношение положений о возмещении убытков и специальных норм, регламентирующих субсидиарную ответственность

Таблица В.1 – Соотношение положений о возмещении убытков и специальных норм, регламентирующих субсидиарную ответственность

Основание (критерий сравнения)	Взыскание убытков (ст. 53.1 ГК РФ / ст. 61.20 Закона о банкротстве)	Привлечение к субсидиарной ответственности (ст. 61.11, 61.12 Закона о банкротстве)
1	2	3
Связь с банкротством	Может применяться независимо от банкротства (ст. 53.1) или в рамках дела о банкротстве (ст. 61.20), даже если действия не привели к банкротству	Применяется только при наличии признаков банкротства или в связи с ним (неподача заявления, доведение до банкротства)
Причина негативных последствий	Действия (бездействие) причинили убытки должнику, но исходя из разумных ожиданий, вред не должен был привести к объективному банкротству должника	Противоправные действия (бездействие) КДЛ явились необходимой причиной объективного банкротства или существенно усугубили его, либо имела место неподача (несвоевременная подача) заявления о банкротстве
Объект причинения вреда (непосредственный)	Имущественная сфера должника	Имущественные права кредиторов (в виде невозможности получить удовлетворение)
Субъект, в пользу которого взыскиваются средства	Должник (в конкурсную массу)	Кредиторы (напрямую или через конкурсную массу)
Срок периода контроля (по общему правилу)	Может быть любым (в пределах срока исковой давности)	По общему правилу – три года до объективного банкротства и период после него до возбуждения дела (ст. 61.10)
Расчет размера ответственности	Определяется по общим правилам статьи 15 ГК РФ (реальный ущерб + упущенная выгода должника)	Ст. 61.11: совокупный размер требований кредиторов в непогашенной части; Ст. 61.12: размер обязательств, возникших после необходимой даты

Продолжение таблицы В.1

1	2	3
		обращения с заявлением о собственном банкротстве и до фактической даты возбуждения дела

Источник: составлено автором.